

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

Страничка редактора

Политика

Национальная безопасность

Международные отношения

Социология

Экономика

Международная конференция

Публикации

Заметки на полях книги

ВА – №2(20)

VESTNIK ANALITIKI

Editor's Page

Politics

National security

Foreign Affairs

Sociology

Economics

International Conference

Publications

Notes on a Book's Margins

ЖУРНАЛ АНАЛИТИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

Выходит один раз в квартал

Главный редактор
Первый заместитель
главного редактора

Вагиф Гусейнов

Юрий Поройков

Редакционный совет

Аркадий Вольский

Михаил Делягин

Сергей Караганов

Андрей Кокошин

Николай Михайлов

Александр Назарчук

Алексей Пушкин

Александр Рар

Владимир Рыжков

Андрей Федоров

Александр Ципко

Учредитель

Институт стратегических оценок и анализа

Журнал издается при поддержке ЗАО «Северстальтранс»
и Бюро социально-экономической информации

© Институт стратегических оценок и анализа

Точка зрения авторов не всегда совпадает с позицией редакции

СОДЕРЖАНИЕ

Страничка редактора

Вагиф Гусейнов. «Остановиться, оглянуться...» 5

Политика

«500 слов». Зарубежные корреспонденты о сегодняшней ситуации в России 13

Оксана Гаман-Голутвина. О морально-нравственных основаниях политики 22

Юрий Крупнов. Почему либеральная империя в России не получится? 38

Национальная безопасность

Алла Язькова. Южный Кавказ: уравнение со многими неизвестными 57

Елена Комлева. Ядерная энергия: о мере человечности 68

Международные отношения

Карин Кнайсль (*Австрия*). Неясное будущее Балкан 86

Сергей Демиденко. Иракский кризис и курдский вопрос 98

Социология

Инна Шумилина. «Цельсий» против «Фаренгейта», или президентская киногонка-2004 (*политико-психологическое эссе*) 111

Павел Гуревич. Величие и ограниченность политехнологий (*комментарий социолога*) 124

Экономика

Валерий Сидоров. Россия: витязь на распутье 128

Константин Фрумкин. Накануне эпохи тотальной мобильности 141

Международная конференция

Юго-Восточная Европа и Россия: проблемы Средиземноморско-Черноморского региона 155

Публикации

Рой Медведев. Смена элит в России

Глава из новой книги «Владимир Путин. Второй срок» 206

Александр Ципко. Прощание с социализмом (*продолжение*) 219

Заметки на полях книги

Эльвира Спирова. Патрик Дж. Бьюкенен. «Смерть Запада» 236

Summary 240

Об авторах 249

CONTENTS

Editor's Page

Vagif Guseynov. «To Pause, To Look Back...» 5

Politics

«500 Words». Foreign correspondents about today's situations in Russia 13

Oksana Ghaman-Golutvina. On Moral Foundations of Politics 22

Yury Krupnov. Why the Liberal Empire in Russia Would Fail? 38

National Security

Alla Yazkova. Southern Caucasus: the Equation With Many an Unknown 57

Yelena Komleva. Nuclear Power: By Measure of Humanity 68

Foreign Affairs

Karin Kneissl. Unclear Future in the Balkans 86

Sergey Demidenko. The Iraqi Crisis and the Kurdish Problem 98

Sociology

Inna Shumilina. «Celsius» vs. «Fahrenheit»? or the 2004 Presidential Movie-Race (*Political-Psychological Essay*) 111

Pavel Gurevich. The Grandeur and Scantiness of Political Technologies (*Sociologist's Comment*) 124

Economics

Valery Sidorov. Russia: A Knight at the Crossroads 128

Konstantin Frumkin. On the Eve of the Epoch of Global Mobility 141

International Conference

The South-East Europe and Russia: Problems of the Mediterranean-Black Sea Region 155

Publications

Roy Medvedev. Changing Elites in Russia.

A chapter from the new book «Vladimir Putin. Second Term» 206

Alexander Tsipko. Farewell to Socialism (*Continuation*) 219

Notes on a Book's Margins

Elvira Spirova. *The Death of the West* by Patrick J. Buchanan 236

Summary 240

Our Authors 252

СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА

«ОСТАНОВИТЬСЯ, ОГЛЯНУТЬСЯ...»

Это название молодежной повести Леонида Жуховицкого, весьма популярной в 70-е годы. Фраза стала крылатой – ее охотно использовали и журналисты, и политики, и психологи, да и в обыденной речи она хорошо прижилась из-за своей многозначности и эмоциональной окрашенности. Воспользовался этой возможностью и я, мысленно возвращаясь к тому, что привлекло внимание в дни, предшествующие главному событию года – 60-летию Победы в Великой Отечественной войне, на самом празднике и в последующее за ним время.

Весной оживает не только природа. Новый прилив энергии и сил, видимо, почувствовали и наши высокопоставленные чиновники, почти одновременно публично поделившиеся откровениями о состоянии дел в своих сферах деятельности. Сыграли в том роль гормоны или после зимней спячки широко раскрылись глаза на родное и привычное, но тональность их высказываний держалась на одной ноте – «не так, не то, не туда».

«В стране нет кризиса идей, в стране есть управленческий кризис», – заявил министр экономики Г. Греф. Первый вице-премьер А. Жуков предложил впредь не называть реформы реформами, а именовать их «изменениями к лучшему» – «люди устали от реформ». Помощник президента по экономическим вопросам А. Илларионов обнаружил в экономической политике современной России «деформацию, деградацию, гниение и разложение». «Общество боится армии», – признался не без горечи министр обороны С. Иванов. Руководитель администрации президента Д. Медведев предупредил о том, что «если мы не сумеем консолидировать элиты, Россия может исчезнуть как единое государство».

О том же говорили и съехавшиеся в Лондон на экономический форум весьма известные и в политике, и в экономике российские персоны. Появившийся после долгого отсутствия в публичной политике бывший премьер М. Касьянов начал свою речь на форуме с замечательного признания: «Пора говорить правду». Человека, в лице которого видели будущего политического соперника действующего

президента на выборах 2008 года, ждали, на его слова бурно реагировали, понимая, что сейчас будет сказано нечто такое, что никогда прежде не звучало ни с трибун, ни со страниц газет, ни с экранов телевизоров.

Увы, правдой оказалась констатация фактов, ставших давно общим местом в самой непритязательной публицистике. Заметим, кстати, что многое, прозвучавшее в апрельском послании В. Путина Федеральному собранию, было и покруче, и жестче. Но обе эти правды носили более декларативный характер, чем конструктивный. Оба обошли самые острые углы, как и положено политикам, понимающим, что правда – это не политика (а почему так, а не иначе, см. в этом же номере статью Оксаны Гаман-Голутвиной «О морально-нравственных основаниях политики»).

«Заговори, чтобы я увидел тебя!» – большой все-таки смысл в этой древней сократовской фразе...

Выступления чиновников вызвали широкий общественный резонанс и многочисленные комментарии специалистов. Конечно, такую концентрацию критической мысли можно объяснить разными причинами, однако большинство экспертов и аналитиков были склонны видеть в этом чуть запоздалую реакцию правительственных лиц на известные события как внутри страны, так и вне ее.

Очевидно, что и «цветные» революции, смахнувшие многолетние режимы с политической сцены трех соседних государств, и зреющие конфликты в кавказских республиках, и выступления населения в различных регионах страны против местных властей, и неудачные старты важных социальных реформ и пр. – все это, вероятно, оказалось холодным душем для слегка разгоряченных голов власть предержащих. Эти события напомнили о том, что народ – вовсе не абстрактное понятие, а вполне реальная сила, способная самоорганизовываться и проявлять свою волю и интересы не только стихийным всесокрушающим бунтом, но и массированным и длительным давлением на власть.

И Д. Медведев, безусловно, прав, говоря о том, что существует риск изменения вектора развития страны в связи с наличием серьезных проблем, таких как терроризм, бедность, преступность, способных раскачать общество и привести к серии общественных катаклизмов. Основным же риском, по его мнению, является дестабилизация общественной жизни вследствие актов террора, грубых экономических ошибок и масштабной драки элит, «ведущей к переделу собственности, возникновению региональных барьеров, сепаратизации общественной и хозяйственных сфер».

На «круглом столе», проведенном весной нашим институтом совместно с «Литературной газетой», говорилось о том, что во всех трех смутах России главным источником кризиса была правящая элита:

именно она каждый раз оказывалась причиной исторических катаклизмов, теряя при этом все, что имела¹.

В публикуемой в этом номере «Вестника аналитики» главе из новой книги Роя Медведева отмечается, что сегодня смена политической элиты в России происходит хаотично и во многих отношениях стихийно – без каких-либо ясных правил и традиций. И одна из важнейших задач президента в этих условиях – «поиск и выдвижение эффективных, честных и сильных лидеров и управленцев, способных создать новый режим, новую систему управления, новую Россию, которая могла бы идти вперед и под руководством В. Путина, но, если это будет необходимо, и без В. Путина».

Похоже, уже многие политики ощутили витающее в атмосфере амбре будущих открытых и подкованных схваток за высший государственный пост в стране. И этот фактор также начинает играть все более значимую роль в раскладе политических сил.

Есть интересное исследование Института экономических стратегий о структурной повторяемости стратегических проблем России и реагирования на них власти и общества².

Ученые выделили 50 «государствообразующих событий российской истории» и на основе их анализа разработали прогноз будущего, согласно которому до 2020 года, возможно, будут «переиграны» многие важнейшие события последних десятилетий прошлого века (по типу: вчера Афганистан, сегодня – Ирак), окажутся востребованными отвергнутые ранее государственные институты, вроде централизованной власти, и, наоборот, отринутыми некоторые, взятые из чужого опыта, экономические модели. Ученые полагают, что к этому времени разрешатся многие проблемы, а жизнь в стране стабилизируется.

Оптимистичный прогноз как бы вытекает из выявленной учеными закономерности повторяемости циклов развития. Спокойствие будет достигнуто, в первую очередь, отказом от всего случайного и неудавшегося, что и раскачивало «лодку». Может – так, а может – и нет. Но в любом случае поколение, жизнь которого совпала с началом перестройки и последующими общественными катаклизмами, снова, как и предыдущие, может оказаться жертвой очередного социального эксперимента.

Зачем же было стулья ломать, спрашивается?

А, возможно, все дело в том, что, как замечает С. Чернышов, «кризис переживает не столько, собственно, Россия, сколько наши представления о нем»? Разрушительный взгляд общества на самое себя, пишет он, «взламывает» естественную органику жизни разны-

¹ Литературная газета». 2005. 24 февр. – 1 марта.

² Россия в пространстве и времени (История будущего). М., Ин-т экон. стратегий, 2004.

ми путями – через неадекватные действия властей, мифы и психозы, нагнетаемые средствами массовой информации, в том числе и через разнообразные личностные кризисы.³

Так что, может быть, стоит, действительно, «остановиться, оглянуться», чтобы, в конце концов, понять, на каком свете мы находимся?

...**И** все-таки досадно, что мы, очевидно, не сумели извлечь нужные уроки из собственной истории. Ни двадцать лет назад, начав перестройку, ни позднее, когда окончательно расстались со своим социалистическим прошлым, ни в последние годы, с которыми были связаны наши самые большие ожидания и надежды.

На празднике Победы это чувствовалось как-то особенно остро.

И дело не только в оживших воспоминаниях о минувшем, радостном и трагичном. Понималось – безвозвратно уходит нечто очень большое и важное, что могло бы быть, но не состоялось. Были шансы – но упустили. Были возможности – но не использовали.

Или, действительно, засиделись в ожидании светлого будущего, живя как бы вынужденно и временно в неслаженном, неустроенном и потому неуютном настоящем?

Вот ведь Б. Ельцин, уже отойдя от дел, говорил не без гордости о том, что ставил перед собой в качестве главной задачу «всю жизнь повернуть круто и наоборот. Поэтому я подобрал команду, которая ничего из прошлого не ценила, должна была только строить будущее».

Ну и что? Перевернули. Поставили. И что получили – вместо плохого социализма – плохой капитализм с его всепоглощающим культом денег и безудержным циничным прагматизмом?

Не отсюда ли и ценностная дезориентация людей, которая столь губительно сказалась на всей нашей жизни? И где здесь, в этом расширяющемся каждый год вакууме равнодушия и цинизма, место для нашей общей исторической памяти, этой скрепы, многие десятилетия объединявшей поколения и народы России?

Иначе как могла появиться на свет официальная бумага – ответ на завалявшееся в бюрократических недрах давнее предложение депутатов Госдумы о финансировании поиска неизвестных захоронений и непогребенных останков погибших в годы Великой Отечественной войны: выделение бюджетных средств на эти цели «признано нецелесообразным (?)». Это приведет к нарушению существующей системы (?) и неоправданному (?) распылению средств⁴.

Слова-то какие подобраны – наотмашь!

И подписал это непотребство – иначе не скажешь – зам. руководителя аппарата Совета безопасности РФ, и он же - и координатор(!) рабочей группы по вопросам подготовки и проведения военно-ме-

³ Чернышов С. Век трансформации власти. М., 1994.

⁴ Новая газета. 2005. 12 – 15 мая.

мориальных мероприятий российского комитета «Победа» В. Гладких...⁵

«Это для них – славных наших ветеранов – сегодняшний праздник!» – неустанно напоминали ведущие телепередач. И тем сильнее становилось ощущение истощенности, завершаемости темы памяти о великом деянии советского народа – едва ли не единственного, что было непоколебимо свято и неприкасаемо в нашей истории.

Позволю себе небольшое отступление.

По какой-то странной ассоциации вспоминается эссе американского публициста Г. Честертона о запретном плоде и потерянном рае: «Самая большая свобода ограничивалась в раю самым маленьким запретом; без запрета свободой и не насладишься, – писал он. – Лучшее в луге – изгородь, окаймляющая его. Уберите ее, и это уже будет пустырь, каким и стал рай, когда утратил свое единственное ограничение».

Хотя и по другому поводу сказано, а, думаю, и в данном случае уместно.

Жизнь сама по себе есть ограничение от хаоса. И память человека ограничена собственной его жизнью. И страна – конкретными жизнями и памятью живущих в ней людей.

Мы видели на экранах телевизоров этих замечательных стариков, на краткий миг оказавшихся на Красной площади в лучах всеобщего внимания и славы.

Может быть, впервые за долгие годы сумеречного, в общем-то, существования они почувствовали себя если и не счастливыми, то, по крайней мере, нужными.

Много это или мало?

Люди еще не научились взвешивать и измерять радость. Но ее мимолетностью чаще всего и поднималась человеческая жизнь над серой обыденностью, наполняясь особым смыслом и значением.

О чем думали они в эти мгновения, и о чем – многомиллионная аудитория страны, глядя на них, сидящих на удобных голубеньких скамьях со спинками в новеньких грузовиках так же напряженно и устало, как привыкли сидеть в очередях в разного рода жилсобесовских и пенсионных конторах?

Очевидно, был среди зрителей или участников празднества и бывший порученец наرشала И. Конева Степан Кашурко, давший ему сорок лет назад клятвенное обещание «подобрать и предать земле всех до единого защитников Родины и достойно увековечить память о них». А через несколько дней после торжеств «Новая газета» публикует его письмо с просьбой «достучаться до главы нашего государства – Верховного Главнокомандующего Вооруженными силами России Владимира Владимировича Путина, чтобы сообщить ему ис-

⁵ Так – в письме. В настоящее время В. Гладких, по нашим данным, в Совете безопасности не работает.

тинную правду о позорнейшем явлении, которому нет аналогов в мире, – о массовом непогребении солдат-победителей, шесть десятилетий истлевающих под открытым небом на своей родной земле».

Только чего же тут стучаться, если ответ он уже получил от самого координатора «военно-мемориальных мероприятий», в числе которых, очевидно, и был этот впечатляющий показательный прогон грузовиков с ветеранами по Красной площади, и целесообразный, и не нарушающий «существующую систему» экономии на могилах и памяти более полумиллиона убитых и навсегда забытых.

Впервые, между прочим, откровенно признано на официальном уровне, что государство не собиралось и не собирается впредь этим заниматься – недосуг, да денег на живых не хватает.

Это у Бога мертвых нет, а у нас они – лишь головная боль да ненужная статья расходов.

Сняли, в общем, ограничение с запретной темы.

Закончен бал, погасли свечи?

Ничего из прошлого не ценить и строить только будущее, не преминув при этом в настоящем организовать для себя и своего потомства комфортабельное убежище от всех превратностей жизни?

Совсем не дураки, однако...

Что может быть страшнее и опаснее пустыря в человеческих душах?

...**К** празднованию 60-летия Победы власти готовились основательно. Ожидался приезд зарубежных лидеров, что, само по себе, было событием значительным. Кроме того, в эти дни должны были состояться сразу два саммита – СНГ и ЕС, и оба имели важное значение для России.

Политическая составляющая будущих торжеств с участием президентов и глав правительств многих стран мира обещала быть весьма разнообразной как по содержанию, так и по формам своих проявлений.

Но уже тогда было ясно, что великий праздник – вовсе не помеха подспудным политическим интригам, напротив, кое-кто готовился использовать его в своих целях, подчеркивая непримиримость позиций по самым различным поводам – пакту Молотова – Риббентропа, российским военным базам в Грузии, спорным Курильским островам и пр.

Весьма симптоматичным оказался и рабочий визит в Москву накануне праздника государственного секретаря США Кондолизы Райс – с ее моралите в адрес российского руководства о необходимости активнее развивать демократические институты, инвективной по отношению к президенту Белоруссии А. Лукашенко, демонстративной встречей с представителями белорусской оппозиции в Вильнюсе.

И неприезд на, казалось бы, общий праздник нескольких руководителей бывших советских республик, и трудности, возникшие на

обоих саммитах, и все более напористое давление Объединенной Европы и США по всему фронту, и многое другое говорит о том, что на постсоветском пространстве идут процессы, которые грозят нам весьма ощутимыми моральными, политическими и экономическими осложнениями.

В опубликованной американско-израильским центром Stratfor статье «Обсуждая судьбу России»⁶ прямо подчеркивается: *«ситуация быстрыми темпами становится безнадежной для России. Это объясняет, почему Путин недавно охарактеризовал развал СССР великой геополитической катастрофой XXI века. Для западных лидеров было шоком подобное заявление, но Путин просто выразил очевидное. Маршрут поездок президента Буша накануне празднования Дня Победы – первая остановка в Прибалтике, а затем сразу после Москвы – Грузия, имел целью поставить точки над «i». Дискуссии о внутренних делах России просто убеждают в неравенстве отношений. Итак, была ли попытка сравнить оккупацию Балтии Советским Союзом с нацистской оккупацией, наряду с заявлениями лидеров администрации Буша, что с падением Адольфа Гитлера притеснения не прекратились? Вся эта риторика запланирована для того, чтобы поставить Россию в оборонительную позицию, так же как это было сделано геополитически».*

Это они, а не мы, видимо, уже забыли, как, получив в 1918 году из рук Ленина и большевиков свободу и провозгласив демократические режимы, быстренько перебежали на путь ультранационалистических диктатур и оказались в тесных объятиях фашистской Германии, чтобы, спустя несколько десятилетий, предъявить нам счет за якобы их оккупацию.

Весьма оригинальная попытка исторического реванша, рассчитанная на простачков.

Случайно ли то, что открылось именно в дни празднования 60-летия Победы над фашизмом?

Конечно, нет.

Все это лежало как бы на поверхности, главным же было то, о чем не принято говорить вслух – подведение некой черты под послевоенным периодом и развертывание работы над созданием нового миропорядка под патронажем США.

Каким же окажется место России в новом пространстве?

Не берусь, вернее, боюсь предсказывать.

...Как-то уж очень быстро начали сбываться предсказания Дж. Буша о том, что успешные демократические революции в Грузии, Украине и Киргизии найдут свое продолжение в Центральной Азии, хотя кровавые события в узбекском Андижане – не столько продолжение,

⁶ См. в Интернете: <http://www.regnum.ru/news/452480.html>

сколько опаснейший всплеск возможного политического цунами с непредсказуемыми последствиями, и не только для этого региона.

Неспроста Ферганская долина названа «Чашей пророка» – так глубоко здесь корни ислама, и – «пороховой бочкой» – столь изощренной оказалась метода кройки национальных территорий посредством изъятия части у одних и передачи ее другим, что ничем иным, как срамливанием народов друг с другом, и не назовешь. Так и образовался в Ферганской долине уже в постсоветское время, например, анклав Соха, расположенный в Киргизии, принадлежащий Узбекистану и заселенный таджиками. Вряд ли придумаешь что-то более взрывоопасное на крохотном клочке земли с весьма податливой средой для распространения идей радикального фундаментализма.

Так закладывались мины будущего обострения межнациональных противоречий и в других регионах страны и тогда, и позднее, вплоть до последнего времени. Кровопролитная война в Нагорном Карабахе, собственно, и возникшая в результате поощрения, поддержки и попустительства определенных политических сил в прежнем советском руководстве, по мнению многих серьезных специалистов, фактически положила начало распаду советского государства, а затем – и распространению сепаратистских настроений на всем постсоветском пространстве.

Увы, и эти уроки не пошли нам впрок – вот ведь возникла идея массовой раздачи российских паспортов населению самопровозглашенных республик Аджарии, Абхазии и Южной Осетии в самый разгар чеченской войны, развязанной во имя сохранения целостности российского государства. Или не понималось, что когда-нибудь все равно придется самим же зубами вытаскивать эти неумно забытые «гвозди» в суверенитет соседа?

Мы уже знаем, какой иронично-жестокой может быть История, уличая нас в повторении давно пройденного и, казалось бы, уже забытого.

Многие десятилетия мы, едва ли не воровато и трусливо, запикивали под «лавку» неприглядные для публичного разглядывания самоchinно сработанные проблемы, откладывая их решение на «потом», когда, очевидно, появятся более мудрые, более прозорливые и более ответственные политики. И они, несомненно, появятся – не могут не появиться! – если думать о будущем с оптимизмом.

Однако полностью очиститься от скверны и последствий прошлых ошибок будет возможно лишь при условии понимания необходимости этого очищения всем обществом, осознающим ответственность за сегодняшний и завтрашний день своей страны.

И это будет уже совсем другая политика, а значит, и другая страна.

В. Тусев.

« 5 0 0 с л о в »

В России аккредитовано более 500 СМИ из 110 стран мира. В журналистском корпусе — свыше 1000 человек. Ведущие позиции в этой среде занимают американские и европейские телевизионные и информационные агентства.

Традиционная пишущая пресса за последние 10–15 лет утратила прежние вес и значимость, однако престижные в своих странах газеты и журналы находят для работы в России талантливых журналистов, владеющих острым и ярким пером. Большинство из них работает здесь многие годы, хорошо знает страну, ее историю и насущные проблемы нашей жизни.

Мы попросили некоторых из них оценить сегодняшнюю ситуацию в нашей стране, понимая, что это — их сугубо личное мнение, что естественно, как и то, что сложные и весьма противоречивые в своих проявлениях процессы не могут не вызывать разных оценок, в том числе и весьма негативных.

Зарубежные корреспонденты живут, по сути, общей с нами жизнью и так же остро ощущают все проявления ее — хорошие и не очень. Далеко не всем из них безразлично, как сложатся наши дела дальше. И потому мы должны постараться хотя бы понять, что именно и почему их так тревожит в сегодняшней России.

ЗАРУБЕЖНЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ О СЕГОДНЯШНЕЙ СИТУАЦИИ В РОССИИ

Чжэн Ян, шеф-корреспондент китайской газеты «Гуанмин жи-бао», проработал в СССР и России в общей сложности 11 лет.

После событий в Беслане Президент России сделал очень решительный шаг, начав радикальную политическую реформу. Думаю, и назначение руководителей субъектов федерации, и выборы в Госдуму по партийным спискам благотворно скажутся на многих аспектах деятельности государства в целом и государственных институтов в частности.

Уверен, что Россия уже не повторит судьбу Советского Союза.

И в экономике В. Путин за пять лет президентства удалось переломить ситуацию к лучшему. Поставлена задача к 2010 году добиться удвоения ВВП, и этот факт сам по себе о многом говорит, хотя, замечу, по меркам Китая, цель не слишком амбициозная.

Чрезвычайно важно, на мой взгляд, усиление государственного контроля над нефтью, газом и другими природными ресурсами. История же с Ходорковским оказалась весьма показательной для остальных олигархов, которым действительно нечего делать в политике.

Президент объявил о том, что военная реформа переходит на новый этап. Впервые выдвигается стратегия превентивного удара — считая, это ответ на односторонние действия Америки. Словом, стратегическое отступление России в военной области завершилось, взят курс на расширение влияния в мире.

Немало сделано и делается во внешней политике. Мы видим, как укрепляются дружественные отношения с нашей страной. Заметно большее внимание стало уделяться вопросам собственной безопасности и внешнеэкономическим связям. Правда, здесь Китай, Япония и другие восточные страны пока не в первоочередных списках. Но это, в общем-то, и понятно — приоритетными для России являются страны СНГ, Европа, США. Хотя нельзя не видеть, что Запад во главе с США не оставляет надежд вытеснить Россию из пространства бывшего СССР. Поэтому искренне считаю успехом вашей политики и заключение договора о стратегическом партнерстве с Узбекистаном, и присоединение к Организации Центральноазиатского сотрудничества.

Так что, оценивая сегодняшнюю ситуацию, могу сказать, что она не дает, по моему мнению, оснований для печальных выводов. Идет большая и трудная работа, и впереди еще немало серьезных проблем — это и демографическая ситуация, и структурные реформы в экономике, и, конечно, чеченская проблема. Называю лишь те, что лежат на поверхности.

Хотелось бы верить, что Россия больше не повторит ошибок, допущенных при проведении реформ в 80-х и 90-х годах, когда в результате поспешных, непродуманных действий резко ухудшилось положение большинства населения.

И еще несколько соображений относительно наших стран.

Сейчас в России вроде бы превалируют западные ценности, хотя в целом система ценностей у вас, можно сказать, уникальная и, на мой взгляд, они вряд ли когда состыкуются по-настоящему, не говоря уже о ценностях американских.

Этот очень сложная и деликатная сфера, и я не хотел бы в нее углубляться. Но для меня, например, почти очевидно, что именно эти различия более, чем что-либо, мешают вам целиком и полностью интегрироваться с Западом. Может, я и ошибаюсь, но считаю нужным все-таки об этом сказать.

Я много лет прожил в России, знаю и люблю эту страну, ее большую и самобытную культуру, и мне совсем не безразлично, сохраните ли вы эту культуру и самобытность или она растворится, что называется, в общем мировом котле. Моя родина с пятидесятилетним плас-

том культуры тоже самобытна и уникальна, и я горжусь тем, что нашим предкам на всем гигантском протяжении трудного и порой кровавого пути истории удалось сохранить лучшее, что у нас было. И в этом смысле мы очень похожи.

У нас — общая невероятно длинная граница, сотни лет опыта сосуществования и сотрудничества, нам есть чему учиться друг у друга. И сейчас Китай для России — это огромный рынок, а Россия, особенно ее восточные районы, в своем экономическом развитии вряд ли обойдутся без Китая. Нам придется тесно сотрудничать и в деле стабилизации ситуации в Средней Азии. Учитывая непростые обстоятельства, складывающиеся на Западе от России в связи с расширением НАТО и Евросоюза на Восток, Российской Федерации необходимо, на мой взгляд, развивать дружбу и углублять сотрудничество с Китаем, чтобы он стал своеобразным стратегическим тылом России на Востоке.

Юрий Зарахович, с 1986 года по настоящее время — московский корреспондент американского журнала «Тайм». Окончил Институт иностранных языков им. М. Тореца, работал в отделе печати и культуры Посольства США, в представительстве агентства «Ассошиэйтед Пресс».

Редакцию интересует видение России глазами иностранного корреспондента. Я же, хотя и корреспондент американского журнала «Тайм», — российский гражданин, чем мое видение и окрашено. Однако, коль вопросы заданы, изложу свой сугубо личный взгляд («Тайм» здесь ни при чем).

Путинский режим опасен для страны. Его идеология проста — «грести все под себя». А отсюда — и война в Чечне, без которой режим не смог бы встать на ноги и сформироваться (теперь это уже война на Кавказе, из которой никто не знает, как выпутаться). Отсюда и «дело ЮКОСа», которое теперь уже никому объяснять не надо — высокий кремлевский чин только что сам объяснил, что имела место показательная порка. Отсюда «монетизация», последствия которой удалось пока придавить суммой более 10 млрд. долларов, оторванных от сердца — благо пока нефть и газ позволяют. Отсюда закручивание гаек по всей вертикали власти и упразднение всяких выборов, кроме себя, Нынешнего Любимого Предводителя (НЛП). Отсюда новая и бессловесная правящая партия, штампуемый парламент и т.д. При этом НЛП все время пугает распадом страны, от которой может спасти только НЛП. Имя его не суть важно. Имя, судя по всему, менять не собираются. А и помянут — так что? Питерских сменил клан из другого города.

Но эта политика, если не сменится, доведет страну с арсеналом в 6000 стареющих ядерных боеголовок до хаотичного распада.

То, что все это грохнется, на кухнях уже даже не обсуждается. Больше нигде вообще всерьез ничего не обсуждается. Политическая жизнь вернулась туда, где на нашей памяти почти всегда и была. Обсуждаются два вопроса: когда и как.

Когда — никто знать не может. Очень от многих факторов зависит. Кто из нас в конце даже 1990 года мог понять, когда рухнет СССР? Хотя и висело уже в воздухе предчувствие. А вот как — это мы себе, увы, представить можем. В Москве есть чего пограбить больше, чем в Бишкеке. И этнически-религиозных разломов в России больше, чем в несчастной Югославии. Уровень же терпимости и политической культуры ненамного выше, чем в Киргизии или в Югославии. И опять же — ядерные боеголовки и АЭС...

Но! Аскар Акаев подал серьезную надежду тем, что отказался от кровопролития. Хотя и должен был при этом не допустить погромов. Не выполнил своих обязанностей. Но теперь, когда пыль оседет, может рассчитывать на прием не только в России. А представьте себе случай гипотетического президента какой-то гипотетической страны, у которого и домик есть где-то в гипотетических Альпах, и счета в надежных банках. Сдай у него нервы и устрой он кровавое воскресенье — куда его пустят, кроме России, Беларуси да Северной Кореи с Кубой? И оттуда уже домика своего не достанешь, и счета, кроме выпивки с закуской, особой радости не принесут. Так что «его пример — другим наука». Остается только надеяться, что жажда насладиться в полной мере «нажитым непосильным трудом» возьмет верх над жадой то ли власти, то ли мести, то ли тем, чем они в той профессионально-социальной группе руководствуются при всех их индивидуальных различиях, каковые, разумеется, тоже имеют место.

Отсюда и вытекает, что коррупция в постсоветских странах может рассматриваться не только как национальная идея, но и как возможное средство национального спасения. Перефраз перефразы Гоголя: чем тебя погубил, тем и спасу...

Димитриос Лиатсос, шеф-корреспондент национального телевидения Греции «ЕРТ», корреспондент газет «Этнос», «Имерисиа» и радио «Флэш», 14 лет работает журналистом в России, кандидат философских наук.

Жизнь в стране стала другой, и это главный вывод, который очевиден, если просто оглянуться назад в недалекие 1990-е годы. Тогда под угрозу было поставлено само существование страны как государства. Путину удалось отвести ее от края пропасти. И он все-таки собрал разваливающуюся страну. Это сейчас западная пропаганда не устает кричать о том, что в России не все хорошо с демократией, хотя еще

вчера о ней говорили как о бандитской стране. А слева свои упрекают Путина за плохую социальную политику, как бы забыв о том, что еще несколько лет назад миллионы людей месяцами не получали зарплату и пенсии.

Я жил здесь и видел, как трудовой люд — становой хребет любого государства — пытался элементарно выживать в этих условиях. И видел красочные витрины магазинов и дешевые красочные шоу в шикарных ресторанах, которые должны были, очевидно, демонстрировать новую, процветающую Россию.

Совсем не имею в виду, что критиковать президента или правительство предосудительно. Надо и есть за что критиковать. Говорю о том, что жизнь стала лучше, и только об этом, с ужасом вспоминая некоторые реалии прошлого.

Сейчас в России вновь наступают времена раздумий и сомнений. Есть вопросы с демократией. Скапливаются ранее отложенные и теперь оказавшиеся особо злободневными проблемы — коррупция, продажность чиновников, неэффективность бюрократии. И в повседневной жизни я, как и многие жители России, с ними постоянно сталкиваюсь. Эти проблемы, конечно же, надо незамедлительно решать, но путем конкретных действий в рамках детально разработанной многолетней программы, а не разовыми акциями вроде разоблачения «оборотней в погонах».

Впереди — выборы нового президента, и не ясно, кого будут выбирать? Хотя больше, наверное, должен волновать вопрос, не окажется ли страна вновь перед угрозой распада.

Создается впечатление, что здесь, в России, каждый раз надо все начинать с чистого листа.

На Западе говорят, что они хотят видеть Россию сильной и процветающей.

Я не верю в это. Мало кому в мире, кроме самой России, нужна сильная Россия. И уж конечно не Америке. Ей нужны только огромные запасы природных ресурсов бывшего противника и соперника. Не случайны слова: «Россия — не государство, Россия — континент». В чем смысл этого высказывания? Не в том ли, что она должна быть меньше?

Почему после распада Варшавского договора продолжает существовать НАТО? В России многие считают, и небезосновательно, что НАТО, шаг за шагом, окружает Россию. События в Украине, Грузии, Киргизии, а ранее в Прибалтике — разве это не похоже на окружение?

Спрашивается, зачем окружать страну, которой желаешь процветания?

Я понимаю российских людей, задающих такие вопросы. Россия, пережившая ужас двух мировых войн, психологически чувствует себя страной, которую стараются загнать в угол. И соответствующим образом люди на это реагируют.

Российское руководство и российское общество должны неустанно и серьезно заниматься вопросами развития страны. Только так можно добиться процветания. Не надо ждать, что кто-либо за рубежом будет заниматься развитием демократии или улучшением благосостояния российского народа.

Дэвид Саттер, публицист, писатель, автор двух книг о России, в том числе «Тьма на рассвете: подъем российского криминального государства» (М., 2004), сотрудничает с Институтом Гувера и Университетом Джона Гопкинса. Много лет проработал в Москве корреспондентом различных западных изданий, в том числе Financial Times, Reader's Digest и др.

На мой взгляд, России вскоре предстоит столкнуться с двумя серьезнейшими испытаниями: создать условия для проведения справедливых выборов в 2008 году и положить конец угрозе чеченского терроризма, что означает найти выход из чеченского конфликта. К сожалению, проводимая ныне Путиным и его командой политика в обоих направлениях не приводит к позитивным результатам.

При президентской форме правления вера в чистоту президентских выборов жизненно важна для правящего режима в целом. К сожалению, с 1991 года Россия не знала целиком честных президентских выборов. И потому так важно уже сейчас делать все необходимое, чтобы обеспечить справедливость будущих выборов. К сожалению, процессы внутреннего развития России делают подобную перспективу маловероятной.

Олигархи ельцинской поры были обязаны своими состояниями связям с государственными чиновниками, и, став президентом, Путин поставил перед ними главное условие сохранения их богатства: не заниматься оппозиционной деятельностью, т. е. стать, по сути, «его людьми».

Дело Ходорковского — наиболее вопиющий образчик воплощения данного принципа.

Нажим на другие нефтяные компании, чтобы заставить их вернуть невыплаченные налоги, в том числе и недавнее требование к Тюменской нефтяной компании (ТНК) вернуть 22 млрд. рублей налоговых недоимок, еще больше убеждает в том, что акция против ЮКОСа была актом избирательного наказания. Впрочем, для будущего России важнее судьба тех частей, по которым распродается ЮКОС.

Головная производственная компания, «Юганскнефтегаз», была продана дотоле неведомой «Байкалфинансгруп» едва ли не за половину ее действительной стоимости. Затем государственная нефтяная компания «Роснефть» купила «Байкалфинанс». «Роснефть» будет инкорпорирована в «Газпром», в результате возникнет государственный

энергетический гигант, заправлять которым станут ключевые фигуры администрации президента.

Подобная продажа воспроизводит тактику, бывшую в ходу у олигархов ельцинской поры во времена приватизации, когда игнорировался закон, гласивший, что при погашении налоговых недоимок продаже подлежат, прежде всего, непрофильные активы.

Чего же можно ожидать в будущем? Если в 2008 году произойдет смена власти, то те люди в путинской администрации, которые организовали расчленение ЮКОСа, сами могут подвергнуться точно такой же операции.

В этом — одна из причин, почему не следует ожидать проведения свободных и честных выборов.

И вторая, не менее важная — обострение чеченского конфликта, который при других условиях можно было бы погасить. Есть сведения, что Масхадов был убит потому, что всерьез воспринял неофициальные попытки зондажа мирного урегулирования и, утратив бдительность, стал пользоваться телефоном, что позволило ФСБ засечь его местонахождение. В 1994 году при аналогичных обстоятельствах не удалась попытка лишить жизни Дудаева. Тот потерял осторожность после сообщений о том, что Россия заинтересована в переговорах.

Каковы бы ни были обстоятельства гибели Масхадова, его убийство убрало со сцены возможного собеседника на мирных переговорах, который потенциально был столь же ценен для России, сколь и для чеченцев. Тот факт, что он умер, а российские власти, попирая все нормы, принятые в цивилизованных странах, отказываются выдать его тело для похорон, означает, что незначительный сепаратистский конфликт, в котором достижение рационального компромисса было возможно, превращается в борьбу не на жизнь, а на смерть, и жертвами станут не только чеченцы, но и россияне. Эта смертельная борьба порождает атмосферу мрачных опасений, которая еще больше затруднит России достижение демократических целей.

Борис Райтшустер, руководитель московского бюро немецкого общественно-политического журнала «Фокус», автор книги «Владимир Путин. Куда он ведет Россию?» Специалист по проблемам постсоветского пространства. Впервые приехал в Россию в 1990 году и прожил здесь в общей сложности более 10 лет.

В путинской России каждый может найти ту страну, которую он хочет найти.

Возрождающуюся Россию, в которой после многих лет хаоса наступила политическая стабильность и осуществляются важные либеральные реформы.

Авторитарную Россию, в которой демократию только инсценируют, в которой царит произвол, любой гаишник ведет себя как маленький тиран, власти опекают народ как маленьких детей, телевидение, как и в советские времена, превозносит власть имущих.

Криминальную Россию, в которой мафия рвется к власти, милиционеры, с одной стороны, подкидывают невинным наркотики и оружие и с другой — отказываются регистрировать заявления о совершенных кражах и мошенничествах.

Россию, живущую по западным канонам, и, в первую очередь, Москву, переживающую подъем и превратившуюся из унылой столицы страны Советов в поражающий воображение, сверкающий глянцем, похорошевший город мирового значения, в котором появился средний класс, ориентирующийся на Запад, и в котором отмечается наибольшая в мире плотность автомобилей класса «люкс».

Отсталую Россию, прежде всего в глубинке, где с советских времен подчас почти ничего не изменилось, миллионы людей живут на грани нищеты и спасаются от голода только благодаря натуральному хозяйству.

И, наконец, неотразимую Россию — с гостеприимными, открытыми и остроумными людьми, проживающими в этой стране.

Как бы ни противоречили друг другу эти представления о России, все они являются частью действительности.

Так же и во Владимире Путине каждый может разглядеть того президента, которого он хочет увидеть.

Современного реформатора, который намерен повести Россию в направлении сближения с Западом. Либерала, который придерживается современной экономической политики с целью привлечения в страну иностранных инвесторов. Великокоросса, стремящегося вернуть стране военную мощь, вес и влияние в мировых делах. Царя, который взял под контроль политическую сцену и не терпит никакой конкуренции. Или колеблющегося деятеля, который всегда все тщательно взвешивает, но с трудом принимает быстрые решения.

Каким бы многоликим не представлялся президент, все представления о нем также являются частью действительности.

Вступая в должность, Владимир Путин провозгласил программу, объединяющую в единое целое старые русские идеи патриотизма, великодержавности, сильного государства и социальной солидарности с новыми представлениями о демократии и правах человека. И действительно, чтобы сделать гигантскую страну хотя бы частично управляемой и предсказуемой, новый президент должен был укрепить центральную власть и исправить самые негативные явления ельцинского периода.

Велика заслуга Путина в том, что в России установилась стабильность. С ней, однако, сопряжена большая опасность, поскольку

ку стабильность эта базируется на застое и косности — ведь она возникла, в первую очередь, в результате отказа от полемических дискуссий, политического плюрализма и демократических принципов.

За прошедшие месяцы становится все более очевидно, что эти авторитарные тенденции берут верх.

Заявления о приверженности демократии, сделанные, например, во время выступления перед Федеральным собранием в конце апреля, показывают, что во времена Путина разрыв между притязаниями и действительностью, между словом и делом во многих областях принял такой же размах, как в Советском Союзе. Как КПСС некогда объявила Советский Союз раем для трудящихся, так и новые власти придерживающиеся не скупятся на обещания, как будто Россия — уже демократическое государство. Только инсценировки сегодня научились делать более искусно и пока без применения репрессивных мер.

Когда Путин называет себя демократом, он, видимо, не кривит душой, и поэтому собеседники ему верят — только его представления о демократии расходятся с точкой зрения западных партнеров.

Если в прошлом большая часть советской номенклатуры цинично использовала коммунистическую идеологию для оправдания своего пребывания у власти, то сегодня большинство русских в глубине души убеждено, что демократия — это только игра, новое идеологическое прикрытие для старых политических делишек — именно этому и учила КПСС.

Для широких слоев элиты, а также населения, разрыв с коммунистическим прошлым и его методами носит поверхностный, внешний характер. Социологи, как, например, Леонид Седов из Московского центра Левады, с горечью отмечают, что советская и российская элита обращаются с собственным народом так же беспощадно, как поступают обычно лишь завоеватели с покоренными странами и народами.

Часть российской элиты мечтает о китайской или чилийской моделях, в которых либеральная экономика сосуществует с авторитарными режимами. Однако когда правящим кругам не надо бояться честных и свободных выборов, когда у них нет возможности взглянуть в зеркало критической прессы, у них пропадают стимулы для достижения результатов. Когда продажные чиновники не боятся наказания, у них нет необходимости отказываться от взяток. Когда подкуп и связи с политиками являются решающим фактором успеха предприятий, не надо заботиться о качестве своей продукции. Когда граждане ощущают, что их мнение ничего не значит, они утрачивают интерес к обществу и политической жизни.

Пока не будет соревнования в политической жизни и конкуренции во многих сферах экономики, Россия будет топтаться на месте в своем развитии, как и во времена коммунизма.

Оксана Гаман-Голутвина

О МОРАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫХ ОСНОВАНИЯХ ПОЛИТИКИ

Мораль и политика: две вещи несовместные?

Представляется обоснованной позиция известного российского политолога Б. Капустина о том, что для политолога тема соотношения политики и морали представляет интерес, прежде всего, в аспекте рассмотрения морали в качестве необходимого фактора в функционировании политических институтов: «Анализ работы морали в политике... несовместим с умозрительным подходом к ней как к источнику всего лишь оценок политики... Если мораль работает, то она по определению принадлежит тому же миру, в котором находится политика, и «системы координат» совмещает не логика, а практика»¹.

Содержательный анализ сопряжения политических и этических начал побуждает провести разграничение понятий «мораль» и «нравственность», которые в большинстве случаев употребляются как синонимичные.

Известно, что разнообразие точек зрения на соотношение понятий «мораль» и «нравственность» поддается типологии в рамках двух основных трактовок. Одна из них восходит к философии И. Канта, другая — к исторической теодицее Г.В.Ф. Гегеля.

Согласно позиции Канта, мораль определяет внутренние убеждения человека, тогда как нравственность — это практическая реализация этих принципов, их актуализация в деятельности субъекта.

В рамках гегелевской теодицеи мораль определяет опору на собственные, самостоятельные представления человека о добре и зле, тогда как нравственные нормы имеют надындивидуальный характер и в значительной мере представляют собой внешний регламентирующий фактор.

Знаменателем обоих подходов является то, что моральность соотносится с внутренними принципами человека, тогда как нравственность касается внешней регламентации — независимо от характера регламентирующих факторов².

Принципиальным основанием гегелевской философии истории, как известно, является не только радикальное разведение морали и нравственности, но разведение субъектов морали и нравственности.

¹ Капустин Б. Г. О связи морали и политики//Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции. М., 2004. С. 59.

² Сорвин К. В. Мораль и нравственность//Теоретическая культурология. М., 2005. С. 385.

Нравственность есть атрибут единственного подлинного субъекта мировой истории — мирового духа, тогда как мораль является достоянием частных лиц. При этом всемирная история «совершается в более высокой сфере, чем та, к которой приурочена моральность, чем та сфера, которую составляют образ мыслей частных лиц, совесть индивидуумов, их собственная воля и образ действий... То, что творит провидение, стоит выше обязанностей, вменяемости и требований, которые выпадают на долю индивидуальности по отношению к ее нравственности... Таким образом, дела великих людей, которые являются всемирно-историческими индивидуумами, оправдываются не только в их внутреннем бессознательном значении, но и с мирской точки зрения. Но нельзя с этой точки зрения предъявлять к всемирно-историческим деяниям и к совершающим их лицам требования, которые совершенно неуместны по отношению к ним»³.

Таким образом, нравственность — то есть право — мирового духа не только не тождественна морали индивидуумов, но и «выше всех частных прав»⁴.

Однако история разворачивается не помимо людей, а в их деятельности, которая предстает как содержащая глубинное противоречие целей и средств. Это противоречие отмечали и Кант, и Гегель.

Одна из версий кантовского категорического императива требовала никогда не относиться к другому человеку и в его лице — к человечеству как к средству, а всегда только как к цели. С другой стороны, Кант признавал, что в истории не только отдельные люди, но даже целые поколения оказываются средствами для достижения определенных целей.

В кантовской философии это противоречие находило весьма простое разрешение: человек как цель и человек как средство оказывались принадлежащими разным мирам — ноуменальному и феноменальному.

В философии Гегеля это противоречие находило иное воплощение и иное разрешение.

С одной стороны, индивидуум выступает в качестве средства мирового духа, что автоматически снимает проблему индивидуальной моральной ответственности («Частное в большинстве случаев слишком мелко по сравнению со всеобщим... индивидуумы вообще подводятся под категорию средств»⁵). Однако даже Гегель не решает сводить роль индивида к роли исключительно средства. Причина этого несведения — моральность, нравственность, религиозность⁶. Таким

³ Гегель Г.В.Ф. Философия истории: Введение. СПб., 1993. С. 114–115.

⁴ Там же. С. 88.

⁵ Там же. С. 84.

⁶ Там же.

образом, человек предстает как фокус пересечения двух моральных модусов — нравственности мирового духа, использующего индивидуума в качестве инструмента достижения исторических целей, и собственной внутренней морали.

Деидеализация гегелевской философско-исторической конструкции позволяет рассматривать в качестве надындивидуального начала государство, обретшее со времени Вестфальского мира статус доминирующего субъекта политики⁷. В этой ситуации именно политика государства становится объектом регулирования средствами надындивидуальной морали, оставляя «частной» морали пространство самоопределения индивидуума.

Это дает основание ставить вопрос о содержательном разведении двух типов этических регуляторов, которые можно определить как политическую и приватную мораль. Возникает вопрос о существенных особенностях этих модусов.

Можно предположить, что, с точки зрения своих содержательных и функциональных особенностей, феномены политики и морали, рассматриваемые в качестве самостоятельных сфер социальной жизни, резко различаются. В этом контексте уместно сослаться на М. Вебера, специально подчеркивавшего: «Кто ищет спасения своей души и других душ, тот ищет его не на пути политики, которая имеет совершенно иные задачи — такие, которые можно разрешить только при помощи насилия... Все... достигнутое политическим действием... угрожает спасению души»⁸.

Если суть морали — в незыблемости раз и навсегда установленных норм и ценностей, нацеленных на укрощение эгоистической природы человека, то в политике константой является не идеал, а интерес. Смысл морали передают максимы: «Возлюби ближнего, как самого себя», «Сам погибай, а товарища выручай» и т.п., тогда как сущность политики — формула: «В политике нет вечных друзей — есть вечные интересы».

Это не значит, что политика по определению безнравственна: здесь просто иной базовый критерий нравственности. **Мерилом нравственности в политике выступает соответствие национально-государ-**

⁷ Кстати, доминирование государства в качестве участника политического процесса органично гегелевской апологии государства: «Ведь истинное есть единство всеобщей и субъективной воли, а всеобщее существует в государстве... Государство есть божественная идея, как она существует на земле» [Гегель 1993:90]; «Если хотят действовать, следует не только желать добра, но и знать, является ли то или иное добром. А то, какое содержание хорошо или нехорошо, правомерно или неправомерно, определяется для обыкновенных случаев частной жизни в законах и нравах государства» [Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С. 81].

⁸ Вебер М. Политика как призвание и профессия//Избр. произведения. М., 1990. С. 703.

ственным интересам: курс, отвечающий интересам данной страны, квалифицируется как нравственная политика, а противоречащий — как аморальная. При этом нравственная личная состоятельность конкретного политика — вопрос второстепенный.

Прекрасной иллюстрацией позиции политически «взрослого» общества по этому вопросу может служить тот факт, что даже в разгар скандала, связанного с М. Левински, рейтинг Б. Клинтона не опускался ниже 60%. Оценивая Клинтона, граждане США исходили не из «морального» облика президента, а из результатов его деятельности в качестве главы государства.

Разведение политической и приватной морали в духе гегелевского дуализма может показаться этатистским преувеличением. Но эта крайность есть реакция на другую.

Слишком часто на протяжении последних лет предметом осуждения становились не только действительно избыточные государственные полномочия, но и атрибутивно присущие государству характеристики, включая регулирующие государственную политику специфические моральные нормы. Иначе говоря, подлежащими устранению представляли не только репрессивные функции государства и его авторитарные интенции, но и сама идея государства как института, призванного воплощать общее благо (при этом общее благо есть не что иное, как благо индивидуумов, сосуществующих в формате общества).

Сверхидеией деэтактизации провозглашались интересы индивидуума. Однако парадоксальным образом оказалось, что в ситуации крушения государства может потерпеть крушение и индивидуум. Трагическая гибель Галины Старовойтовой, посвятившей немало сил борьбе с государством и погибшей фактически под его обломками (тотальная криминализация может рассматриваться как один из наиболее наглядных признаков эрозии государства) — тому подтверждение.

Разумеется, я отнюдь не хочу сказать, что в политике цель (национальный интерес) полностью оправдывает средства. Но при определении степени нравственности средств тоже нужны адекватные процедуры, ибо рассуждения о «слезе ребенка» нередко используются для прикрытия изошренно антигуманной политики. При механическом приложении к политике норм и оценок «частной» морали можно прийти к абсурдному выводу, что государство есть глубоко безнравственный институт — ведь реализация его функций неизбежно предполагает насилие, причем в «особо крупных размерах».

На мой взгляд, целесообразно ставить вопрос не о несовместимости политики и морали, а о специфичности политической морали, отличной от морали приватной.

С точки зрения «приватной» морали, пакт Молотова—Риббентропа, безусловно, выглядит аморальным, но с позиций политического реализма он может рассматриваться как оправданный и даже необходимый шаг. Не случайно денонсация этого соглашения в 1989 году знаменовала собой геополитическое поражение нашей страны, ставшее прологом распада Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений. Справедливость требует отметить, что крушение Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений стало результатом действия целого ряда факторов, и эрозия адекватного понимания политической морали — только один из системы факторов.

Смещение политической и «приватной» морали чревато тяжелыми последствиями. Наглядной иллюстрацией того, к чему ведет перенесение норм политической морали на частную жизнь, служит судьба знаменитого героя Ф. М. Достоевского Раскольников, решившего доказать, что он «не тварь дрожащая, а право имеет». Вердикт Достоевского определен: подобные попытки влекут за собой крушение личности того, кто пошел на такую подмену, и страдания невинных людей.

Еще большей трагедией может обернуться и экстраполяция «приватной» морали на сферу политики.

Пример такой неоправданной экстраполяции можно найти в мемуарах В. Фалина, касающихся переговоров об условиях объединения Германии. Как известно, в переговорном процессе участвовали обе Германии и 4 мировые державы — СССР, США, Великобритания и Франция, а переговоры велись по формуле 4+2, что означало приоритет государств-патронов по отношению к Германиям. Получив соответствующие инструкции на Политбюро ЦК КПСС, представитель советской стороны на переговорах министр иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе провел переговоры в нарушение этих инструкций по формуле 2+4, что означало принципиальное изменение соотношения сил на переговорах. На вопрос коллег по Политбюро относительно причин столь радикальной смены инструкций, Шеварднадзе ответил: «Об этом меня просил Геншер, а Геншер — хороший человек».⁹

Однако — и эта оговорка принципиальна — правда политической морали есть только часть правды, ибо государство даже в тоталитарном формате не способно поглотить весь спектр социальных отношений. **Рядом с политической моралью всегда существует мораль приватная, а человек выступает фокусом пересечения этих модусов.**

Объективной основой этого противоречия является имманентное общественному устройству противоречие государственного и частного начал. Очевидно, что характер пересечения «двух моралей» опреде-

⁹ Фалин В. Без ссылок на обстоятельства. М., 1999.

ляется характером взаимоотношений государства и общества. В ситуации относительно мирного их сосуществования политическое и приватное измерения морали могут избежать перспективы взаимного уничтожения. Конфликт общества и государства неизбежно чреват их конфликтом.

Но и это еще не вся правда.

Глубина проблемы заключается в том, что даже в рамках политической морали могут возникнуть существенные противоречия. Это обусловлено возможными различиями в трактовке национально-государственных интересов. В этом плане возможны две позиции.

Одна из них может быть выражена заимствованной из американской политической практики формулой: «Права моя страна или нет, но это моя страна». Эта формула предполагает автоматическую поддержку государственной политики и налагает фактический запрет на обсуждение — а тем более осуждение — официальной политики.

Другая позиция исходит из альтернативного видения государственной политики и рассматривает последнюю как предмет обсуждения различных общественно-политических сил. Не разделяющие позиции правительства политические силы в этом случае предстают диссидентами, т. е. инакомыслящими по отношению к официальному курсу.

Философия диссидентства основательно обоснована в работах В. Гавела¹⁰. При этом противодействие правительственному курсу рассматривается диссидентами как императив нравственности в политике. Заслуживает внимания один из парадоксов диссидентского движения.

В. Гавел отмечает, что альтернативная правительственному курсу политика в диссидентском движении обрела формат защиты человеческих и гражданских прав¹¹, хотя, по сути, объектом критики диссидентов являлась официальная политика. Это означает, что в данном случае мы имеем перед собой не только и не столько столкновение политической и приватной морали (хотя этот элемент также присутствует и является существенным), но и столкновение в рамках политической морали.

Вышеизложенное означает, что феномен морали в политике имманентно противоречив. При этом противоречия политической морали — «не формально-логического свойства. В них столь много плоти и крови, что их нельзя даже понять, мысля «априорно» и отвлекаясь от ситуаций и контекста, в которых они возникли, не говоря уже о нахождении способов их преодоления. Более того, многие из них тако-

¹⁰ См. например: *Гавел В.* Сила бессильных. Минск, 1991; *Гавел В.* Заочный допрос. М., 1991.

¹¹ *Гавел В.* Сила бессильных. С. 68.

го рода, что у них совсем нет «окончательных и единственно правильных решений»¹².

Таким образом, политическая мораль, в отличие от морали приватной, ситуативна, поскольку не может выносить априорных решений о рассматриваемых ею предметах.

«Что есть насилие, какова его допустимая мера, как возможно его искупление» — ответы на эти вопросы возможны лишь в конкретном контексте.

«Политическая мораль покидает сферу трансцендентного и входит в историю»¹³.

Российская политическая мораль как практическое воплощение гегелевской апологии государства

Сказанное выше о влиянии отношений государства и общества на характер переплетения политической и приватной морали во многом проясняет ответ на вопрос об истоках драматических коллизий этих начал в российской политике.

Исследования показывают, что особенностью российского политического развития выступал перманентный конфликт государства и общества. Было бы глубоким заблуждением усматривать истоки этого конфликта в психологических особенностях лиц, в разное время стоявших во главе российского государства.

Глубинной основой этого конфликта было то, что выдвигаемые государством политические задачи, как правило, опережали возможности общества. В свою очередь, эти задачи диктовались не произволом властей, а выступали условием выживания российского общества и государства¹⁴.

Важнейшим фактором, определяющим специфику взаимодействия политики и морали и соответственно морали политической и приватной в любом обществе, являются исторически сложившиеся особенности политической организации социума. В свою очередь, политическая организация и — шире — политическая традиция суть не что иное, как концентрированное выражение многократно повторенного исторического опыта.

Адекватная содержательная интерпретация политической традиции предполагает «дешифровку» исторического опыта, а та, со своей стороны, — анализ условий формирования и эволюции политического социума.

¹² Капустин Б. Г. Указ.соч. С. 71.

¹³ Там же. С. 78.

¹⁴ Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. М., 1998. Гл. I; см. также в Интернете: www.gaman1.narod.ru.

К числу ключевых параметров российского политического развития следует отнести дефицит значимых ресурсов (финансовых, образовательных, квалификационных, психологических и иных). Этот дефицит, обусловленный неблагоприятной природно-климатической средой, сложными внешнеполитическими обстоятельствами (частные внешние агрессии) и разновозрастностью российского и западноевропейского суперэтносов, во многом и предопределил масштабное использование принуждения как в отношении массовых групп населения, так и в рамках самого политического класса¹⁵.

Смысл применения политического насилия в России заключался в ускорении политического развития и предельной мобилизации политического класса в качестве субъекта модернизации. По существу, принуждение выполняло функцию компенсаторного механизма, призванного восполнить недостаток других ресурсов.

Именно здесь, как мне кажется, и кроются истоки длительного сохранения в стране крепостного права. По справедливому замечанию С.М. Соловьева, «прикрепление крестьян — это вопль отчаяния, испущенный государством, находящимся в безвыходном экономическом положении»¹⁶. Не будет значительным преувеличением констатировать, что формирование российской государственности происходило в чрезвычайных условиях. Это определяло универсальность модуса чрезвычайности и в сфере морали. (В данном контексте понятие чрезвычайности трактуется в духе К. Шмита как освобождение от всякой нормативности¹⁷.)

Объектом применения насилия выступали не только массовые группы населения, но и влиятельные круги российского правящего класса. Главным внутренним противоречием российского политического класса было противостояние первого лица государства (князя, царя, императора, генсека) и высшего эшелона административно-политической бюрократии, а основной закономерностью отечественной истории — «борьба правительства, точнее государства, насколько оно понималось известным правительством, со своими собственными органами»¹⁸.

Потребность в перманентном обращении к насилию получила свое институциональное выражение в доминировании в России политических систем и режимов жесткого — преимущественно автори-

¹⁵ Подробнее см.: Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: веки исторической эволюции...

¹⁶ Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. М., 1989. С. 432.

¹⁷ Шмит К. Политическая теология. М., 2000.

¹⁸ Ключевский В.О. Русская история//Полный курс лекций: В 3 кн. Кн. 2. М., 1993. С. 7. Среди наиболее ярких проявлений такой борьбы можно упомянуть опричнину Ивана Грозного, давление Петра I на старомосковское дворянство и политические чистки Сталина.

тарного – типа. Подобную политическую организацию некоторые исследователи называют «служилым государством» (Б.Н. Чичерин), другие – «народной монархией» (И.Л. Солоневич), третьи – «русской системой» (Ю.С. Пивоваров и А.И. Фурсов). Но, как бы то ни было, ее фундаментальной характеристикой является моноцентризм власти, по сути означающий поглощение собственно политических отношений административными и растворение политики в административном управлении¹⁹.

Датой рождения собственно российской политики следует считать 17 октября 1905 г., когда был обнародован знаменитый Манифест Николая II, объявлявший о создании Государственной думы.

Как известно, этот документ объявлял о намерении сформировать первый в России орган представительной власти – Государственную думу, в рамках которой получали возможность артикуляции отличные от государства интересы. Открывал путь к созданию политических партий и движений как отличных от государства субъектов властных отношений. Провозглашал свободу слова, что позволяло использовать СМИ в качестве инструментов артикуляции интересов альтернативных государству центров власти.

Однако политика как самостоятельный феномен, не тождественный административному управлению, просуществовала в России недолго: в 1920-е годы были распущены политические партии, за исключением правящей ВКП(б), и в стране де-факто утвердилась однопартийная политическая система.

Учитывая характер правящей партии, которая, по существу, превращалась в элемент системы государственного управления, можно констатировать, что произошло возрождение системы административного управления со свойственной ей монополией государства в качестве субъекта власти.

Начало новому, современному этапу политики в непосредственном значении этого понятия как сферы взаимодействия различных субъектов и центров власти было положено в 1990 году в связи с отменой 6-й статьи Конституции СССР 1977 года, гласившей, как известно, что ядром и руководящей силой советской политической системы является КПСС.

Формирование многопартийной политической системы открыло возможности артикуляции интересов, отличных от государственных.

Государство в лице бюрократии перестало быть монопольным

¹⁹ Поскольку политика есть взаимодействие субъектов по поводу распределения власти, систему управления, при которой отсутствуют отличные от государства центры власти, и государство обладает монополией на осуществление таковой, неправильно квалифицировать как политическую.

субъектом управления, а политика действительно предстала сферой конкуренции различных политических сил по поводу распределения властных полномочий.

В рамках господствовавшей в стране на протяжении нескольких столетий модели управления население выступало в качестве объекта не политического, а административного управления, что предопределило вытеснение его из сферы политических (властных) отношений. В условиях России административное управление являло собой разновидность политического насилия, порой обретавшего форму насилия физического. Это нашло отражение в преобладании «лобового», директивного стиля политического руководства и утверждении представлений об эффективности и безальтернативности политического принуждения как универсальной технологии лидерства.

Традиционный авторитарный формат лидерства сохранился и в современной России, несмотря на радикализм происшедшей в ней политико-экономической и социальной трансформации. Об этом свидетельствуют не только случаи применения насилия в качестве аргумента в спорах с политической оппозицией (наиболее яркий пример — расстрел Белого дома в октябре 1993 года), но и особенности восприятия населением политических лидеров. Весьма показательно в этом плане, что после трагических событий 3–4 октября рейтинг Ельцина хотя и снизился, но незначительно.

Подобная устойчивость рейтинга президента, приказавшего расстрелять собственный парламент, по-видимому, объясняется тем, что для российского массового сознания настоящий лидер — тот, кто в критической ситуации не побоится «употребить силу»²⁰.

Более чем пятистолетняя ориентация на принуждение в отношениях политического класса с массовыми слоями населения и внутри самого политического класса способствовала превращению насилия в универсальный модус политической культуры как властных групп, так и общества. В результате в России, в отличие от стран с дисперсно-организованной системой власти, сложилась политическая культура не консенсусно-технологического, а конфронтационного типа.

Перманентная практика использования насилия в общественной жизни неизбежно порождает стремление к либерализации политической системы. Подобные попытки предпринимались и представителями правящего класса («кающиеся дворяне» стали устойчивой традицией российской политики), и политической контрэлитой. Однако в описанных условиях они, как и следовало ожидать, осуществлялись

²⁰ Не вызывает сомнений, что президент США, отдавший подобный приказ, мгновенно превратился бы в политический труп.

преимущественно насильственными методами. На насилие делали ставку и декабристы, и «Народная воля», и социалистические движения конца XIX — начала XX века.²¹

В основе радикально-авторитарного типа политического сознания, видящего в насилии универсальную технологию политики, по сути, лежит описанный С. Франком принцип «любви к дальнему», во имя которой жертвуют интересами «ближних». «Из великой любви к грядущему рождается великая ненависть к людям», — отмечал Франк, подчеркивая, что «страсть к устройению земного рая становится страстью к разрушению»²².

Нигилистический морализм русской революционной интеллигенции был важнейшим проявлением данного модуса политического сознания. «Морализм русской интеллигенции есть лишь выражение и отражение ее нигилизма... Под нигилизмом я разумею отрицание или непризнание абсолютных (объективных) ценностей». При этом «из великой любви к грядущему рождается великая ненависть к людям, страсть к устройению земного рая становится страстью к разрушению, и верующий народник-социалист становится революционером».

Франк приводит поразительный пример авторитарности нигилистического морализма, ставшего знаменем русской оппозиционной интеллигенции и являющегося проявлением авторитарной политической культуры, основанной на убеждении в безусловной эффективности политического насилия.

В одном из московских революционных кружков конца XIX века участвовал тихий застенчивый юноша из хорошей семьи. Когда члены кружка были арестованы и стало ясно, что его участникам не грозят серьезные репрессии, этот юноша покончил с собой в тюрьме, причем лишил себя жизни чудовищно-жестоким способом: сначала наглотался осколков стекла, а потом, облив свою кровать керосином, поджег себя и скончался в страшных мучениях. Перед смертью он признался, что его мучили собственная неспособность стать «настоящим революционером», внутреннее отвращение к этому занятию, непреодолимое желание обычной мирной жизни; в результате он признал себя существом, ни к чему не годным, и решил покончить с собой.

Вспоминая этот случай в работе, написанной в 1924 году уже в эмиграции, Франк признавался, что после всего пережитого в ходе революции и Гражданской войны он чувствовал себя «моральным со-

²¹ Характерно, что предлагавшиеся в «Русской правде» П. Пестеля методы перехода к справедливому строю включали в себя установление диктаторского режима и репрессии по отношению к царствующей династии.

²² Франк С.Л. *Этика нигилизма*//Сочинения. М., 1990. С. 95.

участником всех убийств и злодеяний, которые во имя революции» творились в России²³.

Смысл попыток политической либерализации заключался в борьбе с насилием власти посредством насилия, а также в ускорении политического развития. Однако попытки эти были сродни известному из восточной притчи стремлению ускорить созревание зерновых посредством их «поддергивания» вверх за колосья. Как и следовало ожидать, завершались они тем, что общество оказывалось отброшенным назад.

Результатом либерализации с опорой на насилие, как правило, становилась политическая реакция, сопровождавшаяся не смягчением, а усилением политического насилия. Именно реакцией на радикализм декабристов стало консервативное царствование Николая I. Такой же реакцией на террор народовольцев стало консервативное царствование императора Александра III. Мрачной закономерностью реакции стала «переключка символов»: пять виселиц казненных в 1826 году декабристов и пять виселиц казненных в 1881-м народовольцев.

Поглощение политики административным управлением, которое, в свою очередь, выступало следствием доминирования государства над обществом, повлекло за собой ряд важных последствий для формирования российской версии соотношения политической и приватной морали. Важнейшим из них стало доминирование политической морали по отношению к частной. Парадоксальным образом российская политическая история стала практическим воплощением гегелевской апологии государства, а российская версия политической морали — воплощением нравственности гегелевского мирового духа.

Другим следствием стал резкий разрыв в восприятии политическим классом и внеэлитными группами стандартов морали в политике. Если властные круги, как правило, стояли на позициях политического реализма, то для массового сознания был характерен принципиально иной подход к политике. Будучи исключены из этой сферы деятельности, массовые слои населения не имели возможности выработать адекватное понимание ее специфики, и их представления о должном в политике во многом определялись нормами «частной» морали. В результате в сознании политического класса и массовых внеэлитных групп формировались различные представления о стандартах морали в политике.

Известно, что исторически традиционными оппонентами в концептуализации политики являются парадигмы политического реализма и политического либерализма (идеализма).

²³ Франк С. Л. Крушение кумиров // Сочинения. С. 153.

Согласно постулатам политического реализма, важнейшей движущей силой мировой политики и политики вообще является интерес, в мировой политике — национальный интерес, а межгосударственное взаимодействие имеет анархический характер столкновения несовпадающих и конфликтных интересов государств.

Основной формой взаимодействия участников мировой политики является конфликт, главным принципом поведения государств на арене мировой политики — «помоги себе сам». Решающим фактором политического успеха в мировой политике выступает сила (мощь). Соответственно, основными категориями парадигмы политического реализма являются «сила», «мощь», «национальный интерес», «баланс сил», «полярность».

Наиболее последовательное выражение парадигма реализма нашла в рамках подхода *Realpolitik*, суть которого выражает формула: «Хочешь мира — готовься к войне».

В отличие от политического реализма, сторонники либеральной (идеалистической) парадигмы трактуют политику в целом и мировую в частности как сферу сотрудничества, взаимопомощи, безопасности, права, интеграции. Целями политики в рамках этой парадигмы выступают общечеловеческие ценности и универсальные демократические принципы, а основными мотивами политических акторов — стремление к бесконфликтному гармоническому сосуществованию различных стран и народов.

В исторической России ментальность властных групп, как правило, адекватно описывалась в терминах политического реализма, а ментальность массовых групп вращалась в рамках парадигмы политического идеализма. На уровне массового сознания моральные представления о должном в политике характеризовались неоправданным смещением норм политики и «частной» морали, вследствие чего регулирования массового политического сознания осуществлялась посредством норм обыденной, «частной» морали.

На Западе, в отличие от России, политический реализм укоренен в сознании не только властных, но и массовых групп. Истоки столь солидарного мышления кроются в том, что политика здесь не поглощена административным управлением (власть дисперсно организована), и обе названные категории участвуют в политической жизни, несмотря на разницу в уровне и качестве такого участия.

Причастность к миру политики дает возможность рядовому гражданину осознать специфичность политической морали. Что касается властных кругов, то в их сознании политический реализм безраздельно господствует: мировая политика рассматривается ими преимущественно в качестве игры с нулевой суммой.

Рассекреченные и опубликованные в последние годы документы

косвенно указывают на то, что президент США Ф.Д. Рузвельт был заблаговременно информирован о грядущей атаке на Перл-Харбор, но не предпринял никаких попыток предотвратить ее, ибо агрессия японцев могла обеспечить мобилизацию американского общества на борьбу с государствами оси «Берлин—Токио—Рим». Существуют также данные, свидетельствующие о том, что, благодаря достижениям английских криптографов, расшифровавших донесения немецкого генштаба, У.Черчилль знал о готовящейся бомбардировке Ковентри. Однако британский премьер не сделал ничего, чтобы предотвратить трагедию: меры по обеспечению безопасности этого города были чреваты рассекречиванием доступа англичан к тайнам немецкого командования и его утратой, результатом чего могла стать национальная катастрофа. Было ли такое бездействие аморальным?

Обращение к историческому опыту показывает, что попытки правящих кругов России перейти на позиции политического идеализма практически всегда оборачивались политическим поражением страны. Вспомним, например, к чему привело романтическое стремление императора Александра I создать после окончания наполеоновских войн Священный союз — систему общеевропейской безопасности, основанную на балансе интересов. Бывшие союзники России по антинаполеоновской коалиции противопоставили ее открыто конференциальной политике политику кулуарного сговора. И в этом не порок, а сила западной дипломатии, всегда исходившей из принципа первенства интересов. Именно этим принципом руководствовались Талейран, Меттерних, Бисмарк...

Не менее показательна в этом смысле русско-турецкая война 1877—1878 годов. Известно, сколь упорно противился император Александр II вступлению в эту войну, справедливо полагая, что она не соответствует возможностям страны, но, в конце концов, уступил давлению «прогрессивного» общественного мнения (славянские комитеты и т.д.). Итог: военные расходы Российской империи вдвое (!) превысили ее годовой бюджет и стали причиной тяжелейшего финансового кризиса, а на Берлинском конгрессе 1878 года Россию лишили плодов одержанных ею военных побед. Более того, Россия не добилась не только благодарности, но и лояльности со стороны освобожденных ею народов, и спустя несколько лет после окончания войны Александру III пришлось констатировать: «В Европе у России друзей нет».

Крайне плачевными оказались и результаты политического идеализма в период правления М. Горбачева и Б. Ельцина. Политика «нового мышления для нас и всего мира» и «возвращения в семью цивилизованных народов» привела к краху не только советской империи, но и всей системы глобальной стратегической стабильности.

Любопытно отметить, что в 1980-е годы была предпринята попытка теоретически обосновать целесообразность и благотворность отказа от насилия в политике.

На рубеже 1980–1990-х годов ряд авторитетнейших ученых-этиков (среди которых — глубоко уважаемые мною А. Гусейнов, Р. Апресян и др.) инициировал дискуссию о сущности и перспективах ненасилия в политике. Ее смысл заключался в подведении концептуальной базы под отказ от традиционной для мировой политики ставки на силу. Но парадоксальным образом именно в это время политическая жизнь СССР характеризовалась беспрецедентными в советской истории всплесками насилия. Именно тогда началась череда жесточайших межнациональных конфликтов, проходивших по сходному сценарию и порой приобретавших чудовищные формы. Так, в Ошской области Киргизии на рынках открыто торговали человеческим мясом, указывая на ценниках, что это «мясо узбеков».

Порой можно услышать, что в современном российском обществе политика становится все более безнравственной. Распространенность подобных тревожных оценок не случайна: сегодняшняя реальность дает к ним все больше поводов. Однако разворачивающийся на наших глазах процесс изменения соотношения политической и приватной морали далеко не однозначен: наряду с негативными сторонами у него имеются и позитивные. Сфера жизнедеятельности общества, подлежащая моральной регуляции, сужается за счет ограничения использования «частной» морали в политических отношениях, а такое сужение, на мой взгляд, целесообразно.

Легко предвидеть острую и негативную реакцию на высказанное суждение, ибо принято считать, что привнесение в политику норм нравственности есть условие ее эффективности. Это действительно так. Но проблема гораздо глубже, ведь, как уже говорилось, критерии нравственности в политике весьма отличаются от норм и ценностей «частной» морали.

В России, вследствие относительно недавнего появления в ней политики как самостоятельного социального феномена, характерные для этой сферы нормы и механизмы нередко подменялись теми, что сложились в рамках «частной» морали. Поэтому, несмотря на потенциальные политические и этические издержки, процесс кристаллизации специфически политической нравственности и отказа от неоправданно широкого применения в политике критериев «частной» морали рационален. Массовое политическое сознание постепенно освобождается от излишнего морализаторства, становится более прагматичным и проникается тем разумным эгоизмом, без которого общество легко обыграть под аккомпанемент разговоров о приоритете общечеловеческих ценностей.

Подтверждением тому могут служить недавние события на Украине — не случайно термин «Майдан» сразу же завоевал популярность среди политиков и экспертов. Мнения об этих событиях разноречивы. Одни наблюдатели говорят о пробуждении гражданского общества, другие толкуют об эффективности технологий массовой мобилизации.

Очевидно, что в основе всплеска политической активности украинского населения осенью-зимой 2004 года лежал протест против коррумпированного кланово-олигархического режима Л. Кучмы, приведшего к заметному падению уровня жизни в стране. Однако этот протест был весьма профессионально аккумулирован и использован теми, кто в годы кучмовского правления составлял ядро данного режима (в окружении В. Ющенко несколько бывших вице-премьеров; сам он занимал при Кучме посты премьер-министра и председателя Национального банка Украины).

Одной из базовых технологий мобилизации ими массовой активности выступала моралистская риторика в терминах «нравственной власти». Между тем анализ показывает, что подобная риторика стала инструментом достижения целей, по сути, противоположных политическим и экономическим интересам массовых групп населения.

Украинская пословица гласит: «Если политики много говорят о дружбе, становится понятно: сало пора перепрятать. А если много говорят о братстве, нужно проверить, на месте ли кошельки». Если понятия дружбы и братства заменить понятием «мораль», то получим весьма справедливое замечание, обоснованность которого подтверждает мировая политическая практика.

Юрий Крупнов

ПОЧЕМУ ЛИБЕРАЛЬНАЯ ИМПЕРИЯ В РОССИИ НЕ ПОЛУЧИТСЯ?

Проект переустройства России как либеральной империи был брошен в общественное пространство Анатолием Чубайсом на старте избирательной кампании в Госдуму в сентябре 2003 года и за полгода до выборов президента.

Содержание проекта в версии его авторов подробно изложено в первоначальных заявлениях А. Чубайса (например, в статье в «Независимой газете» «Миссия России в XXI веке», опубликованной 1 октября 2003 г., а также в представлении проекта «Либеральный империализм» секретарем по идеологии федерального политсовета СПС Л.Я. Гозманом на экспертной дискуссии серии «Проекты для России», организованной информационным агентством «Росбалт» 16 декабря 2004 г.).

Вот суть проекта в изложении А. Чубайса в статье в «Независимой газете»:

«Россия — единственный и уникальный естественный лидер на всем пространстве СНГ и по объему своей экономики, и по уровню жизни своих граждан.

Поэтому от констатации факта перейду к постановке задачи — Россия не просто является лидером, она может и должна всемерно наращивать, усиливать и укреплять свои лидирующие позиции в этой части планеты в следующие 50 лет.

Скажу больше. Идеологией России, по моему глубокому убеждению, на всю обозримую историческую перспективу должен стать либеральный империализм, а миссией России — построение либеральной империи. Это именно то, к чему мы естественно пришли всей своей новейшей историей, это то бесценное, что мы можем и должны извлечь из истории XX века, это именно то, что свойственно, естественно и органично для России — и исторически, и геополитически, и нравственно. Это, наконец, задача такого масштаба, которая поможет нашему народу окончательно преодолеть духовный кризис и по-настоящему сплотит и мобилизует его.

...Надо увидеть стратегически прорисовывающееся кольцо великих демократий Северного полушария XXI века — США, объединенная Европа, Япония и будущая Российская либеральная империя. У нас появляется органичное и естественное место и уникальная роль — замкнуть кольцо. И обеспечить себе целую систему экономических, военных и политических соглашений, защищающих наши интересы внутри кольца и во всем мире. И тогда Россия встанет на равных с до-

стойными нас партнерами, чтобы вместе, сообща отстаивать порядок и свободу на земле.

В этой миссии — великое будущее нашей великой Родины»¹.

И еще одно разъяснение, которое А. Чубайс дал по проекту в программе Владимира Познера «Времена» 29 сентября 2003 г.:

«К слову “империя” отношение традиционно очень поляризованное, так скажем, противоположное у разных групп. Хотя когда мне говорят, что либеральная империя — это сапоги всмятку, я говорю: “Ребята, вы по сторонам оглянитесь. США — это что сегодня? Это не просто либеральная империя, а это действия, которые, в моем понимании, в ряде случаев просто нарушают нормы международного права, как это произошло в Югославии, как это произошло в Ираке.” И, кстати говоря, может быть, и я бы не стал выдвигать такой радикальной цели, такого радикального тезиса, если бы не было того, что в реальном мире сегодня происходит то, что делает наш бывший противник номер 1 — США. Если это так и если мир таков, если он уже стал таким в XXI веке, то мы с вами просто не можем не реагировать. Мы должны ставить задачи адекватные той среде и тем условиям, в которых наша страна находится, тем более если мы замахнулись на 50-летнюю перспективу».

С моей точки зрения, главная идея данного проекта состоит в том, чтобы выйти к американцам с инициативой создания на территории СНГ в рамках их формирующейся гиперимперии² или, по Л. Гозману, «образующейся единой мировой империи» управляемой провинции США — региональной, «младшей» империи, как бы империи, другими словами, стать наместниками или «губернаторами» США на постсоветском пространстве³.

«Либеральная империя» — один из тех немногих проектов России, которые на сегодняшний день существуют в виде реальных носителей и внятных документов. И данный проект является для страны откровенно вредным, поскольку его победа будет означать свершившуюся западнизацию и американизацию, т. е. окончательный слом российской уникальности и идентичности.

Причина этого проста. Идея либеральной империи является абсолютно чужой и чуждой для тысячелетней России.

Конечно, лидерам СПС хотелось предстать передовыми интеллектуалами, которые изобрели оригинальный концепт, созданный ими

¹ Чубайс А. Миссия России в XXI веке//Независимая газета. 2003. 1 янв.

² Крупнов Ю.В. Гиперимперия США или мировая держава Россия?//Рефлексивные процессы и управление. Т. 4, янв. — июнь 2004. №1. С. 25—47.

³ Подробный анализ и обоснование данной точки зрения см. в главе «Что мы делаем со страной?» книги Ю. Крупнова «Россия между Западом и Востоком. Курс Норд-Ост». СПб, 2004.

для России первой половины XXI века и в русле исторического развития России. Однако идея либеральной империи, сами термины «либеральная империя» и «либеральный империализм» возникли во второй половине XIX века в Великобритании и с тех пор вот уже как полтора столетия являются достоянием и основой англосаксонской политико-исторической мысли.

Либеральным империализмом называли свою колониальную практику XIX века сами англичане. Термин появился не случайно.

С одной стороны, британские колонизаторы, владевшие к тому времени четвертью всей суши планеты Земля, рассматривали себя в качестве тех, на кого самой историей возложено бремя нести цивилизацию варварам, «примитивным народам» — отсюда необходимость властвования над этими народами, т. е. собственно империализм. При этом под цивилизацией имелась в виду, разумеется, западная цивилизация и, более того, западная цивилизация, которая наиболее совершенным образом, с точки зрения самих англичан, была представлена в их демократии с основой в идее политической свободы — отсюда либерализм.

С другой стороны, во второй половине XIX века в политической жизни Англии преобладание получила Либеральная партия, которая и руководила империализмом до 20-х годов прошлого века, пока ее не вытеснила Лейбористская партия — отсюда еще одно очевидное основание для того, чтобы тогдашний империализм был либеральным.

Неудивительно, что с 1890 года до начала Первой мировой войны в Либеральной партии Великобритании (одной из двух правящих партий страны в то время) даже была образована и активно действовала фракция либерального империализма (Liberal imperialism), члены которой называли себя либеральными империалистами (liberal imperialists). Лидером фракции либеральных империалистов был лорд Розбери, он же Арчибалд Примроуз (Archibald Primrose, Lord Rosebery), являвшийся в 1886 и 1892–1894 годах министром иностранных дел, а с марта 1894 по июнь 1895-го — премьер-министром Великобритании.

Интересующихся происхождением либерального империализма отсылаем к многочисленным историческим трудам, в частности, к монографии английского историка Г. Мэтью⁴.

Через 100 лет, в конце XX века, либеральный империализм «всплыл» опять — естественно, не у интеллектуалов из СПС, а на Западе. И после событий в Боснии и Косово стал публичной доктриной той части истеблишмента Великобритании и США, которая последние годы определяет реальную американо-британскую политику.

⁴ *Matthew H.C.G.* The Liberal Imperialists: the Ideas and Politics of a Post-Gladstonian Elite — Oxford, 1973.

Своеобразной вехой здесь стала статья Дэвида Риффа «Новый век либерального империализма?» весной 1999 года в «Журнале мировой политики»⁵. Автор не только провозгласил наступление века или даже эры «либерального империализма», но и дал точную, с позиции американских империостроителей, характеристику ситуации: «Как бы неоднозначно это не выглядело, но на пороге нового тысячелетия наш выбор сводится к империализму или варварству. И полумерами тут уже не обойтись».

Мощное теоретическое обоснование новой глобальной либеральной империи представил в 2000 году в книге «Постмодерновое государство и мировой порядок»⁶ помощник министра обороны и заморских дел (Overseas) Великобритании Роберт Купер (Robert Cooper). Свое восторженное (и по праву) представление данной книги журнал *The Observer* за 7 апреля 2002 г. так и назвал: «Новый либеральный империализм» (The new liberal imperialism).

Журнал представил Роберта Купера как внешнеполитического гуру Тони Блэра и кратко определил кредо Купера так: «Он верит, что спасти мир может только новый колониализм». При этом, по Куперу, старый империализм — «империализм в его привычном смысле — умер, по крайней мере, для западных держав». И далее: «То, что сейчас нужнее всего, является новым видом империализма, который был бы совместим с правами человека и космополитическими ценностями и который должен быть направлен на привнесение порядка и организации в мировую жизнь».

Показательно также употребление летом 2002 года термина «либеральный империализм» в качестве заглавия статьи одним из ведущих неоконсерваторов США Максом Бутом (Max Boot) на сайте Совета по внешнеполитическим связям (The Council on Foreign Relations).

Окончательно возродившимся, популярным и даже модным либеральный империализм стал благодаря британскому историку Найлу Фергюсону (Niall Ferguson), который в 2001–2002 годах написал сценарий для телесериала «Империя», широко показанного по британскому ТВ, и в 2002 году издал сценарий в США уже в виде книги «Империя: рождение и смерть британского мирового порядка и уроки для глобальной империи»⁷.

В этой работе Фергюсон убедительно показал, что великой империей в XIX веке Великобритания стала исключительно благодаря

⁵ Rieff D. A New Age of Liberal Imperialism?//World Policy Journal. Vol. XVI. N. 2. Summer 1999.

⁶ Cooper R. The postmodern state and the world order. London: Demos, The Foreign Policy Centre. 2000.

⁷ Ferguson N. Empire: The Rise and Demise of the British World Order and Lessons for Global Power.

принципу либерального империализма. В итоге он не только научно и публицистически воспел исчезнувшую Британскую империю, но и открыто призвал Соединенные Штаты Америки пойти по ее стопам, стать своего рода вторым изданием Британской империи XIX — начала XX веков. С той поры Фергюсон (а не А. Чубайс, Л. Гозман или Д. Орешкин) всеми признается в качестве ведущего теоретика нового либерального империализма.

Одним из важных пропагандистов концепта либеральной империи является влиятельный американский политолог, директор Карр-Центра в Гарвардском университете (Carr Center at the Kennedy School of Government, Harvard University) и внук предпоследнего министра просвещения императорской России Майкл Игнатъевф (Michael Ignatieff). Это именно он в разгар агрессии США и НАТО против Югославии в мае 1999 года выступил с фиксацией того, что доктрина вмешательства США и НАТО практически в любую страну мира (так называемый «гуманитарный интервенционизм») в целях защиты прав человека состоялась и стала общепризнанной⁸.

Советую также прочитать его блестящую статью «Бремя» в журнале *New York Times Magazine* за 5 января 2003 г. Там он следующим образом определял необычность США как либеральной империи: «Империя XXI века — это новое изобретение, которое займет достойное место в анналах политической науки, это такая глобальная гегемония, чрезвычайно привлекательными особенностями которой являются свободные рынки, права человека и демократия, и все эти особенности еще и обеспечены самой внушительной военной мощью, которую только когда-либо знал мир...». Вывод же таков: «Америка вынуждена взять на себя бремя исполнения тех функций, которые раньше были закреплены за погибшими империями прошлого века: оттоманской, британской и советской».

Между прочим, основные положения этой большой статьи Майкла Игнатъевфа и воспроизведет через девять месяцев, в сентябре 2003 года, А.Б. Чубайс в своем программном выступлении «Миссия России в XXI веке». Статья подготовлена на основе выступления Анатолия Чубайса в Санкт-Петербургском инженерно-экономическом университете и опубликована затем в «Независимой газете» за 1 октября.

Итак, либеральный империализм А. Чубайса и СПС в сентябре 2003 года явился классическим изобретением велосипеда, точнее, приобретением чужого велосипеда напрокат. Из этого следует: чтобы всерьез обсуждать проект России как либеральной империи, для на-

⁸ Human Rights: The Midlife Crisis, by Michael Ignatieff//The New York Review of Books. Vol. 46. N. 9. May 20, 1999.

чала надо ясно представлять себе исключительную заемность и вторичность данной идеи.

И дело вовсе не в том, что не своя идея выдается СПС за собственную без указания источников и ссылки на авторов. Дело в том, что СПС представляет общественности проект либеральной империи не как тот, который уже полтора века в чистом виде реализуют Великобритания и США, т. е. не как американский и англосаксонский вековой и исторический проект, а как оригинальный российский проект, возникший, выросший и собирающийся процветать в наших холодных краях. А это не так, это неправда.

Правда же состоит в том, что либеральный империализм по Чубайсу и СПС для России есть именно британско-американский либеральный империализм, что автоматически означает для населения России необходимость полного приятия мировоззрения и принципов чужого проекта или, проще, превращение народов, проживающих на территории России и СНГ (тех же славянских, тюркских, финно-угорских, монгольских и др.) в англосаксов.

Лично мне сама постановка подобной задачи представляется чудовищной с нравственной точки зрения, поскольку это означает курс на культурно-цивилизационную трансформацию, «перековку» полутора сотен народов в абсолютно чуждый им и один-единственный тип сознания и культуры. Это представляется не менее ужасным, чем, скажем, проекты типа трансформации пола всему населению страны (мужчин в женщин, а женщин в мужчин) или переселения жителей Индии на Таймыр в течение недели. В любом случае, реализация либерального империализма в качестве принципа жизни России требует прямого разрушения генома тысячелетней России и инсталлирование англосаксонского заимствованного генома — т. е. то, что в одной из книг мне пришлось определить как производство генетически модифицированных народов⁹.

Но не думаю, что постановка и решение подобной задачи является осмысленной и в чисто технологическом плане. Хочется спросить — авторы проекта действительно думают, что возможно массово-поточное производство киплингов и докторов ватсонов из жителей Российской Федерации и что, стало быть, их проект реализуем?

Размышления об эффективности (и только о ней, «отрезая» все остальное) очередного проекта А. Чубайса невольно заставляют вспоминать приватизацию, ее итоги и последствия или реформу электроэнергетики (РАО «ЕЭС России»), реформу ЖКХ (АО «РКС»).

И это философско-лирическое отвлечение в сторону от либерального империализма, уверен, не бесполезно, поскольку в голову при-

⁹ Крупнов Ю.В. Россия между Западом и Востоком. Курс Норд-Ост. СПб, 2004.

ходит понимание, что главная задача А. Чубайса и его команды, конечно же, состоит не в том, чтобы, скажем, Г.А. Зюганова перевоспитать в доктора Ватсона или даже в самого Шерлока Холмса.

Очевидной становится единственно реальная задача выдвижения туземной версии либерального империализма — стратегически договориться с глобальным и подлинным либеральным империализмом (т. е. реализуемым США и Великобританией).

Предмет договора очевиден: Россия как региональное государство.

Получается, таким образом, проект «либеральной империи», по Чубайсу, существует не сам по себе, а в качестве элемента сценария США по Збигневу Бжезинскому, экс-советнику президента США Картера по национальной безопасности, консультанту Центра стратегических исследований и профессору американской внешней политики.

Сценарий этот подробно и не раз излагался Бжезинским.

Еще в 1996 году г-н Бжезинский в интервью газете «Сегодня» ясно указал на то, что именно такое место и отводится России в современном «цивилизованном» мире: «Сейчас очевидно, что существует только одна сверхдержава — США. Россия вряд ли станет глобальной державой вследствие кризиса, порожденного 70-летним господством коммунизма. На долю страны выпали две мировые войны, насильственная индустриализация и коллективизация, соревнование с США, и это подорвало ее основы. России, на мой взгляд, потребуется много времени, чтобы достичь потенциала, который позволил бы ей стать глобальной державой. Однако уже сейчас она сможет быть крупной региональной державой. В ближайшие 25 лет глобальным партнером США может стать только объединенная Европа»¹⁰.

Окончательную форму этот сценарий получил в его известной книге «Великая шахматная доска», где определено, что цель США — глобальное и безраздельное господство, «главный геополитический приз для Америки — Евразия» и что, следовательно, «жизненно важно, чтобы на политической арене не возник соперник, способный господствовать в Евразии и, следовательно, бросающий вызов Америке»¹¹.

Осуществление подобного сценария США должно строиться, по Бжезинскому, на том, чтобы создавать в различных регионах земного шара сильных наместников, и для этого необходимо «выявить динамичные с геополитической точки зрения евразийские государства, которые обладают силой, способной вызвать потенциально важный сдвиг в международном распределении сил». Ведь, напоминает Бже-

¹⁰ Сегодня. 1996. 22 авг.

¹¹ Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. 1997.

зинский, подлинные империи прошлого — Римская, Маньчжурская, Монгольская, Британская — «строились путем тщательно продуманного захвата и удержания жизненно важных географических достояний, таких как Гибралтар, Суэцкий канал или Сингапур, которые служили ключевыми заслонками и замками».

«Геополитические центры, — пишет Бжезинский, — это государства, чье значение вытекает не из их силы и мотивации, а, скорее, из их важного месторасположения и последствий их потенциальной уязвимости».

Вот генеральная схема Бжезинского—Чубайса.

Есть единственная империя США и ее безраздельное глобальное господство над миром, и есть «геополитические центры», которые помогают «распределять силы» США по различным регионам мира.

Вот эти-то «геополитические центры» и должны стать как бы империями (локальными или «сувенирными») в целях наведения и поддержания порядка в регионе.

Про это красноречиво проговаривается, обсуждая «имперскую идею» Чубайса, «политолог» Леонид Радзиховский: «В XXI веке будет образовываться несколько «центров силы». Россия с «вассалами» — это одна Россия, одно к ней отношение. Россия «голая», без вассалов, — это совсем другая Россия, другой уровень амбиций. А по амбициям — и экономический тонус»¹².

Отсюда не будет преувеличением считать туземный проект либерального империализма реализацией лозунга: «Решения Бжезинского — в жизнь!».

Этот геополитический проект США для России образца середины 90-х годов прошлого века — «быть крупной региональной державой» — сегодня и взял в качестве «миссии России» Анатолий Борисович Чубайс.

«Либеральная империя» на пространстве СНГ по Чубайсу — это и есть «крупная региональная держава» по Бжезинскому.

Логика здесь примерно такова: мы признаем вашу гегемонию, встраиваемся и вмонтируемся в организуемый вами мировой порядок и обещаем правильно «вести себя в мире» (слова Л. Гозмана в ходе представления им проекта либерального империализма в ИА «Росбалт» 16 декабря 2004 г.): не лезть за пределы СНГ и, более того, еще и поддерживать здесь сносный порядок и стабильность («безопасность»). А вы нам за это отписываете постсоветское пространство в качестве нашей законной вотчины и в целом делаете нас, правящий класс, легитимным. Иными словами: дайте нам ярлык на княжение.

¹² Радзиховский Л. Основной имперский инстинкт: Кто выиграл от теледиспута Явлинского и Чубайса?//Известия. 2003. 13 окт.

Ничего, что, став региональной либеральной «империей», мы, конечно, никак и никогда не «войдем в метрополию единой мировой империи» (как сейчас обещают А. Чубайс и Л. Гозман), но зато, успокаивают они нас, уж точно избежим участи той же Беларуси, которая «при Лукашенко стала европейской периферией, навсегда лишив себя возможности инновационного развития, превратилась в отстойник с застойными состояниями» (Л. Гозман).

А главное — получим для себя стабильность.

Стабильность дорогого стоит. Неудивительно, что СПС набрало мало голосов на думских выборах 2003 года.

Очевидно, что в виде проекта либеральной империи была внятно озвучена и представлена для общественного рассмотрения фактическая доктрина правящего класса Российской Федерации, реализуемая последние пятнадцать лет. Но до выступления Анатолия Борисовича эта доктрина была не просто размытой («вперед, в мировую развитую цивилизацию, на Запад!»), но и абсолютно нетехнологичной. А осенью 2003-го был предложен конкретный механизм интеграции в «мировую развитую цивилизацию» — отказ от претензий на статус мировой державы и согласие на статус региональной державы, да еще и под брэндом империалистов (эдаких «крутых мачо»).

То есть идеология либеральной империи не могла не прийтись по душе почти каждому в нынешнем правящем классе или, как его сегодня определяют, в «элите трубы» (нефтегазовой, разумеется). Но составляющие этот класс граждане не ходят на выборы — там голосует электорат. А он либерального империализма, видно, не понял или не принял. Отсюда и проигрыш на думских выборах: не от слабости проекта, а от его исключительной силы и своевременности.

Здесь необходимо подчеркнуть, что использование чужой и насчитывающей полторы сотни лет англосаксонской идеи либеральной империи в целях сплочения элит для узаконенного встраивания в гиперимперию США является само по себе уже абсолютно новой вещью, и авторство на инновационное применение чужой идеи, вне всяких сомнений, должно по праву принадлежать А. Чубайсу и Л. Гозману.

Сущностно идея чужая, а мысль об ее использовании в начале XXI века в России с целью окончательного закрепления пятнадцати лет «реформ» как по факту движения в чужой однополярный мир и порядок — своя и оригинальная.

Чрезвычайно оригинальным в этой идее А. Чубайса стало и то, что в проекте России как либеральной империи Западу и США подспудно, в качестве платы за входной билет в «метрополию мировой империи» или хотя бы просто «в развитый мир», предлагается рассматривать Россию в качестве противовеса Китаю, а, если понадобится, то и тарана против нашего великого восточного соседа.

Еще в 2001 году в своем программном выступлении 14 декабря на съезде СПС Анатолий Чубайс четко определил эту роль Российской Федерации для США как главную: «Я рискну сказать, что в последние годы для нормального гражданина России вопрос о том, кого мы больше поддерживаем — Соединенные Штаты или Китай, был довольно абстрактным. Существовали гораздо более насущные вопросы. Но мы обязаны думать о том, что будет самым важным, вызывающим острейшую полемику, если не противостояние, внутри российского общества через полтора-два года. Я считаю, что это будет именно тот вопрос, о котором я сейчас сказал, — место России в мире».

После этого Чубайс призвал СПС «расширяться, не отдавая ни одной пяди позиций, необратимо завоеванных нами в сфере экономики, в сфере бизнеса, в сфере промышленности, в сфере внутренней политики. Радикально продвигаться в оборону, в разведку, в военную сферу, во внешнеполитическую сферу — туда, где будет определяться лицо России в следующий пяти-семилетний период...».

Думаю, не надо исследовать вопрос, кого имел в виду «больше поддерживать» лидер СПС. Разумеется, США. Разумеется, против Китая.

Здесь Анатолий Борисович в очередной раз показал тонкое знание прагматики и теории англосаксонской политики: убивать врага чужими руками, желательно руками другого врага. Поэтому, следовательно, США и Великобритания должны правильно понять обращенный к ним «мессидж» российских либерал-империалистов.

Между прочим, на эту особенность англосаксонской геополитики в 1927 году обращал внимание И.В. Сталин: «Английская буржуазия не любит воевать своими собственными руками. Она всегда предпочитала вести войну чужими руками. И ей иногда действительно удавалось найти дураков, готовых таскать для нее из огня каштаны»¹³.

Но все равно, как ни привлекай либеральную империю США, либеральная империя в России никогда не получится.

По многим причинам.

Например, потому что при сохранении существующей ситуации, а либеральный империализм направлен, прежде всего, на консервацию существующего однополярного или полутораполярного миропорядка, у Российской Федерации просто нет и не будет ресурса для имперского способа жизни и развития.

Ведь империализм вещь дорогая и требует развитой экономики. Но в условиях гегемонии США необходимой по мощности экономики никогда не будет.

Царствует финансовый транснациональный капитал. Наблюдается неконтролируемый вывоз из страны капитала в метрополию, а не в

¹³ Сталин И.В. Сочинения. Т. 9. С. 324–325.

СНГ, и значительное внешнее долларовое и евровое (а не рублевое) валютное управление на постсоветском пространстве. По периметру страны наращивается совокупная военная мощь США и НАТО, представленная ожерельем военных баз, океанских флотов и авиацией стратегического назначения.

Еще более значимым является то, что сама англосаксонская гиперимперия абсолютно не заинтересована даже в «геополитических центрах» силы по Бжезинскому. Это уже вчерашний день американской геостратегии, это все такие далекие теперь времена Клинтона и демократов.

Геостратегия Буша и его неоконсервативного окружения — так называемая «доктрина Буша» (2002 год) — основывается на превращении всего земного шара в жизненное пространство англосаксонского мира (Раха), которое в целях наилучшего контроля и управляемости организуется в виде несамостоятельных и предельно слабых квазигосударств, особых муляжей «национальных государств». Речь идет о традиционном для США нациостроительстве (nation building) или, по Фукуяме, государствовроительстве (state building)¹⁴.

Реализацию этой модельной технологии можно видеть на примере индонезийского Ачеха, Югославии, Косово, Ирака, Грузии, Украины и, возможно, совсем скоро, к несчастью, увидим ее применение к Сирии и Ирану.

Эти технологии строятся на том, что в англосаксонской геополитике называется сменой режима (regime change), которая и приводит к переводу в той или иной степени суверенных государств или фрагментов этих государств в лишенные суверенитета квазигосударственные и клиентские по отношению к США образования.

Произошедшие к весне 2005 года перевороты в Грузии, Украине и Киргизии однозначно показывают не только имперскую немощь России и немеренную пока имперскую силу США и Европы, но и то, что чаемой А. Чубайсом и Л. Гозманом туземной империи точно не дадут распространяться до территории бывшего СССР, а то и просто ограничат размеры этой будущей либеральной империи до Московии XV века или прямо по Садовому кольцу.

Несостоятельной и в этом смысле нереалистичной является идея либерального империализма в России и по существу.

Во-первых, исторически империализм не является российской идеей.

Достаточно указать хотя бы на то, что официальной империей Россия была недолго — с 1721 по 1917-й. Титул «император» был поднесен

¹⁴ Подробный анализ см. в главе «Нацибилдинг» книги Ю. В. Крупнова «Россия между Западом и Востоком. Курс Норд-Ост». СПб, 2004.

царю Петру I в последний период его царствования 22 октября 1721 г. и это было во многом ему навязано — по крайней мере, самим Петром Великим не рассматривалось серьезно¹⁵.

В империю и имперский Рим сегодня и с самого своего рождения увлеченно верят и «играют» как раз США (чего стоит, к примеру, недавний оscarоносный фильм «Гладиатор»).

Сами основатели независимых Североамериканских штатов никогда не скрывали факта принятия в качестве образца и основы североамериканской государственности «римской идеи» дохристианского языческого Рима. «Римская идея» легла и в основание Конституции США, что прекрасно видно в 85-ти статьях в защиту только что принятой Конституции, которые публиковались осенью 1787 — весной 1788-го и были весной 1788 года изданы в виде двухтомной книги «Федералист: сборник статей в поддержку новой Конституции, одобренной федеральным конвентом 17 сентября 1787 г.»¹⁶.

И как бы ни пытались отдельные идеологи выдать императорство за некое высшее царствование — за идеей империи стоит, прежде всего, озабоченность властью, исполнением своих повелений, подконтрольностью буквально всего. Империя — это страсть к власти и первенству ради первенства, доминирования и господства.

Но это абсолютно не российская идея.

В России государственность нужна не для власти, не для повелевания, не для имперскости, а для организации жизни населяющих Россию народов на принципе Христа, принципе личности. Как писал, кажется, Алексей Хомяков, христианин может быть рабом, но не может быть рабовладельцем, т. е. отменяющим по каким-либо причинам достоинство личности другого человека. Поэтому идеальная форма государственности России — держава, прямая противоположность империи¹⁷.

Кстати, огромная польза от вбрасывания А. Чубайсом проекта либерального империализма в том, что его публичное обсуждение позволяет показать абсолютную неперспективность любого империализма в России, в частности нелиберального и антилиберального империализма «последнего солдата империи» (как он сам себя называет) А. Проханова (редактора газеты «Завтра») и «евразийского империализма» А.Г. Дугина.

¹⁵ Подробнее см., например, статью историка О.Г. Агеевой «Титул «император» и понятие «империя» в России в первой четверти XVIII века»//Мир истории. Российский электронный журнал. 1999. №5; см. также в Интернете <http://www.tellur.ru/~historia/archive/05/ageyeva.htm>

¹⁶ См.: Федералист: Политические эссе Александра Гамильтона, Джеймса Мэдисона и Джона Джоя. М., 1993.

¹⁷ Подробнее см. главу «Почему Россия не империя?» в книге Ю. В. Крупнова «Стать мировой державой» — М., 2003.

Невозможен в России и либерализм. И, конечно, вовсе не потому, что государство у нас всегда якобы подавляло личность, а, прямо наоборот, потому, что либерализм строится на принципе индивида и абсолютном отрицании принципа личности.

В России же принцип личности, рожденный в христианстве и культивируемый в течение тысячелетия святоотеческой традицией и православием, как раз и является главным, государствообразующим¹⁸.

Принцип личности определяет и совсем иное понимание и практику свободы в России.

Российское понимание свободы предполагает абсолютно добровольное самоопределение к любому историческому делу — прежде всего, к историческим заданиям своей тысячелетней государственности. Именно поэтому свобода в России означает прежде всего служение российской государственности и всяческая охрана России.

Не случайно писатель Владимир Максимов и социолог и логик Александр Зиновьев, не будучи диссидентами в их типичном виде, вынуждены были после развала СССР с горечью проотрицать самих себя. Я имею в виду их известные слова: «Метили в коммунизм, а попали в Россию».

Не попасть в Россию, сохранить и всячески усилить Россию — вот высшая свобода. И эта российская свобода является духовной и совсем другой, чем только политико-социальная внешняя свобода Запада.

Реализация чуждого российским традициям проекта либеральной империи в России неминуемо приведет к развалу и уничтожению страны.

Я не думаю, что все носители проекта либеральной империи до конца понимают последствия его реализации в чистом виде.

Убежден, что в этом виновата магия технологичности и эффективности, которая свойственна таким людям, как А. Чубайс или Л. Гозман, а также ряду тех высших руководителей государства, которые по факту реализуют именно этот проект.

Им, наверное, мерещится, что в результате сговора с США удастся не только сохранить, но даже и упрочить стабильность на постсоветском пространстве. Они рассуждают точно так же, как и те сообразительные губернаторы, которые сразу же поддержали предложение Путина от 14 сентября 2004 г. о назначении губернаторов: будет одна крепкая административная система («вертикаль власти») и наше собственное положение будет стабильнее и значительно проще, комфортнее.

¹⁸ Подробнее см. главу «Борьба за личность» в книге Ю. В. Крупнова «Стать мировой державой». М., 2003.

Разница только в том, что идеологи либеральной империи видят весь мир однополярным, с одной «вертикалью власти», а крупные региональные образования по типу стран бывшего СССР — в виде своего рода глобальных губерний единого «человечьего общежития» — помните, у Владимира Маяковского:

...чтобы в мире
без Россий,
без Латвий,
жить единым
человечьим общежитьем.

Но этим-то и смертельно опасен для России данный проект: единого человеческого общежития не случится, а вот Свет останется «без Россий».

Россия же — одна-единственная и в своей уникальности является не следствием («акцептором») мировой стабильности, а ее основным «донором» и гарантом. Не в США залог развития страны, а залог развития США и мира — в развитии России.

Стоит отметить, что по большому счету проект либеральной империи есть плоть от плоти проект мировой революции, только в ее новой форме глобализации и глобальной гиперимперии. И выстраивание на теле России маленькой региональной либеральной империи «а ля рюс», по существу, является вторым изданием троцкизма, т.е. использование страны в качестве, по известному высказыванию самого Льва Давидовича Троцкого, дров в топку мировой революции — ныне глобализации¹⁹.

Это, впрочем, неудивительно и закономерно. В сравнительно недавнем, за 14 ноября 2004 г., интервью А. Чубайса издающейся в Великобритании газете мировых финансовых кругов английской Financial Times «отец олигархов» (так его там называют) ясно определяет центральный момент в своем мировоззрении — несогласие с особенностью, своеобразием и уникальностью России: «Вы знаете, я перечитывал Достоевского в последние три месяца. И я испытываю почти физическую ненависть к этому человеку. Он, безусловно, гений, но его представление о русских как об избранном, святом народе, его культ страдания и тот ложный выбор, который он предлагает, вызывают у меня желание разорвать его на куски».

Очевидно, что ради великого дела глобализации и создания «единой мировой империи» (формула Л.Я. Гозмана) какой-то там России, некоторым, наверное, не жалко. Это очень похоже на большевиков,

¹⁹ См. книгу М. Калашникова и Ю. Крупнова «Гнев орка». М., 2003.

требующих «поражения своего правительства в империалистической войне» и Троцкого, который, к примеру, в разгар обострения отношений СССР с западными странами и даже разрыва дипломатических отношений с Англией в мае 1927 года быстро возродил забытый, казалось, к тому времени лозунг «поражения своего правительства». В письме председателю ЦКК Орджоникидзе от 11 июля 1927 г. он так объяснял свою позицию: «Что такое пораженчество? Политика, направленная на то, чтобы содействовать поражению “своего” государства, находящегося в руках враждебного класса...».

Если российские идеологи либеральной империи сумеют осознать гибельность их проекта для России и найдут в себе мужество отказаться от него, то тогда можно будет обсуждать с ними проект России как мировой державы — единственно оставшийся для нас проект развития, а не деградации страны.

Мировая держава не требует от России вписываться куда-либо, поскольку, в отличие от либеральной империи, мировая держава является государственностью, которая не колонизирует, подчиняет и повелевает, а ставит перед собой и человечеством мировые проблемы и образцово-показательно решает их на собственной территории, организуя тем самым мировое развитие.

Этот проект, конечно, непросто, почти невозможен, но зато является единственным традиционным для России делом²⁰. Его предшественниками являются проекты Москвы как Третьего Рима, России как Всемирной монархии Ф.И. Тютчева и, как ни странно на поверхностный взгляд, проект «построения социализма в одной стране» И.В. Сталина²¹.

Ф.И. Тютчев был не только гениальным поэтом, но и выдающимся историософом и мирополитическим философом, который с самого начала своей дипломатической карьеры разрабатывал проблему реализации «всемирной судьбы России».

Всемирную судьбу России —
Нет! вам ее не запрудить!..

Так писал Тютчев в обращенном к К.В. Нессельроде стихотворении «Нет, карлик мой! трус беспримерный!..» Этой же судьбе посвящены его стихотворения «Русская география», «Рассвет», «Пророчество» и, конечно же, статьи, письма и незаконченный трактат «Россия и Запад», в котором заданы принципы всемирно-исторического бытия России.

²⁰ Крупнов Ю.В. Статья мировой державой. М., 2003.

²¹ См. обстоятельную работу Михаила Александрова из Австралийского национального университета в Канберре «Внешнеполитическая доктрина Сталина». 1995; см. в Интернете: http://www.geocities.com/CapitolHill/Parliament/7231/alexandr/alex_0.htm

Вот как воспринимала отцовский проект его дочь А.Ф. Тютчева. 4 октября 1853 г. она записала в дневнике: «При одной мысли об этом кружится голова. Неужели, как постоянно и в прозе, и в стихах повторяет мой отец, неужели правда, что Россия призвана воплотить великую идею всемирной христианской монархии...».

Чуть менее полутора столетий назад, в мае 1867 года, когда в Великобритании рождалась идея либерального империализма, Федор Иванович Тютчев напрямую обратился к тем нынешним политикам и идеологам, которые сегодня не видят субъектности и самостоятельности России и кто готов от нее отказаться ради «интеграции России в развитое мировое сообщество», «в западную цивилизацию».

Напрасный труд — нет, их не вразумишь, —
Чем либеральней, тем они пошлее,
Цивилизация — для них фетиш,
Но недоступна им ее идея.

Как перед ней ни гнитесь, господа,
Вам не снискать признания от Европы:
В ее глазах вы будете всегда
Не слуги просвещения, а холопы.

В этой же традиции думал и действовал Сталин. Вот, например, его позиция в 1925 году: «Мы не можем и не должны играть под дудку наших противников. Мы должны идти своей дорогой, отстаивая дело мира, демонстрируя свою волю к миру, разоблачая грабительские намерения наших врагов и выставяя их как зачинщиков войны».

Еще в ноябре 1928 года на пленуме ЦК ВКП(б) И.В. Сталин формулировал: «Для того чтобы добиться окончательной победы социализма в нашей стране, нужно еще догнать и перегнать эти страны... в технико-экономическом отношении. Либо мы этого добьемся, либо нас затрут. Это верно не только с точки зрения построения социализма. Это верно также с точки зрения отстаивания независимости нашей страны...».

А вот из речи Сталина 4 февраля 1931 г. на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности: «Иногда спрашивают, нельзя ли несколько замедлить темпы, придержать движение. Нет, нельзя, товарищи! Нельзя снижать темпы! Наоборот, по мере сил и возможностей их надо увеличивать... Задержать темпы — это значит отстать. А отсталых бьют».

[Интересно, кстати, сопоставить этот зачин со словами Президента Российской Федерации В.В. Путина, которые он сказал в своем об-

рашении 4 сентября — на следующий день после трагического разрешения ситуации в Беслане: «В общем, нужно признать то, что мы не проявили понимания сложности и опасности процессов, происходящих в своей собственной стране и в мире. Во всяком случае, не смогли на них адекватно среагировать. Проявили слабость. А слабых — бьют». — Ю.К.]

...Хотите ли, чтобы наше социалистическое отечество было побито и чтобы оно потеряло свою независимость? Но если этого не хотите, вы должны в кратчайший срок ликвидировать его отсталость и развить настоящие большевистские темпы в деле строительства его социалистического хозяйства. Других путей нет. Вот почему Ленин говорил накануне Октября: «Либо смерть, либо догнать и перегнать передовые капиталистические страны». Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».

Интересно, как происходило принятие доктрины Сталиным. Как пишет историк М. Александров, «в 1931 году в партийных верхах стали открыто поговаривать о необходимости смены идеологического курса. В дневниках Литвинова есть интересная ссылка на беседу по этому поводу с Ворошиловым. Последний заявил, что страна должна срочно перейти на путь «великодержавной политики». Причем присутствовавший при разговоре Рудзутак поддержал его. Эта новая «великодержавная политика» самым органичным образом вписывалась в теоретические представления Сталина, если вспомнить, что это его Ленин обвинил в «великорусском шовинизме». В любом случае именно Сталин дал старт новой идеологической доктрине. Год «великого перелома» ознаменовался не только переломом в политике и экономике. Начался перелом в идеологии»²².

Таким образом, сталинский отказ от пролетарского интернационализма и мировой революции в пользу идеи «социализма в одной стране» означал не выдуманное «друзьями» с Запада стремление СССР к мировому господству, а построение державы, полностью обеспечивающей свою военно-политическую независимость тем, что она становилась решающей силой мировой политики, силой, способной склонить чашу весов в ту или другую сторону и имеющей возможность претендовать на главную роль в определении судеб послевоенного устройства мира.

Вот как Михаил Александров определяет в итоге фактический проект Сталина: «Может показаться парадоксальным, но это факт. В сложнейшей внешнеполитической обстановке 30-х годов Сталин с

²² Александров М. Внешнеполитическая доктрина Сталина. 1995; см. в Интернете: http://www.geocities.com/CapitolHill/Parliament/7231/alexandr/alex_0.htm

доскональной последовательностью и точностью провел в жизнь этот стратегический замысел, изложенный им более чем десятью годами раньше.

Путем искусного дипломатического маневрирования Сталину удалось разыграть друг против друга две группировки великих держав: англо-французскую и германо-итальянскую. При этом он сам в последний момент увернулся от боя и избежал втягивания в конфликт на ранней, наиболее невыгодной его стадии. В итоге СССР выступил предпоследним, опередив лишь американцев. Но США к этому моменту были уже настолько глубоко вовлечены в экономическое обеспечение военных усилий Англии, что их формальное вступление в войну оставалось лишь вопросом времени.

Сами же противостоящие коалиции определились тогда уже достаточно четко: с одной стороны — германо-итало-японская, с другой — англо-американская. Силы противоборствующих сторон были примерно равны. Именно от Сталина зависело теперь, в чью пользу склонится чаша весов. По ряду причин, главным образом геополитического характера, Сталин предпочел примкнуть к англо-американской коалиции. Этот выбор он сделал, видимо, в декабре 1940 года, отказавшись присоединиться к «держavam оси» после переговоров Молотова и Гитлера в Берлине, состоявшихся месяцем раньше.

Следующая задача Сталина заключалась в том, чтобы возложить на Гитлера ответственность за начало войны против СССР и, превратив таким образом войну в Отечественную, опереться на патриотический подъем русского народа. Эту задачу ему тоже удалось реализовать. В ходе войны Сталин стал главной фигурой антигитлеровской коалиции, что обеспечило ему ведущую роль в решении вопросов послевоенного переустройства мира. На протяжении всего упомянутого периода Сталин показал себя как блестящий мастер **коалиционной политики** — искусства, освоенного им в ходе противоборства с различными оппозиционными группировками внутри ВКП(б). Он создавал все и всяческие коалиции как внутри отдельных стран, так и в широком международном контексте, обеспечивая в решающий момент необходимый перевес сил. Сталин стал постепенно отходить от этой политики лишь тогда, когда послевоенные геополитические преобразования поставили Россию (пожалуй, впервые в истории) в положение абсолютной безопасности, то есть в такое положение, когда ни одна потенциальная коалиция великих держав не имела возможности нанести ей военное поражение. Это было самое крупное внешнеполитическое достижение Сталина».

Россия никогда не была и не в состоянии стать империей любого вида или «нормальной страной». Россия может существовать только

как мировая держава. Поэтому вопрос сегодня стоит только так: или гиперимперия США, или мировая держава Россия.

Лидеры СПС и обслуживающие их интеллектуалы могут позволить себе жить чужим умом, но страна себе вряд ли может позволить это. Потому что в этом случае будут бить и бить по всем направлениям.

Русский поэт и мыслитель Аполлон Григорьев в 1861 году в письме Н.Н. Страхову определял эту проблему следующим образом: «...Подума́й-ка, много ли людей, серьезно ищущих правды?.. Есть вопрос и глубже, и обширнее по своему значению всех наших вопросов — и вопроса (каков цинизм?) о крепостном состоянии, и вопроса (о, ужас!) о политической свободе. Это вопрос о нашей умственной и нравственной самостоятельности».

Надеюсь, что в нынешнем правящем классе еще остались лица, способные на умственную и нравственную самостоятельность, и они не желают стабильности за счет отказа страны от статуса мировой державы и встраивания в единственную гиперимперию США в статусе державы второго, третьего или иного низшего сорта. Если таковые есть, то тогда уж точно ничего у строителей либеральной империи в России не получится.

Определенным основанием для подобных надежд являются последние действия президента Путина. В частности, в своем выступлении на конференции Мемориального фонда Джавахарлала Неру 3 декабря в Нью-Дели он заявил: «Представляются крайне опасными попытки перестроить созданную Богом многоликую, многообразную, современную цивилизацию по казарменным принципам однополярного мира».

А 6 декабря в Анкаре Путин сказал еще откровеннее: «Я не хочу, чтобы как в Германии, где произошло разделение на западников и восточников, появились люди первой и второй категории. Причем люди первой категории имеют возможность жить по стабильным демократическим законам, а людям с так сказать темным политическим цветом кожи добрый, но строгий дядя в пробковом шлеме будет указывать политическую целесообразность, по которой они должны жить. А если туземец будет возражать, то его накажут с помощью ракетно-бомбовой дубинки, как в Белграде».

Уж не либеральный ли империализм имел в виду Путин, когда вспомнил вдруг этого «доброго, но строгого дядю в пробковом шлеме»?

Алла Язькова

ЮЖНЫЙ КАВКАЗ: УРАВНЕНИЕ СО МНОГИМИ НЕИЗВЕСТНЫМИ

Для Средиземноморско-Черноморского региона, расположенного на пересечении Европы и Азии, начало XXI века ознаменовалось появлением целого ряда новых нетрадиционных угроз и вызовов, присущих экономически депрессивным районам мира с высоким уровнем стратегической и политической нестабильности, наличием криминальных структур и транснациональной преступности.

Все эти негативные черты характерны и для находящихся на переходных стадиях общественного развития государств Южного Кавказа, ставших после распада СССР независимыми, — Армении, Азербайджана и Грузии.

Политическая ситуация во всех трех странах на протяжении последних полутора десятилетий характеризовалась состоянием постоянной напряженности. Для каждой из них было характерным переплетение трех основных уровней их политической нестабильности — **глобального** (переплетение интересов и давление разнородных внешних сил), **внутрирегионального** (конфликты по поводу принадлежности территорий и положения национальных меньшинств) и **внутреннего** (преимущественно негативная динамика внутривнутриполитического развития каждой из стран).

Особо острой для Южного Кавказа стала на протяжении последнего десятилетия проблема сепаратизма, на основе которого возникли самопровозглашенные, непризнанные и практически никем не контролируемые территории. Попытки международного сообщества взять под контроль ситуацию в «самопровозглашенных республиках» до сих пор не увенчались успехом, прежде всего, из-за отказа местных властей сотрудничать с руководством своих «малых метрополий» и международными организациями. В итоге «серые зоны» становятся оплотом терроризма, прибежищем различного рода криминальных структур в сфере наркотрафика и наркоторговли, отмывания «гряз-

ных денег», похищения «заложников» и торговли людьми. Особую опасность представляет их использование международными криминальными структурами в целях незаконного оборота радиоактивных материалов и других видов оружия массового уничтожения (ОМУ).

Все это представляет угрозу не только для Южного Кавказа, но и для прилегающих к нему территорий, не в последнюю очередь, и для России. Представляется поэтому важным рассмотрение всех основных измерений политической ситуации в странах Южного Кавказа — глобального, регионального и внутреннего.

Глобальное измерение непосредственно связано с воздействием на регион переплетающихся стратегических линий внерегиональных «игроков», прежде всего, таких крупных, какими являются Россия, США, ЕС и НАТО, а также расположенные в непосредственной близости Турция и Иран.

Процесс выработки стратегических подходов России к проблематике южнокавказского региона после распада СССР проходил медленно и противоречиво, будучи в то же время важной составной частью новой российской идентичности. Формирование российской политики затруднялось внутривнутриполитическими противоречиями и межведомственными разногласиями, во многом реактивным, а не конструктивным характером политики в отношении стран Южного Кавказа, которые поначалу с трудом воспринимались в России как международные партнеры.

В российских политических кругах негативно воспринимался тот факт, что образование независимых Азербайджана, Армении и Грузии и сопровождавшие этот процесс многочисленные политико-этнические конфликты привели к существенному изменению геоэкономической ориентации самих этих государств. Потеряв регулярные связи с Россией из-за отсутствия наземных транспортных путей через зоны конфликтов (прежде всего, через Абхазию), государства Южного Кавказа стали склоняться к сотрудничеству с географически близкими им странами Ближнего и Среднего Востока (Армения с Ираном, Азербайджан и Грузия с Турцией). Это порождало изначальное недоверие к ним у значительной части российских политиков.

Перспективы быстрого выхода стран Южного Кавказа на мировые рынки и в мировую политику, равно как и широкое привлечение иностранных инвестиций, оказались в значительной мере иллюзорными, будучи ограничены их политической нестабильностью и невысоким уровнем конкурентоспособности производимой ими продукции. Что же касается потерь самой России, то они носят долгосрочный, геополитический характер.

Можно с сожалением констатировать, что за истекшие после распада СССР годы Россия утратила в Закавказье значительную долю

своего влияния, которое она обрела на протяжении последних трех столетий, уступив ряд позиций Соединенным Штатам, странам—членам Евросоюза, а также региональным державам — Турции и Ирану.

В начале 1990-х годов политика США в отношении стран Южного Кавказа не имела нынешнего наступательного характера, ограничиваясь использованием возможностей Турции в сдерживании России. После подписания в сентябре 1994 года нефтяных «контрактов века» американская политика существенно активизировалась, хотя администрацией Клинтона еще предпринимались попытки договориться с Россией о разделе «сфер влияния». Но после 11 сентября 2001 г. американские стратегические цели на Южном Кавказе существенно изменились, а практическая политика США в отношении стран Южного Кавказа стала компонентом решения более общих задач борьбы против терроризма на Ближнем и Среднем Востоке. Значительно большую значимость приобрели и энергоресурсы Каспийского бассейна — не только как дополнительный источник поступлений нефти, но и как средство регулирования цен на нефть.

Согласно материалам слушаний в Конгрессе США (октябрь 2001 года), стратегическим интересам США соответствуют: диверсификация альтернативных Персидскому заливу энергопоставок из стран Каспийского региона, не являющихся членами ОПЕК; установление связей с преимущественно исламским населением в противовес радикальному исламу; поддержка независимости государств Южного Кавказа (и Центральной Азии); поощрение их продвижения по пути демократии.

По оценке американского посла в Грузии (1998–2001) Кеннета Яловитца, сегодня Соединенные Штаты рассматривают свою политику на Южном Кавказе как «часть более широких стратегических усилий по созданию зоны стабильности, простирающейся от Балкан до Центральной Азии и поддерживающей экспансию НАТО в страны Центральной и Восточной Европы». В этом, по мнению Яловитца, причина того, что предоставляемые Армении и Грузии объемы финансовой помощи в пересчете на душу населения — одни из наиболее высоких в мире¹.

Тем же целям соответствует и стратегия постепенного внедрения в регион НАТО, непосредственно связанная с необходимостью охраны строящегося нефтепровода Баку—Тбилиси—Джейхан. Планы «вовлечения» государств Южного Кавказа в НАТО на практике реализуются региональными партнерами США — содействие в доведении вооруженных сил до стандартов НАТО оказывает Азербайджану Турция.

¹ Yalovitz K. and Cornell S. The Critical but Perilous Caucasus//Orbis. Winter 2004. P. 113.

Военное армяно-греческое сотрудничество включает в себя ряд двусторонних и многосторонних программ, преследующих ускорение интеграции Армении в НАТО. Наконец, специально разработанный научным департаментом НАТО проект «Виртуальный шелковый путь» открывает странам Южного Кавказа доступ к информационным программам НАТО через Интернет.

При реализации своих стратегических задач США и НАТО все чаще используют просчеты российской политики в отношении государств Южного Кавказа. Прозападный крен в политике Грузии во многом объясняется ее защитной реакцией на действия российской стороны (выдача населению Абхазии и Южной Осетии российских паспортов, грубое и, по сути, провальное вмешательство в избрание лидера Абхазии в конце 2004 года). Что же касается Азербайджана, то для него приоритетно разрешение конфликта с Арменией по поводу Нагорного Карабаха и оккупированных Арменией территорий. Россия же, будучи официальным посредником в качестве члена Минской группы, не смогла добиться реального прогресса в разрешении армяно-азербайджанского противостояния. В то же время ее расчет на военно-политическое сотрудничество с Арменией используется Соединенными Штатами для продвижения на Каспий и создания на территории Азербайджана «сил специального назначения»².

Политика ЕС на Южном Кавказе до последнего времени имела преимущественно деловой характер — Евросоюз был одним из основных инициаторов и инвесторов сооружения Евроазиатского транспортного коридора (ТРАСЕКА), связующего звена Европы со странами Центральной Азии, Среднего Востока, Китаем и Японией и кратчайшего пути доставки в Европу каспийских энергоресурсов. Но реализация этого проекта затруднена из-за наличия ряда политических противоречий, в результате финансовые вложения Евросоюза (свыше 1 млрд. евро в 1991–2000 годах) пока не принесли ожидаемых результатов³.

Россия не приняла участия в реализации проекта ТРАСЕКА, мотивируя это тем, что он разрабатывался без ее участия, в действительности же потому, что модернизированный «Великий шелковый путь» мог бы стать конкурентом Транссибирской магистрали⁴. Не участвует она и в строительстве нефтепровода Баку—Тбилиси—Джейхан с выходом к Средиземному морю, хотя в последнее время к этому направлению обозначился интерес ряда российских нефтедобывающих компаний.

После смены политического руководства в Армении, а затем и в Азербайджане и Грузии, наметились пути постепенного улучшения их отношений с Россией. И хотя Россия выражает все большее недоволь-

² Независимая газета. 2005. 15 апр.

³ *Coppieters B.* An EU Special Representative to a New Periphery. — Ibid. P. 159.

⁴ Время новостей. 2003. 3 нояб.

ство «чрезвычайной активностью США и НАТО» вблизи своих границ, она, по оценкам российских экспертов, не может предложить странам Южного Кавказа ни денег, ни обещаний, сопоставимых с американскими⁵.

Выходом из сложившегося положения могло бы стать достижение договоренностей о развитии параллельных курсов ориентации Азербайджана, Армении, Грузии на сотрудничество с США–НАТО и Россией, из развития которого могли бы извлечь выгоду все его участники. Причем Россия могла бы сыграть в этом ведущую роль: к Южному Кавказу она ближе, чем США⁶.

Объединенные усилия всех заинтересованных сторон могли бы «разблокировать» целую серию нетрадиционных угроз и рисков как на уровне всего южнокавказского региона, так и в сфере внутренней политики Азербайджана, Армении и Грузии.

Наиболее сложные проблемы внутрирегиональных отношений определяются наличием затяжных, пока не находящих своего решения конфликтов на территориях Азербайджана и Грузии, ставших основой для консервации уже упоминавшихся «самопровозглашенных», не подлежащих государственному и международному контролю территорий.

Как известно, «самопровозглашенные республики» возникли на этапе распада СССР, когда фактически уравненный статус союзных республик и находившихся в их административном подчинении автономных образований стал препятствием к утверждению власти национальных элит новых независимых государств. За пределами России это – «пиратская республика» Приднестровье, известная многомиллионными аферами в сфере незаконной торговли оружием, а также расположенные на территории Южного Кавказа Абхазия, Южная Осетия (Цхинвали), Нагорный Карабах и прилегающие к нему оккупированные Арменией азербайджанские районы (Лачин, Кельбаджар, Физули, Агдам, Джебраил, Кубатлы, Зангелан).

Вспыхнувшие в первой половине 1990-х годов вооруженные конфликты на территориях Грузии, Азербайджана и Молдовы были приостановлены, однако сепаратисты были поддержаны частью российских политиков и подразделениями российской армии. Введенные в зоны конфликтов российские миротворческие подразделения развели не только конфликтующие стороны, но и сами территории, объективно способствуя консолидации сепаратистских режимов, образованию никем в настоящее время не контролируемых «серых зон».

⁵ См.: *Маркедонов С.* Узаконенная нелегитимность: Россия пожинает плоды своих ошибок на Большом Кавказе//Московские новости. 2004. №2.

⁶ *Язкова А.* Выбор «опоры» для Южного Кавказа//Независимая газета. 2003. 28 апр.

К этому добавились проблемы, связанные с появлением на Южном Кавказе огромного числа неустроенных перемещенных лиц («вынужденных переселенцев»), изгнанных из мест своего проживания в Абхазии, Южной Осетии, Нагорном Карабахе и оккупированных областях Азербайджана. Суммарно их насчитывается около 1 млн. человек (по данным ОБСЕ — 250 тыс. из Абхазии, 750 тыс. из НКР и прилегающих к нему районов, несколько тысяч из Цхинвали). Часть из них, не имея стабильного заработка, «подпитывают» криминальные структуры, особенно в прилегающих к «серым зонам» районах.

Наличие неконтролируемых территорий и до конца не преодоленные последствия локальных вооруженных конфликтов стали одной из главных причин внутренней стагнации государств Южного Кавказа, а продолжающаяся нестабильность — препятствием для проведения экономических и политических реформ. При наличии этих общих черт несомненна и специфика современных внутривосточных процессов в Грузии, Азербайджане и Армении.

К середине 1990-х годов **Грузия** достигла относительной стабилизации — была принята Конституция, проведены президентские и парламентские выборы. Инфляция была взята под контроль, продолжался рост ВВП, был принят закон о частной собственности на землю, что привело к существенному росту сельскохозяйственной продукции. В то же время не учитывалась специфика геополитического положения Грузии, особенно важность российского фактора. Переоценка возможностей для Грузии западной ориентации привела к дисбалансу внешних связей, который один из ведущих грузинских экспертов А. Рондели называет «принятием желаемого за действительное, или стратегическим идеализмом»⁷.

По оценке экспертов Службы внутренней и внешней торговли США, Грузия не смогла также справиться с рядом внутренних проблем (проведением структурных реформ, формированием основ социальной защищенности общества, созданием надежной системы правоприменительной деятельности). В конце 1990-х годов валовой национальный продукт по-прежнему составлял всего 40% от уровня 1989 года, а все еще не преодоленный высокий уровень коррупции серьезно подрывает доверие к правительству и разрушает моральные основы гражданского общества⁸.

В конечном счете это и стало причиной массовой поддержки населением Грузии ноябрьской «революции роз», хотя перспективы стабилизации ее экономики и политики пока неясны.

⁷ *Rondeli A. The Choice of Independent Georgia. — In: The Security of the Caspian Sea Region. Oxford, 2001. P. 195–196.*

⁸ Цит. по: *Тегешидзе А. Грузия в поисках стратегии ниши//Connections. 2002. Т. 1, №3. С. 9.*

Политическая ситуация в **Азербайджане** на протяжении последнего десятилетия была подвержена негативному воздействию «замороженного» конфликта на территории Нагорного Карабаха и вокруг него, что остается одним из главных препятствий для достижения экономической и политической стабильности республики.

Первые годы независимости совпали с острой стадией конфликта, в ходе которого российская военно-политическая поддержка была оказана Армении, что способствовало росту антироссийских настроений и приходу к власти ориентированного на сотрудничество с Турцией президента Абульфаза Эльчибея. Находясь у власти в течение года, он добился вывода с территории Азербайджана российских военных баз и пограничных войск, отказавшись также и от размещения российских миротворческих сил⁹.

Однако он не смог выполнить ни одной из частей своей внутривнутриполитической программы и в обстановке нарастающего в стране хаоса вынужден был уступить власть опытному политику советских времен Гейдару Алиеву, который, сохранив все ранее достигнутые с Россией договоренности, сумел уравновесить отношения с внешними партнерами. В последующие годы Азербайджан подписал ряд договоров об обороне с Турцией, встал на путь сотрудничества с НАТО и внес большой вклад в реализацию западных транспортных и трубопроводных проектов, не нарушая в целом позитивного характера отношений с Россией.

Что же касается внутренней ситуации в стране, то ее экономика на 90% ориентирована на нефтедобычу и практически полностью зависит от мировых цен на нефть. Оставшиеся от советских времен отрасли промышленности деградировали, сельское хозяйство разрушено, и страна полностью зависит от продовольственного импорта¹⁰. Приватизация была проведена таким образом, что ее плодами воспользовался узкий круг лиц, имеющих доступ к власти, результатом чего было расширение структур теневой экономики (до 90% объема ВВП), отток капиталов за рубеж, рабочей силы — преимущественно в Россию¹¹.

Созданная Гейдаром Алиевым политическая система может быть, по мнению оппозиционных азербайджанских экспертов, охарактеризована как «восточный постсоветский гибрид», серьезно не раздражающий ни Москву, ни Вашингтон¹². Оппозиция слаба как финансово,

⁹ Нуриев Э. Региональная геополитика после событий 11 сентября. Азербайджан и новая обстановка в области безопасности на Южном Кавказе//Connections. 2002. Т. 1. №3. С. 20.

¹⁰ Yunusov A. Azerbaijani security. Problems and Policies. — In: The South Caucasus: a challenge for the EU. P. 150.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

так и институционально, но ее лидеры имеют опыт политического противостояния и поддержку США и Турции. Поэтому несмотря на победу на октябрьских выборах 2003 года Ильхама Алиева-младшего, политическая и экономическая стабильность имеет, по оценке тех же экспертов, недостаточный запас прочности. В стране назревает социальный протест, усиленный возрастающим недовольством против затянувшейся оккупации азербайджанских земель и неразрешенности конфликта вокруг НКР. Трудно предсказать, выдержит ли эти нагрузки новое руководство республики.

Ситуация в **Армении** также в значительной степени подвержена воздействию «замороженного» конфликта вокруг НКР. Продолжающееся уже 10 лет (с мая 1994 года) положение «ни войны, ни мира» тормозит выход Армении из изоляции в регионе, негативно отражаясь на попытках нормализации ее отношений с Турцией, чему — до разрешения конфликта — прямо препятствует азербайджанская сторона¹³. Политическая нестабильность поддерживается также опасениями перед неизбежной — при отсутствии прогресса на переговорах — эскалацией вооруженного конфликта, с одной стороны, и решимостью части общества разрешить проблему вооруженным путем — с другой.

Этим объясняется серия драматических событий последних лет: устранение от власти президента Л. Тер-Петросяна, предпринявшего попытку компромиссного решения конфликта; потрясшее страну убийство премьер-министра и спикера парламента во время заседания парламента в октябре 1999 года; нестабильность позиций нынешнего президента Р. Кочаряна. Но в отличие от Грузии, где устранение от власти Э. Шеварднадзе было поддержано народом, армянское общество оказалось расколотым, и оппозиция может рассчитывать на поддержку лишь части населения¹⁴.

Из сказанного очевидно, что, несмотря на различия во внутриполитической ситуации в трех независимых государствах Южного Кавказа, общим для них является отсутствие экономической и политической стабильности, что не может не сказаться на положении в регионе. В основе нестабильности — негативные черты переходного периода, проходящего на фоне экономической депрессии, отсутствия сформировавшихся политических институтов и правовых основ их деятельности. Не последнюю роль играет и «вторжение» в регион внешних сил, имеющих разнородные интересы.

Но, пожалуй, главной основой политической нестабильности, а в известной мере неустойчивости новых независимых государств Южного Кавказа и исходящих из этого региона рисков и угроз, стала кон-

¹³ Независимая газета. 2004. 13 февр.

¹⁴ *Cornell S.E.* The Growing Threat of Transnational Crime. — In: *The South Caucasus: a Challenge for EU*. P. 24.

центрация транснациональной организованной преступности и криминальных группировок, базирующихся преимущественно в «серых зонах», на территориях, не доступных государственному и международному контролю.

По понятным причинам, степень их влияния на государственные структуры с трудом поддается измерению, но нарастание этого влияния очевидно. Причины этого — слабость государственных структур и правительственного контроля, в том числе и главных звеньев, призванных противостоять транснациональной преступности, — таможни, пограничной службы и полиции, не имеющих необходимого опыта, недоукомплектованных и низкооплачиваемых¹⁵.

Помимо этого, росту структур организованной преступности способствовал развал легальных форм экономической деятельности и непредвиденные размеры коррупции на всех уровнях государственной власти и управления. Наконец, государства Южного Кавказа оказались промежуточным звеном на пути между основной сферой производства наркотиков — Афганистаном и их потребления — Европой. К этому добавились и «сопутствующие» наркоторговле статьи криминального бизнеса — торговля оружием, людьми и компонентами ОМУ¹⁶.

Все эти негативные явления, характерные и для других частей Средиземноморско-черноморского региона, расположенных на «западном пути» транзита наркотиков (Приднестровье, кризисные районы Балкан), присутствуют в государствах Южного Кавказа. И во всех этих случаях прослеживается связь между сепаратизмом и созданными на его основе формированиями и организованной преступностью.

Лидирующим «бизнесом» на неконтролируемых территориях и Южном Кавказе в целом стала на протяжении последних лет наркоторговля и транзит наркотиков в Европу, приносящие гигантские прибыли: стоимость одного грамма героина в Афганистане — 2–4 доллара, в Центральной Азии — 7–10, на Балканах — 25–30, в Западной Европе — 80 долларов¹⁷.

Согласно данным, приводимым в исследовании С.Е. Корнелла, заместителя директора Института по изучению Центральной Азии и Кавказа при Университете Джонса Гопкинса (США), пути наркотрафика в районы Южного Кавказа идут через три основных пограничных пункта: Астара на ирано-азербайджанской границе, откуда груз идет в Дагестан и Россию; один из пограничных пунктов между Ираном и оккупированными районами Азербайджана и далее, через Армению и Грузию, в Россию или на Балканы; наконец, азербайджан-

¹⁵ Cornell S.E. The Growing Threat of Transnational Crime. P. 24.

¹⁶ Там же.

¹⁷ The Opium Economy in Afghanistan: an International Problem. N. Y., 2003. P. 221.

ский анклав Нахичевань¹⁸. Наряду с этим, многие авторы упоминают паромную переправу Туркменбаши—Баку как транзитный путь нарко-торговли.

Другое направление криминального «бизнеса» в государствах Южного Кавказа — это торговля оружием, идущая, по оценкам западных экспертов, преимущественно в направлении с севера на юг — из России на Ближний и Средний Восток. К тому же и сами страны Южного Кавказа традиционно насыщены стрелковым оружием, и все попытки разоружить население оказывались безрезультатными. Зарегистрированы также случаи контрабандной торговли тяжелыми видами вооружений. В частности, имели место единичные случаи поступления в Чечню приборов ночного видения и других видов вооружений западных образцов. При этом западные эксперты указывают на арсеналы российских военных баз в Грузии и Армении как на источник контрабандной торговли оружием¹⁹.

В западных СМИ приводились также факты контрабанды компонентов оружия массового уничтожения (ОМУ), имевшие место на линии Турция—Южный Кавказ—Центральная Азия—Средний Восток. И если в 1993—1995 годах было зарегистрировано 4 таких случая, то в 1996—2001 — уже 72²⁰. Имеются также свидетельства о распространении с территории Абхазии ядерных материалов, пригодных для изготовления «грязной бомбы»²¹. Об этом писал К. Яловитц со ссылкой на «Интерфакс» (2002. 29 июня), добавляя, что обогащенный уран и другие радиоактивные материалы могли быть проданы террористам в Ирак²².

В первые месяцы 2004 года в западных СМИ, со ссылкой на экспертов МАГАТЭ, появились сообщения о том, что единственный **зарегистрированный** случай пропажи оружейного плутония имел место на территории Абхазии²³. Сообщая и комментируя этот же факт, Washington ProFile (2004. 7 Apr.) писала: «К сожалению, и в настоящее время маргинальные круги в России поддерживают самозванный режим на территории Абхазии, что наносит серьезный вред российским интересам».

Нарастание объемов транснациональной преступности на Южном Кавказе имеет негативные последствия, прежде всего, для самого этого региона, понижая порог безопасности и воздействуя на ухудшение здоровья населения из-за расширившегося объема потребления нар-

¹⁸ Cornell S.E. Op.cit. P.30—31.

¹⁹ Ibid. P.35—36.

²⁰ Эти данные приводит S.E. Cornell со ссылкой на New York Times. 2001. 11 Oct.

²¹ Cornell S.E. Op.cit. P.36.

²² Orbis. Winter 2004. P.110.

²³ The Times. 2004. 3 Mar. (цит. по: Abkhazeti.ru 22.03.2004).

котиков. Наличие криминальных группировок прямо влияет на степень коррупции чиновников высокого уровня, в ряде случаев вовлеченных в транснациональную преступность, как это выяснилось, например, при реорганизации правительства Грузии в ноябре 2001 года²⁴.

* * *

На протяжении последних лет политическое руководство сменилось во всех трех государствах Южного Кавказа. Оценивая новые политические перспективы южнокавказского региона, лондонский *Economist* (2003. 27 Nov.) писал: «Уход двух старых лидеров — Алиева и Шеварднадзе — оставляет Кавказ на перекрестке, где возможны как триумф, так и трагедия. Что более вероятно?».

Ответ на этот вопрос становится все более актуальным. «Триумф», предполагающий в качестве одного из первых и наиболее важных шагов восстановление территориальной целостности государств Южного Кавказа и урегулирование затяжных этнополитических конфликтов, требует не только политической воли новых лидеров и их способности к компромиссам, но и многосторонних усилий всех заинтересованных международных «игроков», прежде всего России. Только на этой основе представляются возможными постепенное разблокирование и ликвидация опасных очагов транснациональной преступности и международного криминала, какими в настоящее время являются «серые зоны» — Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах и прилегающие к нему территории. И только в этих условиях может наступить реальная экономическая и политическая стабилизация государств Южного Кавказа, восстановление их взаимовыгодного сотрудничества с их многолетним традиционным партнером — Россией.

²⁴ *Cornell S.E.* Op.cit. P. 38.

Елена Комлева

ЯДЕРНАЯ ЭНЕРГИЯ: О МЕРЕ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Введение

Ядерный феномен — социально-природное явление. Это различные проявления ядерной энергии. От звезд до ядерного сдерживания, от части теплового поля недр Земли до гражданской ядерной энергетики. Ядерная энергия — явление природы или дар Бога. Факт ее существования не зависит от человека. По своей мощи она превосходит самые грозные силы природы — землетрясения, ураганы, наводнения, последствия воздействия космических явлений. Без нее невозможна жизнь на Земле. Но она может и погубить все живое и даже планету в целом. Ядерная энергия глубинна, глобальна, неисчерпаема и во многом не познана. Рукотворное ядерное благо или ядерная опасность — от человека.

С открытием радиоактивности вошло представление о конечном бытии, бренности химических элементов. Это заставляет не отвергать самое худшее, вплоть до необратимой цепной реакции с распространением ее на всю материю Земли, когда в космосе появится «nova». Уже в связи с этим взаимоотношения человека с ядерной энергией требуют особого мировоззрения.

Со дня открытия радиоактивности минуло 100 лет. Приближается 100-летие теории относительности и идеи ядерных бомб и реакторов. Путь к практическому применению ядерной энергии был проторен свыше 50 лет назад. Прошлому веку принадлежат Хиросима, Нагасаки и Чернобыль. Он, «породив» мировые войны, в дальнейшем, благодаря ядерному сдерживанию, обошелся без оных. «Мирный атом» обеспечивает более половины энергетической потребности некоторых стран.

Еще Демокрит задумывался об атомах — «кирпичиках» материи. От первобытных времен прослеживается рефлексия феномена энергии, в том числе энергии солнца и звезд. Человечество осмысливало ядерную энергию уже тогда, когда не было еще и понятия «атомное ядро». Пришло время нового гуманитарно-культурологического осмысления роли ядерного феномена в контексте цивилизаций, а также других социальных аспектов ядерной энергии. Актуально оно и для России.

Социальная компонента ядерного феномена должна доминировать «по определению». Ведь если бы не было потребности, ядерная энергия была бы безразлична людям. Но ныне во многом «человеческий фактор» понимают упрощенно, низведя сложнейшую составную

часть единого и уникального явления до пресловутых проблем человеческих ошибок во взаимоотношениях с техникой и «соцкультбыта» ядерной отрасли. Не обойден вниманием, конечно же, и такой фрагмент, как ядерное сдерживание. Но им интересуются главным образом в военно-политологическом контексте.

Попытаюсь обозначить другие фундаментальные слагаемые и другие ракурсы осмысления. Важно полно идентифицировать социальный ареал ядерной энергии, обусловленные ею социальные проблемы и задачи человечества.

Истоки и история

Помыслы людей у истоков ядерной науки были чисты, надежды — возвышенны. Хотя многие видели и опасность. При доминировании со временем военной ядерной составляющей информацию засекретили. Одновременно было свернуто рассмотрение других социально-ядерных аспектов, например экологических. Наряду с профессионалами с ядерным феноменом на собственном опыте соприкоснулись особые социальные слои — чернобыльцы, hibakusha.

В сфере военного атома наши усилия были вторичными, вдогонку за оружием Запада, направленным против СССР. «Мы против применения силы в международных отношениях... Советское ядерное оружие никогда не было оружием войны... созданное нами ядерное равновесие на длительное время спасло мир...».¹ Гражданская ядерная энергетика инициирована Россией. Поэтому «менталитет» российских ядерных технологий в целом с самого начала не противоречил понятиям «защитный», «гуманистический». Заимствуя надпись на одном из памятников Севастополя, можно сказать: «Потомству в пример!».

Ядерное оружие и мировые войны взаимосвязаны. По отношению ко второй и третьей (гипотетической) войнам это является хрестоматийным. Но напомним, что идея ядерной бомбы и усилия по ее созданию обусловлены еще процессами подготовки Первой мировой. Научные открытия 1896—1905 годов (А. Беккерель, П. и М. Кюри, А. Эйнштейн), гениальные догадки (Г. Уэллс, 1906—1914 годы), практические действия (В.И. Вернадский, до 1914 года). Вот первые шаги к ядерному оружию. И мотивы Г. Уэллса и В.И. Вернадского связаны с надвигающейся войной. Если человечество будет снимать стрессы заранее, то инициирования разработки ядерного и другого оружия массового поражения может и не быть. Именно история ядерного оружия подсказывает не допускать глобальных кризисов и войн.

¹ Ядерные вооружения и национальная безопасность России: Заявление по итогам соборных слушаний (Москва, 12 ноября 1996 г.)//Всемирный Русский Народный Собор. — Интернет-версия.

Ядерная разобщенность в годы войн возобладала. Однако ранее возникла противоположная тенденция — интернационализация ядерной энергии. Исследования развивались в нескольких странах и международными коллективами. Вспомним лаборатории П. и М. Кюри, Н. Бора, Э. Резерфорда, немецких физиков. В первых ядерных проектах представлены разные национальности: немцы, венгры, итальянцы, поляки, евреи, французы, американцы, англичане, канадцы, русские. Многие из них пережили военные коллизии.

Объединение международной научно-технической элиты было результатом индивидуальных моральных сомнений. Примеры — инициатива Л. Сциларда и А. Эйнштейна по атомному барьеру Гитлеру, мотивация супругов Розенбергов, Б. Понтекорво и К. Фукса по раскрытию атомного секрета США в связи с его общечеловеческим назначением. После руководства Манхэттенским проектом Р. Оппенгеймер был против водородной бомбы.

В прошлом веке мир понял, что «породнился» с феноменом, способным обеспечить прорыв в экономике, политике и военных отношениях. Но чудовищные возможности новых технологий одновременно пугали. Сознание находилось под эсхатологическим прессом. Вспомним эмоциональную борьбу против ядерного оружия 1950—1960-х годов, научное осмысление и политические решения периода сценариев «ядерной зимы», Чернобыль и выступления против гражданской ядерной энергетики. Отношение к ядерной энергии было разным. Оно определялось ее ролью и степенью открытости информации. Чтобы понять, есть ли стратегические перспективы у ядерных технологий, оценим сценарии будущего.

Императивы будущего и социальная роль

Более 10 лет назад провозглашена концепция устойчивого развития. Она наряду с прогрессом во всех сферах общественной жизни рекомендует и определенные ограничения народонаселения, потребностей и потребления. Мир ныне изменился. Наблюдаем ли мы консолидацию усилий, стабилизацию развития, общие действия стран, изменение сознания в направлении гуманистических и экологических приоритетов? Скорее всего, нет.

Христианство не верит в «запланированный» и всеобщий духовный прогресс, полное исправление и единение человечества, подсаживая лишь возможности и сохраняя свободу выбора. Оно предсказывает «новые небо и землю», непривычный материальный мир после катаклизмов. Христианство не принимает пацифизм как однозначную и безоговорочную доктрину. Считает, что ядерное оружие совместимо со справедливой или оправданной войной.

Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл с предупреждением процитировал Библию: «Ибо, когда будут говорить: „мир и безопасность“, тогда внезапно постигнет их пагуба» (1Фес. 5. 3).² Эта мысль в первоисточнике дается в контексте темы Мессии, спасения человека, эсхатологических представлений, постоянного духовно-нравственного бодрствования. По мнению священнослужителей, многие признаки конца мира сбываются.

Мир стал однополярным, но значимо международную стабильность подрывают региональные противоречия на национальной и религиозной «закваске». Пакистан, Индия, Северная Корея и другие страны формируют свой ядерный потенциал. США вводят неслыханные ограничительные меры по въезду в страну. Похоже, ныне уже западная цивилизация возводит «железный занавес». Нарастает волна военно-террористического экстремизма в России.

Уже на конференции Рио +10 оформились противоречия между США и другими странами в части и собственно концепции, и шагов по ее реализации. США и НАТО в настоящее время наполняют конкретным содержанием предложения по пересмотру всемирного институционального порядка, основанного на национальном суверенитете и системе ООН.

Разрабатываются новые прогнозы будущего, уже не такие благодушные и не такие утопичные, а, главное, явно не отражающие принцип «общей платформы» и не одинаково приемлемые для всех стран. Новая картина получила выражение в теориях «золотого миллиарда» и «цивилизационных конфликтов Север—Юг и Запад—Восток».

Сценарии устойчивого развития и более пессимистичные едины в одном. Если не предпринять меры, то в ближайшие десятилетия неизбежен общепланетарный кризис. Эта озабоченность стала хрестоматийной. Как и повторяемость таких кризисов. Как и осмысленные философами, социологами, историками, политологами, юристами, экологами, военными, физиками признаки кризиса, самого глубокого и опасного за всю историю человечества.

Кризис будет системным, не в меньшей мере политико-экономическим и духовным, нежели только экологическим. Однако в концепции устойчивого развития недостаточно отражены альтернативность, многофакторность. Пути решения проблем подчеркнута гуманистические, отчасти утопичные. Это последствия эйфории в связи с окончанием холодной войны. Маятник восприятия действительности по инерции качнулся далеко. Хотя недавняя история подсказывала пример устойчивого развития на силовой основе. Может, ядерное сдерживание и дано миру как шанс спастись — пока человечество не поум-

² Ядерные вооружения и национальная безопасность России...

неет и не подобрет. И, может, прав К. Ясперс, связывая отсутствие «братьев по разуму» во вселенной с трагическим их неумением распорядиться ядерной энергией, отождествляя факт владения ею с разумностью социума.³

Но все возвращается «на круги своя». Невыполнимы в разумные сроки обязательные императивы. Неприемлем для большинства принцип «золотого миллиарда». Это делает наиболее вероятным беспокойное будущее и сценарий «цивилизационных разломов».

«XXI век будет веком борьбы не столько идеологических систем, сколько цивилизаций, борьбы, происходящей если не с опорой на религиозный фактор, то с его участием... Россия оказывается в опасном пограничном пространстве между мощными силами, имеющими потенциал к столкновению. Экономика нашей страны, ее вооруженные силы ослаблены настолько, что лишь ядерное оружие, уже созданное великими трудами и жертвами всего народа, в современной ситуации является единственным оставшимся у России эффективным средством обороны...».⁴ И по Н.Н. Моисееву, судьба России — выживать самой и способствовать выживанию других стран за счет ядерного сдерживания, а уж затем с помощью природных ресурсов, а также опыта сосуществования с мусульманским миром.⁵

Ядерные технологии, прежде всего их военная компонента, приобрели новый оттенок важного аргумента в вопросах будущих взаимоотношений народов и религий. Говорят о новом ядерном сдерживании, «втором ядерном веке».⁶ Новые ядерные доктрины обусловлены вызовом Западу со стороны Азии, в том числе — в культурной и философской сферах. Но и вследствие распространения ядерных технологий в Азии. И вызов Востока в контексте различия цивилизаций может включать свободное использование оружия.

Анализируя особенности современных демократий и реальные слабости гражданского общества, считают, что «единственная гарантия того, что Москву ни при какой конъюнктуре не будут бомбить, аки Белград... — это ядерный щит Родины».⁷ Социальные аспекты

³ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994.

⁴ Ядерные вооружения и национальная безопасность России: Заявление по итогам соборных слушаний (Москва, 12 ноября 1996 г.)//Всемирный Русский Народный Собор. — Интернет-версия.

⁵ Моисеев Н.Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы: Эколого-политологический анализ// Вопросы философии. 1995. №1. С. 3—30.

⁶ Bracken P. The Second Nuclear Age//Foreign Affairs. January/February 2000. Vol. 79, Number 1 and Carnegie Moscow Center, Non-Proliferation Project. — Internet-version.

⁷ Шунер В.А. Россия и Запад: новые интеллектуальные отношения//Вопросы философии. 2002. №7. С. 155—168.

ядерного сдерживания рассматривают в контексте его канонизации, общемировых интересов и общечеловеческих ценностей.⁸ Наконец, фундаментальную роль ядерного оружия в деле защиты страны неоднократно в 2004 году обозначали министр обороны и президент России.

Многими подчеркивается, что ядерное сдерживание для ослабленной России становится все более актуальным, так как по новым видам обычного высокоточного оружия для войн бесконтактным способом страна отстала от Запада. Ситуация усугубляется скоротечностью изменения обстановки в военно-политической сфере по сравнению с необходимым для развертывания новых военно-технических программ временем.

«Неолитическая революция», последний планетарный кризис, длилась несколько тысяч лет. Сейчас социально-биосферные процессы ускорились, но протяженность предстоящего кризиса все равно будет не десятки, а может, и не сотню лет.

Вот ориентиры по длительности силового ядерного сдерживания как необходимого элемента относительно спокойной фазы кризиса.

Нефть, газ и уголь на рубеже XXI и XXII веков будут исчерпаны. Альтернативные источники энергии и сберегающие технологии не повлияют на глобальную ситуацию. Надежны прогнозы о ядерной крупномасштабной гражданской энергетике. С учетом предназначения гражданской энергетике ядерное сдерживание можно трактовать расширенно. Это гарант не только против определившихся экономических, экологических и националистических угроз, но и против новых, связанных с бурным развитием науки и техники при отставании социальной рефлексии. Речь идет о биологических, химических и информационных технологиях воздействия на человека, имеющих потенцию уничтожения человечества или порабощения большей части населения планеты для обеспечения комфортных условий жизни в избранных государствах.

Для объективности и из-за важности понимания ядерных перспектив необходимо обозначить относительность военной составляющей. У США появляются (наряду с концепцией «второго ядерного века») мотивы освобождаться от ядерного оружия. Мир и Россия находятся на концептуальном «водоразделе», аналогичном по значимости, но противоположном по смыслу, смены военной парадигмы на заре «атомной эры».

⁸ Михайлов В.Н., Воронин С.Н., Брезкун С.Т. Страховой полис человечества. Ядерное сдерживание остается единственным надежным средством обеспечения глобальной стабильности//Независимая газета. 2000. №63.

Далее правомочно предположить, что есть сценарии по превращению ядерного оружия (со всей научно-производственной инфраструктурой) из защиты в обузу для России. Похоже, что этого не избежать при создании нового базиса стратегического неядерного сдерживания на основе обычного, но высокоточного оружия. Каково будет стране, учитывая дороговизну «ядерного щита» и его потенциальную опасность при хранении?

Кроме того, существуют границы и тупики в позиции ядерного сдерживания, а также возможность спонтанно полностью потерять контроль над ситуацией в условиях современной политической, технологической и особенно информационной динамики. Объем и качество базовой информации, дискурсивная этика кризисного менеджмента становятся приоритетом.⁹

Сомнения в действенности мирового порядка, основанного на балансе сил, высказывал еще И. Кант, сравнивая такой мир с домом Д. Свифта, который был построен в таком безупречном соответствии со всеми законами равновесия, что воробей, севший на крышу, привел к его полному обрушению. «Я со своей стороны, — писал И. Кант, — доверяю теории, которая исходит из принципа справедливости относительно того, какими должны быть отношения между индивидуумами и государствами».

Да, опасения И. Канта справедливы. И не случайно D.P. Lackey базирует на них эпиграф книги о морали ядерного оружия.¹⁰

Трудности сдерживания — «странной стабильности» — после обдумывания цепочки трагических событий — мировая война, Манхэттенский проект, Хиросима и Нагасаки, ядерные аппетиты в 50-е годы прошлого века — видел Р. Оппенгеймер. Он понимал беспокойство этого «опасного мира», когда бросить ядерный «кнут» равносильно самоубийству. Когда хочется начать первым ядерную войну «пока не слишком поздно». Начать, по Р. Оппенгеймеру, «только для того, чтобы выяснить, что время для такого удара уже прошло». Опять же не случайно эти мысли взяты А. Wenger эпиграфом книги по истории «холодной войны».¹¹

Но пока ядерное сдерживание — успешный, положительный и долговременный феномен. А позиции Д. Свифта, И. Канта и Р. Оппенгеймера и других подчеркивают, насколько этот феномен сложен и хрупок, и как важна его гуманитарно-культурологическая составляющая.

⁹ *Cimbala S.J.* Nuclear Deterrence in the Information Age//NATIV — A Journal of Politics and the Arts. 1998. №6(65). — Internet-version.

¹⁰ *Lackey D.P.* Moral Principles and Nuclear Weapons. Totowa, NJ, 1984.

¹¹ *Wenger A.* Living with Peril. USA, 1997.

Футурология, социальная окружающая среда и экологическая безопасность

«Время», «будущее» — важные категории ядерной сферы из оценки ее глобальных перспектив. Но существует и иной аспект. Ядерные объекты потенциально опасны долговременно. Они не будут безразличны человечеству из-за радиоактивности сотни тысяч лет. Это ли не вечность в сравнении с продолжительностью жизни человека, отдельных государств и даже цивилизаций? Тревожные перспективы должны отражаться и при оценке безопасности конкретных ядерных объектов. Возьмем прогноз воздействия на человека и окружающую среду. Он должен изучать не только природно-техногенные, но и будущие социальные условия существования объектов на тысячи лет с учетом возможностей долгосрочного прогнозирования.

J. Garrison приводит аналогию: «Если бы римляне построили реактор во времена Иисуса, мы бы все еще хранили их отходы. Со всем хаосом истории, какова была бы гарантия социальной стабильности и контроля?»¹² Стоило произойти Чернобылю, и стали поговаривать, что он был давно предсказан.

Предсказан — не предсказан? Уйдем от прямого ответа. Однозначно лишь, что люди о подобном думали. Они и будут о нем думать, заглядывая в будущее.

Поводом для кризисов будет углеводородное сырье. Дабы избежать дополнительных невзгод в неспокойных условиях, недопустимо ядерно-нефтегазовое соседство. Норвегия, например, обеспокоена транспортировкой отработавшего ядерного топлива вблизи ее нефтегазовой инфраструктуры. Сценарии могут быть обусловлены возможностью кризисов из-за ресурсов, а также в связи с разногласиями при трансформации государств. Актуальность угрозы ядерного и радиационного терроризма отмечается в государственных докладах о состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций.

В России необходимость оценки социальных тенденций очевидна для ядерных объектов в периферийных регионах, например, при создании хранилищ соответственно идее импорта отработавшего ядерного топлива. Там оказались претенденты на миллиардные долларовые инвестиции — вблизи Мурманска, Архангельска, Челябинска, Томска, Красноярска и Владивостока, на Новой Земле и Камчатке.

Планируется международное разделение ядерных забот. Возникают версии об импортом топливе на Чукотке, на Курилах или около Тюмени. Идею импорта в Россию поддерживают США. Она не имеет

¹² Garrison J. The Darkness of God: Theology after Hiroshima. London, 1982.

ныне административных препятствий. Но 80–90% россиян против импорта. «Зеленые» обещают блокировать железную дорогу, но не допустить топливо, а террористы интересуются им как радиологическим оружием. Что будет, если независимые действия «зеленых» и террористов совпадут?

Разумно совместно размещать отечественные высокоактивные и долгоживущие из Мурманска, Северодвинска, Санкт-Петербурга, Томска, Красноярска, Челябинска, городов Дальнего Востока и зарубежные отходы не в глубине России, не вблизи южной границы. Будет ли приемлемым положение здесь через 50–100 лет? Разумно размещать отходы в стабильной Северной Европе, в Мурманской области. Это – компромисс.

Весомый пример актуальности социальных прогнозов дает история. Разве предусматривали при развитии ядерной отрасли СССР возможность его распада? Но это существенно повлияло на судьбу приоритетной сферы и безопасность конкретных объектов.

Может ли общество определиться по поводу неприемлемых социальных условий в будущем? И можно ли решить вопрос о безопасности ядерных технологий при их влиянии на социум? Некоторые считают целесообразным новый проект, аналогичный «Римскому клубу», в ракурсе проблем, обусловленных ядерной энергией.¹³

Недопустимо подменять категорию «окружающая среда» категорией «природная среда». Это было бы пренебрежением философскими исследованиями, следствием игнорирования ноосферной концепции мира.

Естественное и искусственное, социальное и природное в окружающей среде – сложноорганизованные социоприродные системы. Это уже хрестоматийные проблемы социальной философии.

Общественное сознание

Реакция на выводы о вероятных последствиях широкомасштабной ядерной войны в США была в иной, нежели военно-политическая, плоскости. Из-за угрозы обоюдного уничтожения инструментом достижения цели – обеспечения господства – было признано изменение индивидуального и общественного сознания в СССР. И смена приоритетов оправдала себя.

Этот пример показывает возможность того, что целенаправленно сформированное сознание способствует вытеснению ядерной сферы из общественной жизни. В том числе – глобально. В том числе – из-

¹³ Ойзерман М.Т., Рац М.В., Слепцов Б.Г. К методологии обеспечения безопасности ядерных технологий//Высокие технологии и современная цивилизация/Материалы научн. конф. Института философии РАН. 1998. – Интернет-версия.

за конкуренции. В том числе — начиная со «страшилок»: писатель Й. Колфер и Голливуд считают ядерный Мурманск удачным фоном борьбы международных мафий.

В 1999–2003 годах фонд «Общественное мнение» тестировал «ядерные» понятия. Ответы россиян на вопрос о «ядерном сдерживании» позволили сделать вывод: большинству смысл его не понятен. Ответили на вопрос около 40%, лишь 15% от всех опрошенных — адекватно.¹⁴ Налицо отчуждение явления, которое определяет само бытие общества, от сознания.

Вспомним о последних днях Христа, когда общественное сознание изменилось от «осанна!» до «распи Его!». О том, что такое «непостоянство», неготовность распознать истинный смысл события по христианским канонам является одной из неотъемлемых от человека причин его страданий («...и не оставят в тебе камня на камне за то, что ты не узнал ...»). Эти события концентрированно выражают христианскую мысль о том, что не насилием, не земным могуществом, а только через изменение сознания всех, народов и кесарей, возможно спасение.

Ядерная ментальность — аналог восприятия религии и политики. Все эти сферы сознания и жизни чрезвычайно важны, но столь же трудны и нереальны в познании глубин рядовым человеком. Не являясь профессионалами в каждой из этих сфер деятельности, люди делегируют профессионалам какое-либо глобальное право и возлагают на них немалые надежды: на духовное окормление и защиту в обоих мирах (религия), организацию общества (политика), энергетическое обеспечение и военную защиту (ядерная сфера). Ядерное сознание молодо. Оно должно учиться у «долгожителей».

Церковь и политики обращаются к общественному мнению: «Сегодня велики угрозы невоенного характера — экономическое, информационное, культурное давление... Россия нуждается в общественном согласии по вопросу ядерных вооружений. Реально существующие в этой области проблемы не должны заслонять главного — жизненно важной роли ядерного оружия для сохранения независимой и единой России».¹⁵

Формирование «ядерного» общественного сознания актуально, обладает принципиальной новизной и имеет серьезные методологические особенности. Создаваемая сейчас соответствующая от-

¹⁴ Тестирование понятий «ядерное сдерживание», «ядерное оружие» и «импорт отработавшего ядерного топлива»//Фонд «Общественное мнение». 1999–2003. — Интернет-версии.

¹⁵ Ядерные вооружения и национальная безопасность России: Заявление по итогам соборных слушаний (Москва, 12 ноября 1996 г.)//Всемирный Русский Народный Собор. — Интернет-версия.

расль будет напоминать о себе человечеству десятки и сотни тысяч(!) лет.

К. Ясперс пережил ужасы нацистской Германии, заглянул в бездну того, «что может совершить человек» сознательно или под принуждением, был свидетелем развертывания Германией в годы войны «за жизненное пространство для избранной расы» первых в истории ядерных программ. Он говорил в контексте ядерной опасности о содействии «самовоспитанию человечества». По К. Ясперсу, «предотвратить эту опасность можно только в том случае, если она будет осознана, если угроза будет отведена с полной осознанностью. Это может произойти только в том случае, если этнос людей достигнет определенного уровня».¹⁶

Известно, что на разработку способов манипуляции сознанием идеологи немецкого нацизма потратили примерно столько же денег, сколько потребовалось впоследствии США для Манхэттенского проекта.

Размышления о том, что первично — овладение ядерной энергией или самосовершенствование человечества — уже неуместны. Джин выпущен из бутылки. По J. Garrison, атомная бомба представила сознанию альтернативы, которые ранее не рассматривались.¹⁷ Хиросима поставила нас перед вызовом: радикально изменить курс либо столкнуться с планетарным катаклизмом. Может быть, главное значение ядерного феномена в контексте цивилизаций в том, что он побуждает нас изменяться к лучшему. Не дает права на ошибку. Иначе — небытие.

Один человек в личностном развитии подобный гигантский путь уже прошел. Это — А.Д. Сахаров. Он, познавая ядерный феномен с позиций оружия и космологии, трансформировался от талантливого физика и изобретателя, лояльного и азартного исполнителя тоталитарного заказа на все более мощное оружие до общественного деятеля, «человека мира», гуманиста, правозащитника, сторонника безопасной ядерной энергии. Не было бы ядерного феномена — не было бы Сахарова-ядерщика и Сахарова-гуманиста.

Нужна поддержка обществом ядерных технологий. Нужны обоюдные ограничения. Сдерживание развития ядерной сферы должно сопровождаться сознательным согласием людей на менее комфортные в чем-то условия жизни ради выполнения политико-экономических задач, определяющих бытие общества в целом. Важно внедрять принципы толерантности в сознание сторонников и противников ядерной энергетики, а также лидеров ядерных государств.

¹⁶ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994.

¹⁷ Garrison J. The Darkness of God: Theology after Hiroshima. London: SCM Press, 1982.

Рациональная и иррациональная гуманитарно-культурологическая рефлексия

История ядерных программ Германии, США, СССР, Великобритании, Франции и Китая свидетельствует о второстепенности вначале морально-нравственных, а также экологических сомнений и опасений в сравнении с побудительными мотивами обстоятельств и стремлением ученых к научному поиску. Сейчас мириться с отставанием нельзя, так как это по-прежнему чревато катастрофами. И было время подумать.

Анализ воздействия ядерной энергии на общество, вычленение морально-правовых аспектов применения ядерных технологий, формирование понимания общественностью роли этих технологий в истории и в будущем, а также усовершенствование коммуникационных систем «ядерная сфера — общество» сложны. Они неэффективны, если не сопоставлять социальные компоненты этой сферы с взглядами компетентных и уважаемых философских школ, если участие гуманитарного сообщества в принятии политических решений мало и если не задействовано включение ценностных ориентаций в научно-техническое знание.

В связи с «атомным» веком негативны вычисляющее мышление, а не осмысляющее, утрата человеком духовных корней, чрезмерный оптимизм относительно науки и техники. Оценивая «атомный» социум, «...мы остаемся далеко от осмысления нынешнего века...подумать-то мы и забыли». Не атом, а восприятие научно-технических новшеств «не думая» — вот главная причина опасности. Решительно и непрерывно осмысливать явления — в этом спасение.¹⁸ «Ядерная» ситуация нашей жизни требует от человека опасных откровений относительно себя и общества.¹⁹

Пожалуй, именно по отношению к ядерному феномену резонируют составные части знаменитой мысли И. Канта: «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, — это звездное небо надо мной и моральный закон во мне».²⁰

Можно и нужно обращаться к мировым религиям. Человечность и взаимопонимание обществ, народов, религий — жизненная альтернатива «атомному пожару».²¹ Искушением религий было превратить

¹⁸ Хайдеггер М. Проселок. — Интернет-версия.

¹⁹ Кормин Н.А., Турак Е.А. Социогуманитарная экспозиция вопроса о смысле ядерной техносферы/Высокие технологии и современная цивилизация/Материалы научн. конф. Института философии РАН. 1998. Интернет-версия.

²⁰ Кант И. Критика практического разума//Сочинения: В 6 т. Т. 4. Ч. 1. С. 499.

²¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994.

царство не от мира сего в царство мира сего. Опыт борьбы с таким искушением чрезвычайно важен в ядерной сфере. Христианство, кроме того, в образе креста трансформирует ужаснейшее из орудий умерщвления людей в символ защиты и спасения. Возможно, подобная трансформация ждет и ядерный феномен.

Мотивы обращаться к антропологической составляющей религий коренятся в их истоках. Христианство, например, возникло в результате раздумий о несовершенстве социального мира. Оно «сравнивалось» на этом поприще с другими учениями о спасении. Одним из критериев истинной религиозности считается стремление к духовному самосовершенствованию. И на заре развития христианство сделало мир более человечным. Достойные повод, результат и фундаментальное, отшлифованное, выверенное временем учение. Вопрос о несовершенстве ядерного человечества так же важен.

Мессиянская роль религий в духовной сфере обозначена широко и полно. Если вспомнить о значении ядерной энергии в материальной и духовной жизни людей, начиная от звезд и солнца, от побуждения к самосовершенствованию общества, то неразумно было бы пренебрегать сравнениями и в этой плоскости, а также поиском базы для формирования ядерного мировоззрения в контексте миссии спасения рода человеческого.

Первое послание св. апостола Павла к фессалоникийцам и Откровение (Апокалипсис) св. Иоанна Богослова — наиболее ранние документы христианства. Это относительно небольшие книги, первые и небольшие. Тем более поразительно, как насыщены они тревогой. Книга от Иоанна Богослова еще и единственный документ христианства, имеющий статус целенаправленного, обособленного, структурированного откровения Бога людям.

Настрой этих первенцев христианской философии дополним доминантами наивысшей напряженности страстной недели. Страстная неделя — полная предопределенность и сознательность поведения Христа, его бескомпромиссность и вызов по отношению к оппонентам, настойчивое развитие сюжета Евангелий к наиболее жестокому даже по меркам того не слишком чувствительного времени концу, горечь Христа за людей.

Налицо и продуктивность евангельской идеи единения людей и Бога с миром людей. Она развивалась «от сына человеческого» до символа Троицы, значение которого в том, что религиозная духовность от Бога озарила множество людей разных народов, и родилась общечеловеческая Церковь. Возникло новое социальное явление — христианская ментальность. Христианство идеологически сблизило себя с человеком и человечеством. Божественное было тесно переплетено с земным.

Сочетание таких сложнейших коллизий характеризует важную составляющую методологии религиозных доктрин. Это — внедрение, укоренение на века в тяжелейших исторических условиях светлой идеи, жестокие примеры и ожидание глобальных пагуб. Такой же подход характерен для некоторых религиозных трактовок ядерных проблем. Так ученые и богословы в 1984 году на международном симпозиуме совместно обсуждали проблему «ядерной зимы».

«Иисус разбил атом человеческого эгоизма». Христианство способно интерпретировать ядерный феномен, так как миссия Христа — объединять людей в любви. По J. Garrison, утверждения, что Хиросима представляет эру новой человеческой силы и одновременно указывает на тьму Бога (допущение зла), дополняют друг друга. Автор, исследуя ядерную бомбардировку Японии и тот кризис, к которому это может нас привести, базируется на глубоком анализе религиозных и психологических концепций, на анализе Бога и человека в их сотворчестве. Бог и человечество, по J. Garrison, когерентны в едином событии Хиросимы.²²

R.J. Lifton описывает историю буддийского священника, пришедшего, как и многие hibakusha, к пониманию своей особой миссии. Этот священник соотнес атомную бомбу с концепцией тауои — состоянием потерянности человека. Он рассматривал бомбу «как выражение факта, что человеческие существа были в темноте, неспособные найти свет правды» и «крайней индикацией того, насколько сильна была эта тауои». Ссылаясь на буддистские концепции «элементов зла», он пришел к выводу, что «атомная бомба упала в то время, когда мир наиболее удалился от Будды и впитал в себя элементы зла как максимум выражения тауои». «Нам не следует быть всецело озабоченными Хиросимой, — проповедовал священник, — потому что главным является преодолеть внутри нас это приложение зла».²³

Нравственные позиции и взаимопомощь Русской православной церкви и Минатома России ныне сопряжены. На примере Сарова (где расположен Федеральный ядерный центр), его многогранного служения Отечеству раскрывают суть сегодняшнего сближения РПЦ и Минатома, связь духовного и высокопрофессионального, неслучайное объединение церковной и светской мысли, предопределенные уникальным значением и церкви, и ядерной сферы в контексте защиты России — в прошлом, настоящем и будущем. Традиции и единство народа, церкви и власти придают феномену Сарова церковно-государственный характер.

²² *Garrison J.* The Darkness of God: Theology after Hiroshima. London, 1982.

²³ *Lifton R.J.* Death in life: the survivors of Hiroshima. London, 1967.

На сайте Трифонов-Печенгского монастыря, в совокупности с духовной информацией, представлена и экологическая. Печенга может стать международным ядерным хранилищем. Это не противоречит исследованиям норвежских и финских социологов, а также критериям организации «Беллона». Тогда Печенга будет вторым Саровым, но уже на новых, определяемых сегодняшним мировоззрением, основаниях, на новых принципах международного сотрудничества. В 2004 году В. Потанин, глава «Интерроса» и «начальник Печенги», награжден премией РПЦ. Пятьсот лет назад Трифон Печенгский начал приобщать Кольский край к «Всея Руси», а коренное население — к вере и культуре. Ныне с его именем, с его покровительством на последующие века может быть связано новое служение этой российской окраины Отчизне. «Пятачок» арктической тундры вблизи Печенги будет самым стабильным и предсказуемым по долгосрочным социальным прогнозам местом, центром сбалансированных международных интересов и сил.

Религия — многовековая и глобальная философия человека и общества. С другой стороны, солнце, звезды и энергия играли огромную роль в ее становлении. Поэтому резонно здесь искать аналогии при экзистенциальном осмыслении ядерного феномена. Соотнося ядерный феномен и общество, надо видеть человечество глубоко, как религия. Ведь религия нашла эффективный механизм общественных отношений на века, проведя нас через сложные взаимоотношения небесного и земного, добра и зла, силы и слабости. Хиросима, Нагасаки и Чернобыль — это тоже жестокие уроки добра и зла, силы и слабости. Многие считают эти события еще и совместным проявлением небесного и земного.

Хотя у христианства нет однозначного, на все случаи «ядерной» жизни, мировоззренческого «рецепта», оно располагает тысячелетним общечеловеческим опытом. И это хороший базис при предстоящем совместном, атеистов и верующих, осмыслении ядерного феномена и человечества.

Рискну в качестве еще одной внешней меры ядерного феномена предложить рассмотрение философской позиции Ф.М. Достоевского и исследователей его творчества.

Общественное мнение, долг, разум, который не имеет нравственных критериев в самом себе и может находиться под влиянием доброй и злой воли, приоритет коллективной жизни и общественной морали. Умение осознать, что грешен и неправ, встать на позицию «вне себя» и «не для себя». Духовная эпидемия, которая грозит человечеству самоистреблением. Размышления о власти и представителях власти. Сомнение в человеке и вера в него. Преображение человека и человечества. Человек, общество и взаимоотношение между ними. Экологи-

ческие мотивы. Предчувствия и пророчества. Прогресс и издержки цивилизации. Вера и цивилизация. Ответственность. Национальные особенности, в том числе «забвение всякой мерки во всем». Россия, славяне и Запад. Полифонизм и диалог между «сознаниями». Связь всех со всеми. Стремление к истине, критичность в отношении действительности и сиюминутности. Момент принятия решений. Открытость жизненно важной для общества информации. Всечеловечность и терпимость. Многонациональное «сожительство». Футурология. Эти и многие-многие другие аспекты сопрягают наследие Достоевского и творчество его исследователей с гуманитарно-культурологической рефлексией ядерной феномена.

Достоевский и сообщество достоевсковедов характеризуются сочетанием естественнонаучного, технического, гуманитарного образа мыслей с совестью и религиозностью. «Было стыдно писать», — говорит персонаж Достоевского. Нам бы не было стыдно за решения в ядерной сфере. Общество нуждается в чрезвычайной совестливости и придирчивости при принятии решений здесь. Достоевский корректировал восприятие своей позиции: «...я лишь реалист в высшем смысле, то есть изображаю все глубины души человеческой».

Может, сопоставлять Достоевского с осмыслением ядерного — чрезмерная прагматичность? Но «глубинный реализм» при рассмотрении человека и общества в таком контексте не вреден. И не мы первые. Обозначено несколько вариантов сопряжения Достоевского с современностью. Один из них — найти «магистральный сюжет» для разных времен. Если ядерный феномен и не «магистральный сюжет», то точно — «магистральная общечеловеческая головная боль».

Творчество Достоевского плодотворно для параллелей. Оно — надежный инструмент понимания того, что случилось с Россией, и того, что может случиться. Достоевским и достоевсковедами накоплен потенциал более чем столетнего осмысления сути человека и человечества, а с переосмыслением достижений предшествующих эпох — многовекового. Можно не соглашаться с Достоевским. Однако мы в связи с ядерным феноменом обязаны пройти через опасные откровения. Значит, Достоевский нужен.

При некоем шутилом подходе возможно, видимо, как оценку Достоевским ядерного феномена трактовать известные слова Дмитрия Карамазова о том, что он радуется солнцу, когда его видит, и даже тогда, когда его не видит, но знает, что оно есть. И без всяких шуток, ровно по Достоевскому, культурно-исторические мотивы однажды уже защитили один из городов (Киото) от ядерного удара. Спасет «красота» и нынешний мир.

В Японии достоевсковедение нашло благодатную почву. Там одна из лучших зарубежных научных школ по Достоевскому. Скоро 60-ле-

тие ядерной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Может, России и Японии суждено совместно найти человеческие «ядерные» ориентиры, сверяясь, в том числе, и по Достоевскому? Создатели фильма «В Японию за Россией» уверены, что Япония и Россия помогут друг другу в познании себя.

И еще о национальном. Привлекает одна особенность: в «ядерных» политологических, исторических, теологических, экологических и гуманитарно-культурологических публикациях других жанров выделить доминирующую национальность авторов сложно. При философском же осмыслении ядерного феномена более представлены исследователи немецкоязычного генезиса (М. Хайдеггер, К. Ясперс, К. Аппель, Г. Йонас, Х. Хесле, Г. Пихт, Х. Ленк, Р. Шпэмманн, Г. Андерс, Г. Рополь, а также А. Эйнштейн, М. Борн, В. Гейзенберг, К.Ф. Вайцтеккер, Р. Оппенгеймер и др.). Дополнительно к общеизвестным достоинствам немецкой философии ситуацию сформировали и традиции ядерной физики в Германии первой половины XX века, трагический опыт нацизма в этой стране.

Можно предположить, что восточные гуманитарные и культурные традиции (в том числе в связи с Хиросимой и Нагасаки) также имеют свои отличия в подходах к ядерной тематике. Ведь первым физиком, получившим Нобелевскую премию за исследование ядерных сил, был японец — Х. Юкава. И еще в 1946 году I. Mansaku предлагал гуманитарное осмысление ядерной ситуации, а не полное отчуждение от нее в пользу военных и политиков.²⁴

Ядерный феномен имеет глобальное значение для человечества в контексте жизни и смерти. Если, по J. Garrison, «Хиросима гуманизировала эсхатон»²⁵, то мы должны гуманизировать ядерный феномен. Для этого нужно иметь информационно-культурную базу с учетом национальных и интернациональных традиций в духовных сферах — философии, религии, искусстве, литературе и др. Образы философского и религиозного мышления, художественной литературы и искусства, бытийного народного творчества, мифологии, фантастики необходимы при познании ядерного феномена.

Хорошим аналогом гуманитарного измерения ядерного феномена может быть фильм «11.09.01» (телеканал ТВЦ, 11—12 сентября 2004 г.). В нем представлено одиннадцать стран. Это попытка осмыслить не только трагические события в США, но и глобальные причины таких действий против «мирового хозяина». Причем в сюжетах Ирана, Египта и Японии фоном является факт или угроза применения США ядерного оружия.

²⁴ Orr J.J. The victim as hero: ideologies of peace and national identity in postwar Japan. Honolulu, 2001.

²⁵ Garrison J. The Darkness of God: Theology after Hiroshima. London: SCM Press, 1982.

Рефлексируя ядерную энергию, мы готовимся к социальному восприятию еще более фантастических энергетических явлений, о которых напоминает Р.Е. Ровинский.²⁶

Заключение

Социальные, личностные и природные аспекты ядерного феномена многогранны и глубинны. Они предопределяют «большие числа» времен и возможностей, глобальных возможностей — как позитивных, так и негативных, и не случайно становятся предметом внимательнейшего изучения социальной философии, политологии, религии, духовного творчества.

Сыгравшие важную роль ядерные технологии и в будущем не потеряют своего предназначения — обеспечивать мирное и энергетически безопасное развитие страны. Как и после Великой отечественной войны, они вновь стали приоритетом и требуют качественных решений. Им не помешает доброжелательная интеллектуальная помощь общества. Сложилось так, что тон в «ядерных делах» задавало не оно. Необходимо исправить однобокость военно-политических, естественнонаучных и технократических «правил игры».

PS. В этой работе особая роль принадлежит двум грантам Research Council of Norway, благодаря которым открылась возможность ознакомиться с серьезными зарубежными источниками информации, а также продолжить исследования в Центре окружающей среды и развития Университета Осло. Я глубоко благодарна всем в Норвегии, Финляндии и России, кто помогли создать надежный фундамент для работы. Это было бы невозможно без атмосферы партнерства стран Северной Европы.

²⁶ Ровинский Р.Е. Загадка темной энергии//Вопросы философии. 2004, №12. С. 103–108.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Карин Кнайсль (Австрия)

НЕЯСНОЕ БУДУЩЕЕ БАЛКАН

Возможно, независимых государств станет больше

«Ливанизация Балкан» — так в начале 1990-х называли ученые и журналисты распад тогдашней Федеративной Республики Югославия. По иронии судьбы, о квази-распаде в ходе гражданской войны 1975–1990 годов крохотного ближневосточного государства Ливан в те времена писали как о процессе «балканизации». Так что термины «ливанизация» и «балканизация» почти что взаимозаменяемые: оба они подразумевают дезинтеграцию государственных структур, приводящую либо к хаосу «неудавшегося государства», либо к появлению новых государств, чему мы в последние годы были свидетелями на Балканах.

Весной 2005 года оба региона стоят на пороге возобновления былых конфликтов. В то время как Ливан оказывается на распутье, зажатый между повтором гражданских раздоров и возможностью обрести подлинный суверенитет после полного вывода сирийских войск, Балканы пребывают вне поля зрения и внимания средств массовой информации. Ситуация в какой-то мере напоминает мне события 1991 года, когда внимание всего мира было приковано к Ближнему Востоку после начала возглавляемой США операции против Ирака, который в августе 1990 года оккупировал Кувейт. В итоге при том что все ресурсы шли на Персидский залив, дипломаты, разведывательные службы и СМИ были застигнуты врасплох, когда 25 июня 1991 г. официально разразилась первая из череды балканских войн.

Провозгласив независимость, Словения и Хорватия осуществили свои права на самоопределение и вышли из состава югославской Федерации, которая после смерти Иосипа Броз Тито в 1980 году все сильнее и глубже ввергалась в экономические и внутривнутриполитические неурядицы.

Представители международного сообщества наперегонки ринулись в Белград, Загреб и Сараево. Было очевидно, что все они нетвер-

до произносят названия новых народов и стран, с которыми им нежданно-негаданно пришлось иметь дело. Тогдашний госсекретарь США Джеймс Бейкер пытался уверить американский Конгресс в том, что война в Югославии чем-то напоминает гражданскую войну в США XIX века. Он сравнивал белградское правительство Слободана Милошевича с «достойными федералистами Севера», а тех, кто рвался к независимости, — с «южанами-сепаратистами», которых народная молва в Соединенных Штатах неизменно причисляет к «плохим парням».

Впрочем, пристрастия быстро сменились. Во всяком случае, что касается Парижа, Лондона и Вашингтона, то там сербы утратили свой первоначально положительный образ. Русские оказывали поддержку режиму Милошевича и делали это до 1999 года, когда Москва помешала Совету Безопасности ООН принять резолюцию, позволявшую осуществить интервенцию на основании главы VII Устава ООН. России, однако, не удалось предотвратить нападение НАТО на Сербию и Косово.

То, за чем следил весь мир с лета 1991 года, получило название «балканской трагедии».

Международному сообществу пришлось наверстывать обучение, спешно взбираясь на отвесный склон горы познания. Последовали годы политики проб и ошибок, в частности в том, что касалось гуманитарной помощи, беспомощной ООН и парализованного ЕС. Трагедия обернулась смертью для сотен тысяч людей, потерей родных очагов для миллионов и громадными разрушениями. Были созданы два протектората, взятые под управление международным сообществом: один, с 1995 года — в федерации Боснии и Герцеговины — на основе выдвинутых США Дейтонских соглашений, другой, с 1999 года — в сербской провинции Косово — на основе резолюции Совета Безопасности ООН №1244.

Организация Объединенных Наций, Европейский союз, НАТО и некоторые другие международные организации не жалели сил для достижения стабильности в регионе. 11 июня 1999 года, почти десятилетие спустя после официального начала, бойня была прекращена. Однако вспышки насилия, как показали события марта 2004 года в Косово, по-прежнему не снимаются с повестки дня. Но и без того перспективы подлинной стабильности и экономических улучшений в регионе теряются в частокле вопросительных знаков. Многие, на верное, слишком многое неустойчиво. Вот почему и инвесторы не спешат возвращаться. Убийство сербского премьер-министра и весьма мужественного политика Зорана Джинджича в марте 2003 г. вызвало шок в особенности среди всех тех молодых сербов, что вернулись из ссылки, намереваясь осесть на родной для них земле. Оптимист Джинджич был их надеждой.

2005 год станет решающим годом для понимания того, пойдет ли регион по пути большей стабильности или останется изменчивым. Предстоит решить наболевший вопрос об окончательном статусе Косово, возможно, и Черногория объявит о независимости от Сербии. ЕС устроил насильственный брак Сербии с Черногорией под личиной федерации, пришедшей в 2002 году на смену «бывшей Югославии». Увы, союз оказался недейственным.

Еще два государства могут объявиться в Юго-Восточной Европе: одно — в границах территории Косово — с довольно неясными перспективами, а другое — Черногория (Монтенегро) — на адриатическом побережье. Черногория могла бы получать кое-какие доходы от туризма, но в целом ее перспективы далеко не радужны. Конечно, малые размеры еще не критерий подлинного упадка, зато экономическая жизнестойкость — критерий. А брезжащее впереди вступление в ЕС не является панацеей от всех бед.

Эта статья призвана пролить некоторый свет на нынешнюю ситуацию в управляемых международными силами протекторатах, равно как и на варианты новой государственности в уже поделенном на части регионе. Автор часто бывала на Балканах и на протяжении 1990-х годов наблюдала за ходом событий там. Конечный вывод ее окажется довольно скептическим, а следовательно, отличающимся от куда более бодрых прогнозов, доносящихся из ведомств ЕС и ОБСЕ.

Поездка в Баня-Луку в Республике Сербской в ноябре 2004 года

Пушки здесь смолкли 10 лет назад, но раны еще свежи. Все заново отстроенные кирпичные дома могли бы свидетельствовать об обновлении, но лишь немногие из их обитателей осмеливаются гадать, что несет им непрочное будущее. Путешествующему по сербскому анклаву внутри федерации Боснии и Герцеговины знакомо сюрреалистическое восприятие этого искусственного государства внутри не менее искусственной федерации.

В существующие структуры не верит, похоже, никто. «Республика распадется и федерация, наверное, тоже», — поясняет Александр Попович. Он служил в сербской армии, а последние несколько лет содержит ресторан при культурном клубе в Баня-Луке поблизости от реки Врбы. Его сербская самоуверенность и приверженность сербским писателям и святым проглядывают в галерее портретов при входе в ресторан: от короля Лазаря до поэта Иво Андрича. Вдобавок стены украшают портреты Радована Караджича и Ратко Младича, которые признаны военными преступниками трибуналом по Югославии в Гааге. Классическая и легкая музыка, сплошь воспевающая сербскую

честь и славу, слышна не только здесь: навеянные националистическим духом песни распеваются по всему региону. Национализм отнюдь не исчез, и результаты выборов говорят об этом так же, как и общий настрой у тех, кто остался, и тех, кто отправился куда-то еще.

С тех пор, как два года назад бывший президент Слободан Милошевич был отправлен в Гаагу, бывшая Югославия пропала с экрана международного радар. Увы, до уверенности на Балканах далеко: коррупция в диком разгуле, хозяйственная деятельность выдохлась, подспудное кипение этнической ненависти не унимается. Хуже всего то, что Косово остается очагом, способным воспламенить весь регион. Но сегодня от творцов политики США и ЕС куда больше внимания требуют не только Ирак и Афганистан, но и другие горячие точки в Азии и Африке.¹

Возврат националистических партий к власти в Боснии и Герцеговине (БиГ) после всеобщих выборов в октябре 2002 года повсеместно расценивается как бедствие. Некоторые наблюдатели доходят даже до того, что заявляют, будто это свидетельствует о провале международных миротворческих усилий предыдущих семи лет. Однако верховный представитель, британец Падди Эшдаун, расставаться с надеждой не собирается. Во-первых, победа далась националистам с малым перевесом, а во-вторых, он уверен, что мог бы работать с ними, если б они на деле оказались верны своим предвыборным обещаниям заняться реформами, распорядок которых лорд Эшдаун расписывает с тех самых пор, как в мае 2002 года занял свой пост. Данный распорядок предполагает нагнать упущенное время: осуществить реформы в сфере экономики, законодательства, государственного управления, которые необходимы как для того чтобы сделать БиГ процветающим и законопослушным государством, так и для того чтобы поставить страну на рельсы европейской интеграции. Лорд Эшдаун стремится оставить самого себя без работы, наставляя БиГ на путь к Евросоюзу.

Верховный представитель может предписывать, но он не в силах на деле осуществить реформы. Для этого ему необходима подлинная заинтересованность местных властей. В последние пять лет «собственность» звучит как волшебное слово-ключик. Смысл этого широко поминаемого принципа состоит в том, чтобы наделить людей большей ответственностью за их собственную судьбу, а не отдавать заботу обо всем на откуп иностранцам. ОБСЕ уже не стремится проводить выборы. «Возвращение выборного процесса вновь под контроль граждан Боснии и Герцеговины является историческим шагом, — за-

¹ Государственный департамент США распустил свою группу балканских экспертов. ЕС сразу же по окончании войны в Косово летом 1999 года произвел на свет Пакт стабильности для Юго-Восточной Европы. Многого удалось достичь на уровне экономики, однако решение вопросов безопасности по-прежнему идет ни шатко ни валко.

явил глава представительства ОБСЕ Дуглас Дэвидсон. — Выборы октября 2004 года подтвердили способность БиГ взять в свои руки процесс, основополагающий для любого демократического общества. Способность провести независимые и свободные выборы ясно свидетельствует о прогрессе БиГ».²

Заявления подобного рода внушают некоторый оптимизм. Однако более пристальный взгляд на историю и даже на события недавних дней дает иную картину. В 1950-е годы лауреат Нобелевской премии Иво Андрич написал роман под названием «Травницкая хроника», действие которого разворачивается во времена наполеоновских войн. Писатель рассказывает о личных отношениях, о волнениях и устремлениях французского и австрийского консулов, оказавшихся в богом забытом, болотистом местечке Травник в Боснии. Соперничество двух дипломатов раздувается боснийцами. Все они: и чиновники Оттоманской империи, и мусульманские аристократы, и простые крестьяне — демонстрируют прирожденную смекалку, они знают, как натравить одного консула против другого.

Читая книгу, я поражаюсь ее провидческой силе. По сути, Андрич рассказывает историю Канцелярии верховного представителя, как официально именуется ведомство современного проконсула международного сообщества.

Постоянная ротация международных экспертов, госслужащих и бывших политиков, направляемых в БиГ, делает иностранцев довольно уязвимыми. Зачастую они оказываются в полной зависимости от местных властей. При каждой замене в канцелярии мэры и местные губернаторы рассказывают новичку, прибывшему в Сараево из Скандинавии или Америки, или другой какой страны, всякий раз иную историю, по сути, ту историю, какую они умыслили пустить на политические торги.

Андрич точно описывает такого рода ситуации в своей хронике событий 1800 года в Травнике, затерянном где-то посреди Боснии. Получается, значит, мало что изменилось, помимо того факта, что мы с опасностью для себя избегаем уроков истории.

Вот что рекомендует верховному представителю Международная кризисная группа, «мыслительный танк» с экипажем из выдающихся специалистов, в одном из своих отчетов по БиГ: признать, что националистические партии являются естественным и законным феноменом в БиГ³. И еще, что их следует опасаться, поскольку они могут численно уменьшиться, если избиратели получат наглядные подтверждения того, что их жизнь улучшается.

² См. в Интернете: www.osce.org

³ Отчет Международной кризисной группы № 146. 2003. 22 июля.

Но для всех тех, кто оставался в федерации БиГ или, в конце концов, вернулся в нее в качестве опекаемых ОБСЕ беженцев, многое неустойчиво. Кладбища полны могил, дома пусты. И почти на всех машинах, собравшихся на автостоянке кладбища 2 ноября 2004 г. в День Всех Душ были немецкие, австрийские и хорватские регистрационные номера. Все те, кто сидел за рулем, и их семьи либо бежали, либо уехали за границу, потому что не могли оставаться в стране, где все так непрочно и ломко. Риск того, что БиГ может распасться, велик: этнические сербы захотят соединиться с Сербией, а этнические хорваты — вернуться к себе на хорватскую родину. Ирредентизм в буквальном смысле может легко возродиться, как только международные организации и специальные уполномоченные по улаживанию конфликтов уйдут.

Боснийские мусульмане вновь окажутся загнанными со всех сторон в ловушку националистических страстей. Вдобавок боснийцы, мусульмане, которые наилучшим образом отождествлялись с идеей многонациональной Югославии, уже больше не могут держаться в стороне от религии, как прежде. На Балканах ислам как социальная и политическая сила находится на подъеме. У этого явления много корней, среди которых, разумеется, и геноцид против мусульман во время балканских войн, одним из вопиющих его примеров стало массовое побоище в Сребренице в июле 1995 года.

Всякий небезразличный наблюдатель должен также принимать во внимание финансовую поддержку, оказываемую боснийской мусульманской общине фондами со штаб-квартирами в шиитском Иране и ваххабитской Саудовской Аравии. Подобная благотворительность редко аполитична, она воздействует на повседневную общественную жизнь, как, скажем, значительное увеличение носящих чадру или паранджу. Действительно, несколько сотен «пасдаран», иранских стражей революции, женились, и большинство из них компактно осело в районе Тусжлы. В то же время о Зенике часто говорят как о месте, связанном с лагерями подготовки суннитских экстремистов.

Вряд ли в ближайшее время юг Восточной Европы вернется к уровню побоищ последнего десятилетия, однако регион остается раздробленным и способен породить беспорядки. Из стран и краев, переживших серьезные конфликты после краха Югославии в 1991 году: Боснии и Герцеговины, Хорватии, Косово, Македонии, Сербии и Черногории — стабильность заметна только в Хорватии. Однако из-за нежелания Загреба сотрудничать с трибуналом по военным преступлениям Хорватии приходится повременить с планами вступления в ЕС. Повсюду на Балканах этнические группы продолжают зорко следить одна за другой. Лишь недавно, много времени спустя после окончания войн между собой, Хорватия и Сербия приступили к подлинному диалогу. Постепенно регион спланивается все больше и больше. Снятие санкций с концом режима Туджмана в Загребе и

выдворением после 2000 года Милошевича из Белграда во многом способствовало росту межрегиональной коммерческой деятельности. По сути, с исчезновением Югославии на смену просторному рынку пришли всяческие внутренние преграды не только в виде тарифов, но и спорных границ и волн беженцев. Даже в таких благополучных местах, как Словения, которая в мае 2004 года вступила в ЕС, можно встретиться с определенной «югоностальгией». Как оказалось, словенские экспортные товары, такие как бытовая техника и фармацевтические препараты, не выдерживают конкуренции на рынке ЕС, зато они по-прежнему пользуются большим спросом в бывших федеративных государствах Югославии. «Есть серьезное намерение вновь начать торговать между собой», — говорит австриец Эрхард Бусек, неумолимый координатор выдвинутого ЕС Пакта стабильности для Юго-Восточной Европы. Однако, наряду со всеми мирными дружественными устремлениями, существуют и старые исторические притязания, которые все еще способны воспламенить регион.

Косово и албанские мечтания

Трудно отыскать более самоуверенный народ, чем албанцы. Как никогда прежде в своей истории, отождествляют они себя с албанскими героями-освободителями, среди которых числят Александра Македонского, Наполеона (его мать, очевидно, тоже была албанкой...), вождя объединения Италии Гарибальди, египетского короля Мехмета-али и мать Терезу. Албанцы в Косово, наверное, еще больше уверены в себе и в своем величии. Дело не в том, сохраняется или нет мечта о Великой Албании, охватывающая этих потомков иллирийцев из Албании от Косово и Македонии до Греции и Сербии. Вполне прагматики, они встали на путь присоединения к ЕС с тем, чтобы позже свести интеграцию к своего рода албанскому региону. Подобный демографический план, конечно же, вызывает озабоченность в Македонии, где выдвинутое ЕС Охридское соглашение смогло предотвратить гражданскую войну в 2001 году, хотя социальная ткань между македонцами албанского происхождения и македонцами-славянами очень непрочна. Опасность перетекания бед из любой части региона в любую другую его часть не уменьшилась с тех самых пор, как пороховая бочка Балкан начала взрываться. Пока одной лишь многонациональной Македонии удалось избежать балканской трагедии.

Формально находящийся под управлением ООН⁴ край остается в

⁴ Резолюция Совета Безопасности ООН № 1244 (1999) дала основание для создания Временной администрации ООН в Косово (ЮНМИК). Миссия ОБСЕ в Косово, самой обширной зоны действия ОБСЕ, образует четкий компонент Временной администрации ООН. Ей поручено гос- и демократическое строительство, продвижение прав человека и правления закона.

составе Сербии. Однако более 90% 2-миллионного населения Косово по происхождению албанцы, и их ничто, кроме независимости, не устроит. За шесть лет, что Косово находилось под властью ООН, проблема, как надеялись западные политики, должна бы решиться сама собой. Но с марта 2004 года, когда этнические албанцы взбунтовали весь край, стало ясно, что само собой ничего не пройдет.

Через некоторое время Совету Безопасности ООН будут представлены два доклада о положении дел в Косово. Если картина, изображенная в них, будет в целом положительной, Кофи Аннан, генеральный секретарь ООН, назначит «статусного посла», которому предстоит, переезжая из сербской столицы Белграда в косоварский центр Приштину и обратно, вести переговоры о так называемом «будущем» Косово, но не об «окончательном статусе» края. В настоящее время больше нет расхождений между Европой и Америкой, во всяком случае, по отношению к Косово. Более того, сербские и косоварские албанцы, если их подтолкнуть, видимо, согласятся с большей частью положений будущей конституции Косово. Трудно будет, отмечает косоварский политик и аналитик Ветон Суррои, сформулировать ее первую статью, где определяется, считать ли Косово независимым государством или частью Сербии. Поскольку согласия не получено ни у одной из сторон, дипломаты США и ЕС обдумывают идею навязать Косово окончательный статус, не дожидаясь полного согласия сторон. Такое навязанное решение может включать в себя ряд пунктов, по которым, в частности, независимость на ближайшие годы становится условной, НАТО остается в качестве гаранта безопасности, а сербские районы Косово получают широкие права автономии.

Байрам Косуми, новый премьер-министр Косово⁵, отвергает любые условия независимости Косово, равно как и любые обсуждения статусным послом окончательного статуса Косово в Белграде. Руководство Сербии заявляет, что признает «больше, чем автономию, но меньше, чем независимость». К тому же оно опасается, что навязывание независимости будет означать победу радикальных националистов в Белграде и нестабильность на десятилетия вперед.

Так что мечта косоварских албанцев о Великой Албании может в конечном счете обернуться ночным кошмаром для всего региона. И все же в европейских кругах преобладает оптимизм, даже несмотря на заметную некоторую усталость от расширения ЕС. Брюссель, похоже, уже не так рвется сызнова пройти через безудержное размножение новых государств на Балканах, что мы видели в начале 1990-х годов.

⁵ Его предшественник, Рамуш Харадинай, в марте 2005 года предстал перед Гаагским трибуналом по обвинению в военных преступлениях.

Черногория ратует за развод с Сербией

Отношения между Черногорией и ее тогдашним федеральным родителем Югославией омрачились после того, как в 1997 году прозападник Мило Джуканович был избран президентом. Своенравие Черногории вызвало призрак новой балканской войны, особенно после угрозы Джукановича провести референдум по вопросу о независимости. В середине 2000 года югославский президент Слободан Милошевич внес изменения в конституцию Югославии, чтобы лишить Черногорию части голосов в федеральном парламенте. Тогда в сентябре 2000 года многие черногорцы бойкотировали федеральные парламентские выборы. Неожиданное падение Милошевича от разлада не избавило. Но после того, как его преемник, Воислав Коштуница, в октябре 2000 года, ломая ледок недоверия, нанес визит в Черногорию, Сербия с Черногорией, в конце концов, под сильным нажимом со стороны ЕС согласились в феврале 2002 года образовать более свободный союз. Ныне у них общий президент, парламент и горстка министерств. Но каждая страна контролирует собственную хозяйственную систему и действует как полунезависимое государство. Несмотря на это, будущее Черногории отрядным не назовешь.

Сегодня через все Балканы пролегают контрабандные пути, в особенности через Косово, Албанию и Черногорию. Незаконная торговля женщинами, машинами, сигаретами и наркотиками является экономической основой громадных богатств хорошо организованной преступности, господствующей в регионе. Евросоюз намерен укротить эту растущую заразу, порождающую проникающее повсюду господство беззакония и системной коррупции.

Несоответствие в размерах — Черногория примерно в 20 раз меньше Сербии по численности населения — привело к подчиненному положению Черногории. Исторически обе олигархии относились друг к другу с учетом денежного потока и удержания власти. 7 апреля руководитель внешней политики ЕС Хавьер Солана предложил внести изменения в сербско-черногорскую конституцию: эти изменения предназначались для укрепления шаткого союза между Сербией и Черногорией и открывали перед ними путь к членству в ЕС. Стороны согласились продлить полномочия союзного парламента до новых выборов, которые пройдут раздельно в каждой из двух республик одновременно с их всеобщими выборами.

В то время как албанцев Косово подталкивают к независимости от Белграда причины этнического и исторического свойства, Черногория с численностью 600 тыс. жителей, принадлежащих к множеству культур, не желает больше, чтобы ее втягивали в дальнейшие политические трудности Сербии. Но провозглашение независимости Черно-

горией может в конечном счете оказать решающее воздействие на Косово, где пожелают, чтобы международное сообщество незамедлительно урегулировало вопрос окончательного статуса края. ЕС мог бы регулировать динамику этого процесса, используя тактику кнута и пряника. Учитывая неясные перспективы институционального и финансового будущего Евросоюза, сомнительно, чтобы ЕС сумел подобрать подходящий рычаг для Косово.

Является ли вступление в ЕС ответом хоть на что-либо?

Европейский саммит в Салониках в июне 2003 года возвестил о приверженности ЕС европейскому будущему всех балканских стран и заявил, что о воссоединении Европы можно будет говорить лишь после того, как этот регион станет ее составной частью. Расширение 2004 года физически приблизило ЕС, который, по сути, оказался у самого порога Западных Балкан.

Переговоры по Соглашению об ассоциации и перспективе вступления в ЕС ныне ведутся с Сербией. Однако 17 марта Хорватия, на несколько лет опередившая Сербию с точки зрения вхождения в ЕС, получила отказ: Брюссель отложил переговоры о вступлении из-за того, что хорватское правительство не сумело арестовать генерала Анте Готовина, разыскиваемого военного преступника, которого его соотечественники считают героем войны. Еще Сербии дали ясно понять, что все обвиняемые должны быть представлены суду, в том числе и Ратко Младич, боснийский серб, бывший генералом во время войны. Брюссель явно сделал свой балканский выбор, с равной справедливостью относясь ко всем претендентам. Какое-то время казалось, будто Трибунал избирателен в отношении сербов, однако в Гаагу на суд уже доставлены хорваты, боснийцы и даже видные албанцы из Косово, такие как бывший премьер-министр. Евросоюз принял рискованное решение наказать Хорватию, не прошедшую лакмусовый тест на военные преступления, но в какой-то мере это указывает путь для других, ибо демоны прошлого по-прежнему кружат рядом.

12 апреля Международная комиссия по Балканам, где председательствует Джулиано Амато, опубликовала доклад «Балканы в Европе будущего». Комиссия утверждает, что Западные Балканы сегодня «так же близки к неудаче, как и к успеху». Необходимо весь регион перевести «со стадии протекторатов и слабых государств на стадию пополнения ЕС», иначе он рискует превратиться в черную дыру Европы. Для этого требуется «решительная стратегия пополнения, которая объемлет все балканские страны и все их сделает новыми членами в течение последующего десятилетия». «Подлинный выбор, стоящий перед ЕС на Балканах, таков: «расширение» или «империя», причем последняя

рассматривается как «политическая преграда для всего европейского проекта».

Комиссия рекомендует разработать стратегию «создания государств-членов» на Балканах и предлагает провести в 2006 году саммит ЕС — Балканы, на котором «снабдить все балканские страны их путеводными картами вхождения». Для чего требуется демонтировать существующие международные протектораты. По Косово за 2005—2006 годы необходимо произвести сдвиг к такому положению, при котором к Косово будут относиться «как к независимому, но не суверенному государству», а «все функции обычного правительства, в настоящее время исполняемые ЮНМИК и КФОР, будут переданы правительству Косово». Комиссия предлагает также исключить раздел Косово.

Представить ЕС как перспективу — цель, само собой, привлекательная, только все больше и больше становится неясно, как сумеет ЕС с честью сдержать свои обещания. Строгая обусловленность, конечно же, полезный инструмент для свершения политических и экономических реформ в странах-претендентах, однако ЕС придется также предложить и стимулы в виде материальных ресурсов, которых, если учесть экономические трудности государств — членов ЕС, непременно станет меньше.

Два завершающих замечания о будущем Балкан

Дейтонские соглашения, переговоры по которым велись на военном-воздушной базе в Огайо под сильным нажимом США в лице дипломата Ричарда Холбрука, никогда не мыслились как мирный договор. Дейтон решал задачу управления конфликтом. Пессимисты считали, что соглашений хватит всего на год. Лорд Эшдаун в телеинтервью 29 мая 2003 г. по случаю первой годовщины подтвердил, что имеет дело с двумя грозными противниками: нетерпением международного сообщества покончить с БиГ и нежеланием граждан этой страны уверовать, что дела можно повернуть к лучшему. На деле был у него и третий враг. Лорд мог увольнять, вменять в обязанность и увещевать, но он не мог на самом деле управлять страной. Сам себя он сделал главным реформатором, однако реформы эти должны были бы вовлечь местных политиков, которые, видимо, не проявили к ним интерес, если попросту не воспылали к ним враждой. Осуществлять же эти реформы должна была бы бюрократия, которая, видимо, оказалась невосприимчива, а то и некомпетентна.⁶

Дейтон, в конце концов, нужен был не для государственного строительства. Он предназначался для того, чтобы положить конец крова-

⁶ Отчет Международной кризисной группы №146. 2003. 22 июля.

вой бойне, чтобы убрать картинки Сараева, Сребреницы и колонн беженцев с телевизионных экранов по всему миру и тем подлатать НАТО и переизбрать американского президента. Постепенное осознание того, что послужило орудием окончания войны, а также недостаточности самого этого факта для создания жизнеспособного государства или обеспечения вечного мира, привело к столь же постепенному упованию на международный протекторат, который, как представлялось в конце 1990-х годов, мог стать вечным.

То же самое справедливо и в отношении создания протектората Косово. Разница лишь в том, что атмосфера здесь, похоже, более взрывоопасна. Вспышки беспорядков в марте 2004 года дают полную картину ненависти, накопившейся с обеих сторон. Мечети и православные храмы подверглись нападениям, причем не только в Косово, но и Белграде. И вновь международное сообщество было застигнуто врасплох, казалось глубоко потрясенным от возврата насилия, несмотря на все достойные похвал усилия создать гражданское общество. Складывалось впечатление, будто в регионе верх возьмут архаичные формы мести. Неуклюжий процесс политической перестройки с помощью политики достижения «стандартов статусом» дал определенные результаты. Однако регион в целом крайне нуждается в большей политической ясности. Международному сообществу, в особенности ЕС, следует честнее относиться к своим обещаниям и возможностям в отношении нынешних и будущих претендентов.

Обречен ли этот район мира каждые 50 лет становиться театром военных действий? Такое представляется очень возможным, если учесть сохранившийся, несмотря на все ужасающие «этнические зачистки» времен Второй мировой войны и в 1990-е годы, многокомпонентный замес его национальностей и религий. Шовинизм и крайний национализм не уйдут сами собой просто по причине экономического процветания.

В 1989 году из всех стран Восточной и Центральной Европы Федеративная Республика Югославия, как ни одна другая, подходила для участия в европейской интеграции. Велась войны, хотя людям приходилось многое терять. Ныне Сербия, Босния, Хорватия и др. — все находятся в приемной Брюсселя. А в дополнение к экономической и политической перестройке нужно еще и побольше этики. Недавние балканские войны велась куда более жестоко, чем любая из войн на Ближнем Востоке. Массовые насилия над женщинами и мародерство творились близкими против близких своих. Ответов на множество отчаянных вопросов: «Почему такое могло случиться?» — нет.

Возможно, понадобится времени больше, чем жизнь одного поколения, чтобы забыть, простить и извлечь уроки.

Сергей Демиденко

ИРАКСКИЙ КРИЗИС И КУРДСКИЙ ВОПРОС

Государство не решает проблемы, оно их финансирует.
Ричард Никсон

В последние годы пристальное внимание мирового сообщества приковано к политическим процессам, происходящим на Ближнем Востоке. Ситуация там на протяжении всего XX века была крайне напряженной, а век XXI сделал регион одним из основных источников глобальной нестабильности.

Палестино-израильское урегулирование, взаимоотношения Ирана и США, иракский кризис — вот далеко не самый полный список проблем, раздирающих этот крайне важный в стратегическом отношении район планеты.

Поворотным моментом для политических судеб Ближнего Востока стала американская операция по свержению режима Саддама Хусейна, начавшаяся в марте 2003 года. Именно она ускорила развитие многих деструктивных тенденций, которые и взорвали региональную ситуацию, приведя к экспорту во все части Света исламского радикализма, террористической угрозы, а также к повышению цен на энергоносители, в первую очередь на нефть.

Одной из составляющих ближневосточной проблематики является курдский вопрос, который, оказывая серьезное влияние на динамику политической конъюнктуры региона, несправедливо обойден вниманием мирового экспертного сообщества. Курдский вопрос многогранен, он требует серьезного научного исследования, так как без глубинного его понимания невозможно будет стабилизировать регион даже в случае (гипотетическом) достижения всеобъемлющего арабо-израильского урегулирования.

Что известно российскому «не эксперту» о курдском вопросе? Практически ничего. Данная проблема, как правило, не попадает в поле зрения отечественных СМИ. В последнее время, в связи с обострением ситуации в Ираке, стало появляться несколько больше информации об иракских курдах, однако и она отрывочна, на ее основе нельзя составить сколько-нибудь полное впечатление о политической платформе курдских партий Ирака, о позициях их лидеров и т.д.

Информация же о положении курдов в Турции, если и проникает в газеты и журналы, то имеет вид пропагандистских штампов и дает представление об их ведущей организации — Рабочей партии Курдистана (РПК) — как о сообществе отпетых террористов, фанатиков без цели и идей¹.

¹ См., например: Радио Свобода. Рубрика — Террор. 17 апреля 2001. (<http://euro.svoboda.org/archive/crisis/terror/0401/11.041701-1.asp>) или *Лебедев В.* Террор — массовое безумие или вечный поиск золотого века? // Лебедь. Независимый альманах (Интернет-издание) <http://www.lebed.com/1997/art19.htm>.

Словосочетание «курдский терроризм» с легкой руки мировых СМИ стало синонимом деятельности РПК. Однако если задаться вопросом: «Какой крупный теракт (или теракт вообще) был совершен партией Абдуллы Оджалана за всю историю ее существования (именно ею, а не какой-либо другой курдской организацией)?» Ответ будет однозначен — никаких действий террористического характера в отношении мирного турецкого населения РПК не предпринимала и предпринимать, по всей видимости, не будет. Причастность партии к террору не смогли доказать даже государственные обвинители на процессе по делу Оджалана в 1999 году².

В контексте данной «информационной нищеты» встает вопрос о состоянии курдской проблемы на современном этапе исторического развития Ближнего Востока. Как представляется, характеризующим ее моментом является раздробленность курдов, которые более не ощущают себя единым целым. Каждая из частей этого народа возглавляется мощными, но совершенно разнонаправленными в политическом отношении партиями и организациями, лидеры которых преследуют разные цели, что в итоге приводит к столкновениям между ними, только усиливающим разобщенность.

Правомерно ли в этой связи говорить о существовании мирового курдского движения как такового? По всей видимости, правомерно, поскольку, даже несмотря на углубляющиеся противоречия, доминанта курдской идеологии — создание собственного независимого государства остается неизменной. Да, и РПК и курдские партии иракского севера (Демократическая партия Курдистана — ДПК) и (Патриотический союз Курдистана — ПСК) заявляли об отступлении от магистральной линии, но всегда оговаривались, что отступление является временным, и борьба за создание независимого Курдистана будет продолжаться.

Что же представляет собой мировое курдское движение сегодня? Расклад сил в целом внутри него не изменился. Наибольшим влиянием пользуются Рабочая партия Курдистана и курдские организации Ирака — ДПК (лидер Масуд Барзани) и ПСК (лидер Джалаль Талабани). Все они имеют четко отлаженную внутреннюю структуру, регулярное финансирование и прочные позиции в курдской общине Европы.

РПК в настоящее время преодолела внутренний кризис, который длился в организации с момента ареста Абдуллы Оджалана. Она сумела реформироваться и, немного подкорректировав стратегию, вновь вступила в противоборство с Анкарой. В период с 1999 по 2004 год руководство Рабочей партии Курдистана придерживалось тактики «од-

² См., например: Известия. 1999. 18 февраля; Интерфакс. 1999. 15 марта.

ностороннего прекращения огня» и даже пыталось легализоваться, несколько раз меняя название организации (например, на Конгресс свободы и демократии Курдистана). Однако временное ослабление позиций партии, вызванное замешательством ее центрального руководства в период потери единоначалия, было воспринято турецкими лидерами (президентом Ахмедом Сезером и главами кабинета министров Бюлентом Эджевитом и Реджепом Эрдоганом) как тотальной отступление «сепаратистов». В этой связи они попытались нанести РПК решающий удар³. Были проведены аресты членов партии и сочувствующих им жителей Юго-Восточной Анатолии. Однако военная и финансовая мощь РПК подорваны не были, ей даже удалось сохранить базы на севере Ирака.

Также следует отметить, что партия выдвинула из своей среды новых политических лидеров, которые в отсутствие Оджалана, продолжающего оставаться номинальным вождем движения, решились возглавить новый этап вооруженной борьбы. К этим лидерам можно отнести, например, Мурата Карайылана (Карабеляна), которого в настоящее время называют «главнокомандующим» всеми боевыми отрядами РПК, брата Оджалана Османа, Джамиля Байыка и ряд других фигур⁴. Сама же партия продолжает управляться так называемым Координационным советом, в который входят десять наиболее авторитетных представителей организации⁵. Социальная база движения также осталась неизменной — это беднейшие слои населения Юго-Восточной Анатолии, из которых оно продолжает рекрутировать новых членов.

Иракские курды, пользующиеся поддержкой США и овеянные славой борцов с «тоталитарным» режимом Саддама Хусейна, представляют собой сейчас наиболее влиятельную силу в мировом курдском движении. Основными их организациями, как уже говорилось, являются ДПК и ПСК. Однако они, в отличие от РПК, не являются политическими движениями в полном смысле этого слова. Все действия этих партий направлены, в первую очередь, на защиту интересов кланов, стоящих во главе каждой из них. Демократическая партия Курдистана контролируется кланом Барзани, а Патриотический союз Курдистана, отколовшийся от ДПК в 1975 году, кланом Талабани⁶. «Семейная» структура данных организаций — одно из их коренных отличий от РПК, которая управляется по совершенно иному принципу (сменяемость всех руководителей, за исключением верховного вождя,

³ Независимая газета. 1999. 5 февр.

⁴ Пульс планеты. Информ. бюл. ИТАР-ТАСС. 2005. 11 февр.

⁵ Независимая газета. 1999. 6 марта.

⁶ Гасратян М.А. Специальный бюллетень Ин-та востоковедения АН СССР. 1990. №6 (270). С. 28.

съезды, голосования и т.д.). Система руководства обусловила и выбор политической стратегии ДПК и ПСК, которая направлена, в первую очередь, на защиту интересов семей Талабани и Барзани. Интересы эти на настоящем этапе заключаются в достижении контроля над нефтеносными районами города Киркук или, на худой конец, получения доступа к распределению доходов от продажи нефти. Распри по данному поводу породили антагонизм между ДПК и ПСК, частично преодолеть который удалось только в 1998 году, когда между ними под эгидой США было заключено «перемирие» (так называемые Вашингтонские соглашения).

Кстати сказать, именно после этого «перемирия» кардинальным образом изменились отношения между курдскими партиями Северного Ирака и РПК, поскольку одним из пунктов Вашингтонских договоренностей значилась совместная борьба ДПК и ПСК против организации Оджалана⁷. Ранее иракские курды нередко создавали с РПК альянсы в борьбе друг против друга и против внешних врагов. Так, например, 1 мая 1988 г. ПСК и РПК подписали так называемый Протокол о союзе. Несколько ранее примерно идентичное соглашение было заключено между Оджаланом и Барзани, оно, правда, очень скоро оказалось дезавуированным⁸.

Описание расклада сил в мировом курдском движении будет неполным, если мы не скажем о курдских исламистах. Они блокируются в основном вокруг организации «Ансар аль-Ислам», которая все активнее борется за расширение своего влияния в Иракском Курдистане. Впервые исламисты заявили о себе в октябре 2001 года, вступив в открытое вооруженное противостояние с ДПК и ПСК, и, хотя вынуждены были отступить, тем не менее полностью разгромлены не были.

«Ансар аль-Ислам» образовалась в 2001 году в результате раскола внутри Исламского движения Курдистана. Основателем и руководителем организации является мулла Крикар (настоящее имя — Наджмуддин Фарадж Ахмад), курд по происхождению, проживающий в настоящее время в Норвегии⁹. Ряд ведущих мировых СМИ с подачи Джалаля Талабани обвиняют «Ансар аль-Ислам» в связях с международными террористическими центрами в Афганистане и Пакистане¹⁰, однако сам Крикар всячески эти обвинения отрицает, заявляя, что, хотя и уважает бен Ладена, действует от «Аль-Каиды» совершенно автономно. Неприязнь же «Ансар аль-Ислам» к традиционным лидерам

⁷ Известия. 1998. 19 сент.

⁸ Гасратян М.А. Специальный бюллетень Ин-та востоковедения АН СССР. №6 (270). 1990 год. С. 89.

⁹ Время новостей. 2003. 20 февр.

¹⁰ BBC. Russian.com.

http://news.bbc.co.uk/hi/russian/news/newsid_2150000/2150451.stm.

Иракского Курдистана Крикар объясняет политическими амбициями ДПК и ПСК¹¹.

В настоящее время можно говорить об обострении курдской проблематики. Оно напрямую связано с иракским кризисом, причину которого следует искать в отсутствии у США и их союзников сколько-нибудь приемлемого плана послевоенного восстановления Ирака. Американцы не учли, во-первых, раздробленность иракского общества, во-вторых, многоукладность экономики страны, в-третьих, роль религии в жизни простых иракцев и, соответственно, влияние духовенства. Метания Вашингтона, который под давлением Пентагона, курировавшего все «иракское досье», сделал ставку лишь на силовое подавление антиамериканского сопротивления, привели к сползанию оперативной обстановки в пучину насилия. Сначала США пытались не допустить к власти в Ираке шиитское духовенство, укомплектовав органы государственного управления своими ставленниками из числа так называемых «светских оппозиционеров». Это привело к знаменитому шиитскому восстанию имама Муктады Садра¹². Потом Белый дом организовал выборы в Национальную ассамблею (парламент), в ходе которых победа должна была однозначно достаться шиитам. Это вызвало недовольство суннитов, не жалевших из привилегированной части населения превращаться в изгоев. В результате они под воздействием духовенства выборы бойкотировали. Кроме того, внутри суннитской общины с течением времени выделилась наиболее радикальная группа фанатичных поборников ислама. Эти люди стали в оппозицию всем и вся, совершая не только партизанские вылазки против оккупантов, но и теракты против мирного, суннитского же, населения (внутри этой группы серьезное влияние имеют моджахеды из-за рубежа, которых в Ираке называют «арабами»). Страна оказалась на грани раскола.

В условиях бойкота суннитами первого общенационального волеизъявления на передовые позиции в государстве выдвинулись шииты и курды. Первые получили 132 места в 275-местном парламенте, вторые — 71¹³. Кроме того, в ходе первых заседаний Национальной ассамблеи депутаты выбрали президентом Ирака лидера ПСК Джалаля Талабани.

Здесь, однако, следует пояснить, что наличие курда на высшем государственном посту обновленной страны еще не означает «конец Ирака», как это провозгласили некоторые отечественные СМИ¹⁴. Это, ско-

¹¹ Время новостей. 2003. 20 февр.

¹² Иракский кризис и становление нового мирового порядка: Сб.материалов. Сентябрь 2002 — апрель 2004 гг. М., 2004. С. 569.

¹³ Пульс планеты. 2005. 17 февр.

¹⁴ Ирака больше нет. //Gazeta.ru. 2005. 6 апр.
http://www.gazeta.ru/2005/04/06/oa_153725.shtml

рее, признание установившегося статус-кво — главенства курдо-шиитского большинства при оппозиционности или политической пассивности суннитов. Добавим также, что круг реальных полномочий президента еще до конца не определен, и кто конкретно является главой страны (президент, премьер или глава Пентагона) тоже не ясно.

Победа шиитов и курдов на выборах закономерна по нескольким причинам, среди которых численное превосходство над суннитами не главное.

Во-первых, будучи на протяжении долгих десятилетий гонимой частью общества, они вынуждены были активно сплачиваться вокруг своих национальных лидеров (у шиитов — традиционное духовенство, у курдов — племенные вожди).

Во-вторых, необходимость противостоять прессингу властей вынудила шиитов и курдов создавать боееспособные, сплоченные и дисциплинированные политические организации (у шиитов — Высший совет исламской революции в Ираке (ВСИРИ), у курдов — ДПК и ПСК).

В-третьих, и шииты, и курды были вооружены собственной идеологией — идеей «истинного ислама» и идеей создания собственного государства соответственно.

Кардинальное изменение статуса иракских курдов привело к тому, что их лидеры выдвинули официальные претензии на расширение автономии подконтрольных им районов и включение в орбиту своего политического влияния городов Киркук и Мосул (в настоящее время оба города заняты американцами, которые в перспективе планируют приступить к расширению здесь нефтяного производства). Также ПСК и ДПК активно лоббируют идею создания в Ираке федеративной системы государственного устройства.

Расширение самостоятельности Иракского Курдистана, скорее всего, приведет к дальнейшей эскалации напряженности не только в самом Ираке, но и на Ближнем Востоке в целом. Первые ее симптомы можно наблюдать уже сейчас. Так, усиление политического влияния иракских курдов вызвало серьезную озабоченность Анкары, поскольку вслед за иракскими соплеменниками активизировалась РПК. Всплеск активности организации Оджалана пришелся как раз на вторую половину 2004 — первые месяцы 2005 годов (процесс формирования в Ираке парламента, усиление политических позиций ПСК и ДПК в общеиракском масштабе)¹⁵.

По данным СМИ, за этот период в столкновениях с сепаратистами погибли 219 человек и еще 126 получили ранения¹⁶. Только в сентяб-

¹⁵ Пульс планеты. 2005. 11 февр.

¹⁶ Пульс планеты. 2005. 12 янв.

ре 2004 года партизаны из РПК совершили несколько крупных вылазок — осуществили диверсионные акции на нефтяных объектах в Батмане, вывели из строя нефтепровод Мардин-Мидьят, напали на угольную шахту в Ширнаке, взорвав при этом трансформаторную подстанцию, и похитили нескольких сотрудников коммерческой фирмы в Диярбакире¹⁷.

Всего РПК располагает, по некоторым данным, 5 тыс. вооруженных бойцов, прошедших подготовку на базах организации в Северном Ираке¹⁸.

Обострение обстановки в Юго-Восточной Анатолии говорит о том, что никаких реальных действий по улучшению экономического и социального положения курдского народа Анкара с 1999 года не предприняла. Так, в сентябре 2004 года отсталость курдских вилайетов отметил комиссар Еврокомиссии по вопросам расширения ЕС Пюнтер Ферхойген. Он совершил инспекционную поездку по ним и заключил, что Анкара еще должна предпринять немало усилий, «направленных на расширение прав курдского народа»¹⁹.

Однако, по всей видимости, Анкара не собирается следовать рекомендациям европейских чиновников и вновь попытается решить курдскую проблему при помощи силы. В этой связи с начала 2005 года турецкое руководство начало активную дипломатическую подготовку будущей военной акции в северных районах Ирака. В январе в Анкаре прошли трехсторонние переговоры по проблеме ликвидации действующих на территории Северного Ирака баз РПК. Турецкую сторону на них представлял посол в Ираке Осман Корутюрк, американскую — сотрудник Госдепартамента США в Европе и Евразии Лора Кеннеди, иракскую — заместитель министра иностранных дел Хамид аль-Баяти. Присутствовал на встрече и глава Центрального командования США (СЕНТКОМ) генерал Джон Абизайд, который провел переговоры с первым заместителем начальника генштаба Турции генералом Илькером Башбугом и с главой внешнеполитического ведомства Турции Абдуллахом Гюлемом.

Пока эти контакты не привели к какому-либо реальному результату. Есть мнение, что США сознательно блокируют военные планы Турции, поскольку крайне недовольны той позицией, которую она заняла накануне начала операции «Шок и трепет». В марте 2003 г. турецкий парламент отклонил просьбу Вашингтона предоставить американским войскам плацдарм для наступления на Ирак с севера. Теперь это дало американским чиновникам повод обвинять Анкару в создании предпосылок для роста экстремизма в Ираке. Так, в марте 2005 года глава Пентагона Дональд Рамсфелд заявил: «Коалиция в те-

¹⁷ Пульс планеты. 2004. 9 сент.

¹⁸ Пульс планеты. 2005. 12 янв.

¹⁹ Пульс планеты. 2004. 9 сент.

чение двух лет не может успешно подавить иракское сопротивление только потому, что турецкий парламент не поддержал предложение правительства разрешить размещение на территории страны американских войск накануне операции в Ираке. Если бы Турция, открыв свои границы, позволила нам войти в Ирак с севера, то сопротивление там не достигло бы таких масштабов»²⁰.

В контексте пробуксовывания усилий по организации военного вторжения в Северный Ирак Анкара пытается расшатать социальную базу РПК. Для этого она создает «карманные» курдские партии. Процесс формирования одной из них начался в конце октября 2004 года, при поддержке Масуда Барзани (даже руководителем этой организации, по сообщениям газеты «Заман», стал близкий друг руководителя ДПК — Дервиш Акгюль)²¹.

Подобные усилия турецкого руководства, скорее всего, окажутся малоэффективными. Как показывает политическая практика, почва Турецкого Курдистана отторгает все (или подавляющее большинство) «инородные элементы», привнесенные на нее Анкарой. Такая участь, например, в середине 80-х годов постигла отряды «сельских стражей» (разновидность народного ополчения, милиция), в задачу которых входила борьба с «курдами руками курдов». К началу 1990 года партизаны Оджалана полностью парализовали деятельность «сельских стражей», и те стали сотнями переходить на сторону восставших и возвращать властям полученное от них оружие. Кроме того, под давлением РПК многие деревенские старосты районов Мардина и Бингеля ушли в отставку и официально выступили против использования их самих и возглавляемых ими общин в борьбе против РПК²².

Реальную опасность для движения Оджалана представляют независимые курдские общественные объединения, борющиеся за права своего народа парламентскими средствами и методами. Наиболее влиятельным среди них считается Народное демократическое движение Курдистана (НДДК), основанное в конце 2004 года известной правозащитницей Лейлой Заной. Хотя НДДК еще находится в стадии становления, тем не менее оно имеет много сторонников и весьма неплохие политические перспективы. Так, известный турецкий политик Ахмет Тюрк заявил, что две основные прокурдски ориентированные партии Турции Партия народной демократии (ДЕХАП) и Партия свободного общества («Озгур Топлум») — готовы самораспуститься и влиться в движение Заны²³.

²⁰ Пульс планеты. 2005. 22 марта.

²¹ Цит. по: Пульс планеты. 2004. 20 окт.

²² Гасратян М.А. Специальный бюллетень Ин-та востоковедения АН СССР. №6 (270). 1990 год. С. 89.

²³ Пульс планеты. 2004. 5 нояб.

Помешать НДДК стать политической альтернативой РПК может, как это ни странно, Турция. Радикальность Анкары во всем, что касается курдского вопроса, доходит до того, что она не видит особой разницы между сепаратистами Оджалана и независимыми от метрополии умеренными последователями Лейлы Заны. И первых, и вторых руководство страны воспринимает как мятежников, желающих нарушить территориальную и этническую целостность турецкого народа, принципы которой заложил еще Кемаль Ататюрк.

В этой связи Анкара продолжает подвергать Зану (которая уже провела за решеткой около десяти лет и была освобождена только благодаря международному вмешательству) и ее сторонников политическому прессингу. С 10 июня 2004 г. (с момента освобождения Заны) по начало 2005 года они по обвинению в «сепаратизме» представляли перед судом три раза. Вновь осудить Зану Турция, опасаясь международного скандала, не решается, однако и легально действовать в Курдистане она ей, скорее всего, не даст.

Все вышеперечисленные факты свидетельствуют о том, что на внутривосточной арене позиции РПК представляются достаточно прочными. Что касается арены международной, то здесь у организации Оджалана появился новый неожиданный союзник, так сказать, союзник «поневоле». Им стал Евросоюз. В конце 2004 года (15 декабря) на саммите Евросоюза в Брюсселе была, наконец, определена дата начала переговоров по проблеме вступления Турции в ЕС.

По оценкам наблюдателей, полемика между лидерами 25 европейских государств и премьер-министром Турции Режепом Эрдоганом характеризовалась жесткой торговлей, суть которой сводилась к распространению Соглашения об ассоциации Турции и ЕС от 1963 года на 10 новых государств—членов Евросоюза, включая греческую Республику Кипр. Главы европейских стран, опасаясь угроз лидера греков-киприотов Тассоса Пападопулоса наложить вето на решение по Турции, оказали мощное давление на Эрдогана с тем, чтобы он в письменной форме подтвердил обязательства Анкары распространить Соглашение на Кипр. Это вызвало резко негативную реакцию главы турецкого кабинета. В результате компромисса удалось достичь только после того, как Эрдоган дал устное обещание включить Никосию в зону действия Соглашения²⁴.

Жаркая евротурецкая полемика в Брюсселе говорит о том, что у идеи вступления Анкары в Евросоюз было и остается огромное число противников. Так, отмечается, что антитурецкие настроения в Старом Свете серьезно обострились именно накануне вышеупомянутого саммита. Например, в Германии явную антитурецкую позицию занял

²⁴ Пульс планеты. 2004. 20 дек.

влиятельный блок ХДС/ХСС. Его представители заявили, что Турции для принятия в ряды ЕС предстоит еще преодолеть «ряд различий в экономической и социальной сферах» с европейскими странами²⁵. Отдельно следует сказать, что ХДС/ХСС планирует свою позицию по вопросу вступления Турции в Евросоюз сделать одним из пунктов программы на выборах в бундестаг (2006 год)²⁶.

Перспектива принятия Турции в еврообщество внушает жителям Старого Света опасения по нескольким причинам. Во-первых, серьезную опасность для Европы представляет поток переселенцев из Турции, которые «в поисках лучшей доли» могут серьезно криминализировать внутривосточную обстановку. Во-вторых, включение Турции с ее извечным финансовым кризисом в зону евро может серьезно сказаться на стабильности европейской валюты. В-третьих, многие воспринимают Анкару как «пятую колонну США», через посредство которой Вашингтон будет влиять на политическую стратегию еврообщества.

В силу всего вышесказанного противники вступления Анкары в ЕС будут уделять повышенное внимание вопросам защиты прав человека в Турецкой республике, в том числе и защиты прав национальных меньшинств. Это происходит уже сейчас. Например, в марте 2005 года знаменитая «Хьюман райтс уотч» опубликовала доклад о положении курдов в Турции, в котором заявила, что в ходе войны с сепаратистами (1984–1999 гг.) турецкая армия насильно депортировала из мест компактного проживания более 2 млн. курдов, а не всего 350 тыс., как по сей день утверждает Анкара. Активность правозащитных организаций ограничит возможности турецкого генерального штаба действовать в отношении РПК традиционными методами (депортацией населения, ковровыми бомбардировками, карательными акциями и т.д.), что также будет способствовать расширению ее деятельности.

Итак, в настоящее время курдская проблематика вновь актуализируется. Налицо завоевание одной частью этого народа (иракской) определенных политических позиций на государственном уровне и серьезная активизация деятельности другой (турецкой) в том же направлении. Какие же последствия будет иметь подобное изменение статуса иракских курдов для мирового курдского движения в целом? Как это ни странно, скорее всего, последствия будут самыми негативными.

Легитимизация курдского движения в Ираке и занятие видными его представителями крупных государственных постов приведет к дальнейшему углублению противоречий между РПК, с одной стороны, и ДПК и ПСК — с другой. И дело здесь не только в «зависти» по-

²⁵ Пульс планеты. 2004. 16 дек.

²⁶ Там же.

следователей Оджалана к своим более удачливым иракским соплеменникам. Суть противоречий находится на более глубоком, идеологическом, уровне. ДПК и ПСК пришли к власти, в первую очередь, благодаря сотрудничеству с американцами и их союзниками, которые для турецких курдов являются одной из ипостасей образа колонизатора. То есть лидеры ДПК и ПСК в глазах активистов Рабочей партии Курдистана — коллаборационисты, предатели и пособники «мирового империализма». Так, например, визиты Талабани в Турцию неизменно вызывали шквал недовольства в подконтрольных РПК газетах и журналах.

Возможно, что внутрикурдский конфликт также усугубится и за счет разрастания противоречий между ДПК и ПСК. Причина этого заключается в том, что возвышение Джалаля Талабани ставит под угрозу интересы более знатной семьи Барзани. Масуд Барзани прекрасно понимает, что пост президента дает Джалалю Талабани дополнительные возможности для расширения политического и экономического влияния своего клана. В этой связи лидер ДПК наверняка будет предпринимать действия для нейтрализации потенциального конкурента. Причем, если американцы не вмешаются, дело вполне может дойти до открытого вооруженного столкновения, как это уже неоднократно случалось ранее²⁷.

Будет ли война между ДПК и ПСК — неизвестно, но то, что Барзани и Талабани попытаются устранить конкурента в лице РПК, сомнений не вызывает. Итоги этого конфликта прогнозировать крайне сложно. Однако думается, что все-таки ДПК и ПСК не сумеют окончательно сломить организацию Оджалана, поскольку та продолжает пользоваться массовой поддержкой населения в Турции и в Северном Ираке. Конечно, курдские лидеры Ирака могут обратиться за помощью к Соединенным Штатам, но в том, что они эту помощь получают, уверенности нет, поскольку существование РПК в некотором смысле выгодно Вашингтону. Во-первых, организация Оджалана является серьезным рычагом давления на Турцию, которая через посредство местной тюркской общины проводит все более активную внешнюю политику в Иракском Курдистане. Во-вторых, наличие «третьей силы» в Иракском Курдистане позволит американцам «держат на коротком поводке» ДПК и ПСК. В-третьих, война с курдами вынудит турецкое руководство закупать все новые партии вооружений у американских концернов, что также напрямую выгодно Соединенным Штатам.

Таким образом, игра на этноконфессиональных противоречиях представляет для США соблазнительную возможность более активно

²⁷ Гасратян М.А. Специальный бюллетень Ин-та востоковедения АН СССР. №6 (270). 1990 год. С. 28.

насаждать в регионе свое влияние и оказывать давление на неудобные режимы в рамках плана «модернизации “Большого Ближнего Востока”» (Ближний Восток, Центральная Азия, Арабский Магриб). Модель реализации такой политической линии мы имеем возможность наблюдать в настоящее время и в Ираке, и в Ливане, где разыгрывание Западом этноконфессиональной «карты» привело к серьезному ослаблению региональных позиций Сирии. Не исключено также, что данная схема будет использована Вашингтоном против Ирана, где курдский вопрос тоже стоит достаточно остро.

Получается, что курды в настоящее время волей политических судеб являются союзниками Вашингтона, который будет всячески поддерживать их стремление к приобретению национального суверенитета. Налицо временное совпадение интересов: военная и политическая активность курдских оппозиционеров будет дестабилизировать режимы, ставшие региональными оппонентами США, а Вашингтон, как это было в Ираке, будет курдов к этому всячески побуждать, предоставляя финансирование и вооружение.

Сознательное провоцирование американцами этноконфессиональных противоречий, однако, является «палкой о двух концах». Одно дело, если у США есть приемлемый план стабилизации региональной ситуации после утверждения здесь своего тотального влияния — тогда все не так страшно. А если — нет? В этом случае мы можем получить «иракский кризис», но уже в масштабе всего субконтинента.

Цель Вашингтона видна невооруженным глазом — нефть и другие энергетические ресурсы «Большого Ближнего Востока». И на пути ее достижения Соединенные Штаты не гнушаются никакими средствами. Пример — Ирак. Господство над ним в контексте военного присутствия на Аравийском полуострове позволяет контролировать все нефтяные запасы Персидского залива. Устранение же шиитского режима в Тегеране делает Вашингтон фактическим хозяином энергетических ресурсов Каспийского региона. В глобальном масштабе это означает американский контроль над экономиками ведущих мировых держав и прямое навязывание им политической воли Белого дома.

Велика также вероятность того, что, «выкачав» регион, американцы просто уйдут оттуда, оставив местных руководителей с «демократией», но без средств к существованию. Во всяком случае, пока в Ираке США продолжают азартно распределять «нефтяные» подряды между американскими компаниями, не очень-то заботясь о реальной стабилизации политической ситуации, которая видится в организации диалога между ведущими представителями шиитского и суннитского духовенства.

Разжигание этнорелигиозных противоречий чревато эскалацией террористической угрозы в глобальном масштабе. То есть возрастание

числа терактов и потока нелегальных иммигрантов в европейские страны будут находиться в прямой зависимости от активизации «демократизаторской» деятельности США. И мы в настоящее время имеем возможность наблюдать эту закономерность на практике. Черда террористических актов в Саудовской Аравии и Египте, углубление раскола иракского общества, активизация деятельности исламских фундаменталистских организаций на территории бывшего СССР и производства наркотиков в Афганистане (контролируемом, кстати, американцами) не оставляют сомнения в том, что дальнейшее провоцирование этнических конфликтов в Азии только усугубит все вышеперечисленные явления. На курдский вопрос ситуацию можно экстраполировать следующим образом — Европе следует ожидать новых манифестаций, аутодафе перед турецкими представительствами и потока нелегальных курдских иммигрантов.

Но, может быть, краски слишком сгущены, и американцы не будут действовать в регионе столь прямолинейно? Возможно, но тогда почему они не выработали хоть сколько-нибудь приемлемого плана восстановления послевоенного Ирака? Почему спровоцировали такую антисирийскую кампанию (началась после принятия СБ ООН разработанной США и Францией резолюции №1559) в Ливане, которая фактически поставила страну на грань новой гражданской войны? Зачем упорно навязывают арабам систему ценностей, для них неприемлемую? Все это говорит о том, что Вашингтон (по крайней мере, в период правления президента Буша и его администрации) не собирается изменять внешнеполитическую стратегию и добиваться поставленных целей более приемлемыми методами.

США превратились в индустриальную империю, империю новейшего времени. И действуют они на внешнеполитической арене имперскими же методами, какими действовал в свое время СССР и действует сегодня Россия (в частности, в Чечне).

Подводя итог, следует отметить, что предпосылок для урегулирования курдской проблемы на Ближнем Востоке пока не просматривается. Демагогия Европы и США о необходимости «развязать курдский узел» резко диссонирует с их реальными политическими действиями. В этой связи прилагать усилия для снижения напряженности в курдских районах следует руководителям государств, поделившим в первой половине XX века между собой Курдистан. Решение проблемы видится в экономическом и социальном развитии этих районов, повышении уровня жизни и статуса населения.

Что касается перспектив создания курдского государства, то они с течением времени все больше превращаются в идеологический фантом. Независимый Курдистан стал потерянным раем индустриального общества. К нему еще долго будут стремиться, но так и не сумеют достичь.

Инна Шумилина

«ЦЕЛЬСИЙ» ПРОТИВ «ФАРЕНГЕЙТА», ИЛИ ПРЕЗИДЕНТСКАЯ КИНОГОНКА-2004

(политико-психологическое эссе)

После трагедии 11 сентября вновь актуальным стал лозунг «С кем вы, деятели Голливуда?». Причем с остротой, невиданной за последние шесть десятилетий. По-своему задавал этот вопрос кинематографистам и продюсерам президент Джордж Буш — на спецлетучках в Белом доме. По официальной версии, его заботило, главным образом, чтобы американские СМИ не оказались «жертвами» ложной интерпретации священной «свободы слова», превратившись в рупор террористов — в американский аналог скандального катарского спутникового канала «Аль-Джазира».

Но еще больше проблему обострил знаменитый «режиссер-скандалист» Майкл Мур, запустив в широкий международный прокат свое творение под названием «Фаренгейт 9/11». Этот политизированный кинопродукт вызвал восторг европейцев, осторожное отношение россиян и еще больше расколол американское общество. В контексте избирательной кампании республиканцы поспешили противопоставить «Фаренгейту» свой «кинематографический шедевр» — «41,11 по Цельсию». Вопрос «С кем вы, деятели Голливуда?» так и остался без ясного ответа. Ясно только, что сам Голливуд оказался вовлечен в межпартийные баталии выборов-2004 как никогда прежде. Означает ли это, что кинопроцесс в США будет отныне восприниматься, а может быть, и твориться — с учетом политических пристрастий и целесообразности?

Кинодокументальная «бомба» 2004 года «Фаренгейт 9/11», искусно изготовленная американским режиссером Майклом Муром, прогремела на весь свет, но в конечном счете оказалась неопасной. Если не сказать — безвредной.

Фильм, скроенный аккурат под выборную президентскую кампанию и призванный «свалить Буша» и «растоптать» республиканцев, имел большой коммерческий успех, но... никак не повлиял на итоги выборов в США. «Выстрел» Майкла Мура оказался холостым, несмотря на то что главный герой картины — Джордж Буш — предстал перед зрителями «опасным воинствующим идиотом» и чуть ли не бизнес-партнером Усамы бен Ладена.

Умело срежиссированный и не менее ловко смонтированный, «Фаренгейт» вполне мог бы стоить любому президенту второго срока. Но, как оказалось, не Джорджу Бушу и не теперь. Мур, очевидно, оказался прав только в одном: трагедия 9/11, действительно, не прошла для американцев бесследно. Чужовичность момента была столь велика и ощутима, настолько подействовала на сознание и психологию многих, заставила «широко открыть глаза», оглядеться и всерьез подумать о том, как жить дальше в новых условиях угроз и опасностей.

Американское мировосприятие, основанное, прежде всего, на уверенности в себе, ощущении превосходства, умении (выработанном веками) любить свою страну и думать о ее будущем, сделало невозможным для многих встать в позу отрешения, равнодушия или «страуса». Возник другой, отличный от прежнего, психологический настрой. В основе его, как и раньше, остались незыблемые американские ценности: патриотизм, вера в свободу и демократию. Но сила убежденности в жизненной необходимости демократизации мира (исследователи часто называют ее «наивной») многократно возросла. Изменилось и их отношение к культуре.

Особенно наглядно это проявилось во время предвыборной кампании-2004, когда самым громким «участником от культуры», постаравшимся повлиять на их исход, стал все тот же Майкл Мур.

Этот феномен стоит рассмотреть более углубленно и с разных сторон.

В Европе и России реагируют по-разному

Само название фильма еще до его выхода захватило внимание американской публики, хорошо знакомой с...

Пожилой писатель-фантаст Рэй Брэдбери, как и ожидалось, не согласился с самовольным решением кинопроизводителя использовать название его книги (ставшее уже классикой) и громко возмутился. Мур не оспаривал очевидные «кальки» (по замыслу режиссера, речь в его ленте идет о «температуре, при которой сгорает свобода» — так же, как у Брэдбери при 451 градусе по Фаренгейту уничтожались книги, чтобы люди не могли мыслить независимо) и пообещал писателю «изменить рабочее название».

В Европу, однако, фильм прибыл под прежним заголовком. 57-й Каннский кинофестиваль, в конкурсный лист которого он был включен всего за несколько дней до начала, оказался для фильма более чем гостеприимной площадкой. Каннны признали Мура «величайшим кинохудожником» и дали его детищу не только «путевку в жизнь», но и впечатляющие комментарии.

Фильм в одночасье стал главным событием фестиваля. «Отвечающий высоким эстетическим критериям» — в один голос прокомментировали члены жюри на итоговой пресс-конференции. Попытки журналистов назвать выбор «политическим» гневно отвергались как председательствовавшим Квентином Тарантино (на вопрос о том, не хочет ли он сам воспеть «Аль-Каиду», позднее ответил в одном из интервью, что «не интересуется этой ерундой»), так и другими видными кинематографистами — актрисой Кетлин Тернер, например, сказавшей, что «Фаренгейт» — «это больше, чем документальный фильм. Это первый фильм нового жанра, который следовало отметить».

Отметили его в Каннах и впрямь очень широко: высокой наградой («Золотая пальмовая ветвь»), демонстрацией на официальной церемонии закрытия во Дворце фестивалей и бурными 20-минутными овациями — получился настоящий «перформанс с инсталляциями».

Задействованными в представлении оказались многие. В Каннах воцарилась атмосфера ликования, подъема, восторженности фильмом-победителем, антибушевским митингом на набережной Круазетт, очередями на второй показ и негодования в связи с обнародованным Муром отказом компании «Уолт Дисней» прокатывать фильм в США. (Хорошо рассчитанный Муром шумовой эффект, поскольку отказ был получен, на самом деле, еще год назад, но, «до поры — до времени», не озвучен.)

Так состоялась раскрутка — о фильме узнал буквально весь мир. Европа самозабвенно и радостно поучаствовала в муровской «задумке» объявления «мирового импичмента» президенту США. Большая радость большинства от победы Мура выглядела полной готовностью «пригвоздить», наконец, того, кто повышает уровень напряженности в мире и нарушает тем самым самое общее спокойствие, в том числе и европейское.

Французские Каннны дали «Фаренгейту» широкий экран, сделав мощную рекламу. Несмотря на безоговорочное решение жюри и жаркое одобрение публики, мировая кинопресса оценила его по-разному.

Русские критики от похвал воздержались, хотя и заговорили о появлении «актуального западного искусства», где главное — вовсе и не кино, а некий сплав политики, пропаганды, бизнеса, сатиры и даже манипуляции зрителем.

Американские, как и ожидалось, во мнениях разделились, но не яростно. Одни задавались вопросами: «Сможет ли фильм разжечь ко-

стер под Бушем?» («Нью-Йорк Таймс») или «Выдержат ли факты Майкла Мура проверку?» Другие утверждали, что «ненависть Мура к Бушу — движущая сила его фильма» («Бостон Глоб»). Третьи возмущались классификацией киноленты («Фильм можно считать чем угодно, только не документальным кино. Это просто оскорбление для настоящего документального кинематографа» — писали в «Бостон Глоб») или претенциозностью (из комментария «Си-Эн-Эн»: «Фильм не имеет целостного содержания»).

Финский кинокритик заметил, что в фильме «почти шекспировское чувство абсурда».

Но как бы ни злобствовали критики, а за фестивальным экраном фаворит Канн получил и широкий прокат. Майклу Муру, правда, показалось этого недостаточно для резонанса, и он призвал пиратов бесплатно скачивать его разоблачительный фильм. Харви и Боб Вайштейны (сопредседатели студии «Мирамакс», где была произведена лента) к тому времени уладили главную проблему с продвижением картины у себя в Северной Америке. Они выкупили ее у «материнской» кинокомпании «Уолт Дисней», действительно отказавшейся прокатывать фильм как «чрезмерно политический» и «могущий поляризовать общество», что не в традициях этой компании, ориентированной на все слои населения, и приступили к переговорам с дистрибьюторами.

Вспыхнувший было скандал в связи с нависшей угрозой присвоения фильму категории «R» (запрет для показа детям младше 17 лет без сопровождения взрослых) удалось «загасить». Мур резко настаивал, одновременно клеймя и обличая: «Возможно, что многих 15–16-летних подростков завербуют на службу в Ирак в ближайшие два года. Если они достаточно взрослые для того, чтобы служить в армии и рисковать жизнью, то они, конечно, заслуживают права увидеть, что происходит в Ираке».

Политехнические хитрости Мура

Иракская тема и впрямь подается им в фильме «убойно». Через умиление счастливой жизнью в Ираке до войны (взрослые веселятся на свадьбах или сидят в кафе, а дети запускают воздушных змеев или катаются на каруселях). Через душераздирающие сцены с матерью погибшего там американского солдата, госпитальные съемки, крупные планы убитых американцев, сожжение их трупов, таскание на веревках за грузовиками и сцены издевательств солдат армии США над плененными иракцами.

Создавая и наращивая эмоциональный накал, Мур, правда, частенько «забывает» сообщить зрителям немаловажную часть информации (например, перечисляя участников антииракской коалиции, го-

ворит лишь о «малых и слабых странах», не упоминая ни Великобританию, ни Италию, ни Испанию).

Находясь в своем любимом образе (простак из Флинта с микрофоном), он обличает не только президента, но и сенаторов, обращаясь к ним с провокационным вопросом: «Отдадут ли они собственных сыновей на войну?»

С еще большим напором, «гремя смесью» правды и домыслов, реализуется в фильме и сверхзадача режиссера — разоблачение президента Буша через его личную финансовую заинтересованность в связях с «террористом номер один» бен Ладеном. Здесь используются буквально все средства кино- теле- и радиожурналистики. Никаких прямых обвинений не звучит, как, впрочем, и доказательств, но эффектных намеков на подозрительные обстоятельства — хоть отбавляй. Используется быстрый монтаж, создающий иллюзию подтверждения слов автора. (К примеру, текст многозначительно иллюстрируется пятью кадрами с Бушем, произносящим «Саддам» и пятью, где он говорит «Аль-Каида».)

Внимание зрителя, которое всегда подвижно и легко теряется, постоянно поддерживается опорой на актуальные темы и яркие факты. Повтор ключевых элементов (так называемая, «полезная информационная избыточность») призван способствовать усвоению материала и его запоминанию. Реальность же происходящего воспроизводится путем приоритета живой речи (диалоги и репортажи). Вкрапления, казалось бы, «случайных» ремарок на самом деле возникают вовсе не случайно — они должны снять у зрителя кризис внимания, а на каких минутах «эфира» он возникает, что давно подсчитано теоретиками кино. Главное же — вызвать определенные эмоции, активное отношение к персонажу. К примеру, сообщение о том, что президент Буш в ночь на 11 сентября «спал на тонких французских простынях», несет в себе яркий негативный настрой.

Shot – Countershot, или Контрудар консерваторов

По сути дела, Майкл Мур в своем продукте не придумал и не сочинил ничего нового. Все, о чем говорится или упоминается в фильме, в том или ином виде уже прочитывалось и просматривалось американским избирателем в СМИ. Всякого рода «обличения» уже «звенели» в прессе ко времени выхода киноленты. В данном же случае не столь важно было «блюдо», как момент его «подачи». «Фаренгейт» необходимо было преподнести именно в тот временной отрезок, когда люди более всего нуждаются в информации, когда получение информации становится потребностью для многих, т. е. именно накануне выборов президента. Именно в этот «горячий» момент избиратель

может «заглотить» любую «наживку», именно тогда воздействие поданной информации прямо (играя на интересе и иллюзии соучастия) или косвенно (эмоционально) может быть максимальным.

На эмоциональный разогрев Мур рассчитывал особенно: ведь чувствам, как известно, трудно противопоставить логику или опыт. По словам самого Мура, своим фильмом он «хотел изменить мир». Практически же он оказался не более чем штатным пропагандистом Джона Керри — использование визуальных средств воздействия на аудиторию избирателей широко, привычно и всегда пускается в ход противоборствующими «игроками».

Прибегли к этим же средствам и консерваторы, чтобы адекватно ответить Муру. Общественная организация «Гражданский союз» привлекла к работе известного голливудского кинематографиста Лайонела Четвинда и заказала ему свой фильм. Четвинд фильм снял, озаглавив его «41,11 по Цельсию», имея в виду, что при этой температуре умирает человеческий мозг. Поясняя в прессе выбор названия, режиссер (он же и сценарист) уточнил: «В данном случае речь идет не о жаре, а о “левацкой риторике” Мура. Если слишком много лгать, то мозг просто умирает».

«Цельсий» не задумывался как зеркальное отражение «Фаренгейта», но предполагалось, что противопоставления деятельности кандидатов в президенты будут уместны и мотивированы. Само собой, поэтому фильм затронул многие ключевые моменты деятельности Джона Керри.

Моральный аспект личности политика также не остался без внимания. В эпизоде хроники работы Керри в Сенате, например, зрителям-избирателям напоминают о том, как быстро он менял свое мнение, порой на противоположное, в частности в вопросе о финансировании армии и спецслужб. Буш же в фильме выглядит очень достойно, как и подобает американскому президенту, возглавляющему борьбу с терроризмом и мировым злом.

Руководство «Гражданского союза» работой Четвинда осталось довольным (затраты на производство составили около \$900 тыс.) и высказало надежду, что «здравомыслящие люди уйдут с просмотра этого фильма более подготовленными к ноябрьскому голосованию».

В конце сентября 2004 года «41,11 по Цельсию» был запущен в прокат.

«Медиа-летучки» Белого дома

Лайонел Четвинд выбран консерваторами для реализации «ответного удара» не случайно. Он был одним из тех голливудских знаменитостей, кто принимал участие в консультациях, проводящихся Белым домом с 2001 года с представителями шоу-бизнеса, руководителями

американской кино- и телеиндустрии, продюсерами и видными деятелями Голливуда. Круг вопросов, обсуждаемых во время конференций, соотносился с текущим моментом. Первая такая встреча состоялась в октябре 2001 года и касалась подачи темы борьбы с терроризмом на американском телевидении и создания благоприятного образа США в мире, способствующего лучшему пониманию иностранцами политики Вашингтона.

Белый дом активно инициировал эти спецконсультации, чтобы добиться взаимопонимания с лидерами медиагрупп. По словам того же Четвинда, что-то удалось сделать в этом направлении, правда, «масштабы сотрудничества между Белым домом и Голливудом не достигают уровня Второй мировой войны (после Перл-Харбора в 1941 году власти также обращались к кинопроизводителям с просьбой «поднять боевой дух» американских солдат, после чего кинокомпании США выпустили фильмы «Касабланка», «Это армия», «Торпедоносец»), но оно существует. Голливуд мог бы помочь мусульманам разных стран осознать, что США не являются воплощением сатаны».

Проблема восприятия США в мусульманских странах — предмет особой озабоченности администрации в последние годы. Не секрет, что в арабском мире к Америке относятся враждебно, воспринимают ее как страну «аморальную, где всем правят деньги, не уважаются религиозные традиции» и т.д.

Другими словами, американские власти постарались справиться с задачей не из простых — заручиться поддержкой и даже договориться с самой «коммерческой отраслью СМИ» работать, если не в унисон с администрацией, то хотя бы соотносясь с представлениями бушевской команды по главной проблеме — борьбе с терроризмом. Администрация Буша была более всего заинтересована в одном — как не дать простор протеррористической пропаганде в кино и на телевидении, не прибегнув при этом к административному ресурсу, запретам и нарушению священной для американцев первой поправки к Конституции США, гласящей: «Конгресс не должен принимать законов, ограничивающих свободу слова». Да и наработанная годами практика такова, что «в случае чего» возможность причинить неприятности кино- или телепроизводителям остается гипотетической. Сделать это — опять же гипотетически! — можно разве что через судебное решение, из которого бы следовало, что «кинопродукт выходит за рамки развлечения и побуждает к насилию». В реальности же доказать такое обвинение пока не удавалось никому, даже по частным искам.

Вмешательство же госчиновников в работу независимых СМИ, «столпов» гражданского общества в США, должно быть аргументировано не просто веско, а исключительно серьезно. Резонанс может оказаться слишком мощным.

Современные американские СМИ, включая телевидение, по сути, работают в режиме «саморегуляции» (в особенности после принятых еще в 1960–1970-е годы законов «Об открытости правительства» и «О свободе информации» — «закрытых» тем просто быть не может).

Еще в далекие 1930-е годы Верховный суд признал право регулировать теле- и радиовещание (в связи с ограниченным частотным режимом). Согласно решению, Федеральная комиссия по связи имела право лицензировать вещание «во имя общественного интереса, удобства и необходимости» и следить за тем, чтобы станции служили именно этим целям. Сравнительно недавно конгресс изменил порядок и позволил выдавать лицензии на вещание по результатам аукциона.

Учитывая традиции американского общества, законодатели сегодня предпочитают воздерживаться от установления каких-либо новых норм или специальных правил. Осознавая всю «зыбкость» вопроса в трактовке тех или иных событий и учитывая нарастание антиамериканских настроений, прежде всего, в мусульманских странах, американские власти и решили прибегнуть к помощи тех, кто непосредственно занимается кино и телевидением.

Следующим вопросом, коим озаботилась администрация Буша, стал такой — как укрепить дух нации и донести до народа принципы, которые исповедует Белый дом в борьбе с терроризмом. Соорганизаторами следующей встречи (в ноябре 2001 года) выступила Ассоциация кинематографистов Америки, группа «Виаком Интертейнмент» и кинокомпания «Парамаунт». Конференция прошла в Беверли Хилз, причем в весьма дружелюбной атмосфере. Помощник президента Карл Ров зачитал послание Буша. Президент Ассоциации американских производителей пообещал, что «весь творческий потенциал и усилия персонала Голливуда будут направлены на победу в войне против террора».

Одновременно с Белым домом серию встреч с создателями теле- и кинобоевиков начали проводить и представители Пентагона. Еще до теракта 11 сентября при университете Южной Калифорнии был сформирован Институт креативных технологий, для работы в котором привлекались специалисты индустрии развлечений и видеоигр (в частности, они моделировали и разрабатывали тренажеры для солдат). После трагедии 11 сентября Пентагон провел телеконференцию с рабочей группой института, включая приглашенных кинематографистов, во время которой обсуждались возможные новые теракты на территории страны, которые могли бы быть подсказаны преступникам посредством кино и телесюжетов, ранее созданных кинематографистами и уже пропущенных через широкий экран.

Однако несмотря на состоявшиеся встречи кинематографистов и

телевизионщиков с представителями администрации Буша, вскоре стало ясно, что далеко не все в Голливуде готовы к безоговорочному сотрудничеству. 40 представителей (а таково обычно число участников конференций) — это всего лишь часть империи кино. В большинстве же своем американской киноиндустрией заправляют либералы, традиционно близкие демократической партии. Любое сближение с Белым домом чаще всего воспринимается ими «в штыки», как попытка установить контроль или подобие цензуры. Так, в 2002 году из их числа выделилась группа представителей, организовавшая акцию протеста против специальных законов Буша, направленных на борьбу с терроризмом. Уоррен Битти (постановщик фильма о политической коррупции в США) возглавил «Сеть артистов, которые сопротивляются». Суть их заявления состояла в выражении протеста против облав на исламистов в США и их необоснованного длительного задержания.

В том же году один из самых влиятельных режиссеров Голливуда Стивен Спилберг привлек внимание к себе не только новым фильмом «Особое мнение», но и заявлением для журналистов по случаю выхода картины. Он сказал, что в целом поддерживает кампанию Буша против терроризма и «даже готов временно отказаться от некоторых гражданских свобод». «Но мы, — продолжил Спилберг, — должны задать себе вопрос, куда ведет нас эта политика? Есть черта, которую нельзя пересекать».

Несмотря на сдержанные высказывания режиссера, его фильм «Особое мнение» был истолкован в США как критический по отношению к президенту. Действительно, коллизия картины построена на спорной идее об особых полномочиях полиции, имеющей право арестовывать потенциальных преступников еще до того, как они совершили преступление, что вызвало ассоциации и параллели с доктриной президента Буша, предусматривающей превентивные удары по территориям.

Подобная реакция общества на кинофильмы, телепередачи и т.п., частенько содержащие намеки на то, что «Вашингтон гоняется за террористами-фантомами», побудила американские власти подумать о необходимости перейти от использования привычных приемов пропаганды к методам иным, более современным и более эффективным.

Словом, пришло время поменять пропаганду на более тонкие приемы PR, тем более что террористы используют медийные эффекты весьма широко. Достаточно вспомнить, как время от времени распространяются на весь мир их пропагандистские материалы (например, видеозаписи казни американского журналиста Дэниэла Перла сначала были размещены в Интернете, после чего появились на телевидении США, а затем и других стран).

Строительство имиджа США – «Аль-Арабия» versus «Аль-Джазира»

Работа катарского спутникового канала «Аль-Джазира», вышедшего на международный рынок после терактов 11 сентября и начала афганской операции США, постоянно вызывала небезосновательное недовольство Белого дома. Эксклюзивные скандальные интервью и «приветствия» Усамы бен Ладена через «Аль-Джазиру» в адрес исполнителей различных терактов, прямые включения с мест боевых действий (афганский корпункт успешно обеспечивал возможность талибам донести свое мнение до мира, а позднее и корпункт в Багдаде стал одним из самых крупных структурных подразделений канала) вызывали любопытство у западных зрителей и полное доверие к «своему» телеканалу большинства арабов.

После того как «Аль-Джазира», воспользовавшись помощью австралийского магната Руперта Мердока (он предоставил платформу «Скай Дижитал»), начала трансляцию новостей на английском языке, возникла острая необходимость приглушить эффект от работы этого конкурента. «Си-Эн-Эн» в срочном порядке создала противовес – службу вещания на арабском языке. Но «Аль-Джазира» заявила, что собирается не только дублировать новости на английском языке, но и развивать полноценную английскую версию своих программ, увеличить число корпунктов на Западе (коих и без того уже насчитывалось 27) и предоставить свой логотип для использования товаров класса «люкс».

Резонанс в связи с обликом США, создаваемым катарским каналом, в первую очередь, в арабских странах, мягко говоря, не вызывал энтузиазма в Белом доме с первого дня появления «Аль-Джазиры» (основана в 1996 году). Администрация Буша неоднократно высказывала катарским властям, субсидировавшим канал, свое недовольство антиамериканской направленностью вещания «Аль-Джазиры». Время от времени ретрансляция этого канала приостанавливалась в Египте и Иордании, но ненадолго. Тем не менее сама «Аль-Джазира» периодически заявляет протест властям США, обвиняя их в «нарушении свободы прессы» то по поводу почти губительной атаки хакеров на сайты телекомпаний (ежедневное посещение – 290 тыс. американских пользователей), то в связи с лишением аккредитации ее журналистов на Нью-Йоркской фондовой бирже и на бирже Насдак на Таймс-сквер.

Более сбалансированно складываются отношения США с другим арабским вещателем и конкурентом «Аль-Джазиры» – общеарабским телеканалом «Аль-Арабия», штаб-квартира которого расположена в Дубае. Сравнительно новый канал является подразделением

частной саудовской компании Middle East Broadcasting и получает поддержку правительств Саудовской Аравии, Иордании, Кувейта и некоторых других арабских стран. По словам сотрудников «Аль-Арабии», канал не гонится за сенсационностью, как «Аль-Джазира», но старается подходить к изложению новостей более взвешенно и беспристрастно.

Лидеры антииракской коалиции и американские военные теперь предпочитают высказываться перед телекамерами именно этого арабского канала, а не «Аль-Джазиры», чем пытаются понизить рейтинги последней. Понятно, что в этом контексте противники «Аль-Арабии» частенько называют независимость канала «мифом». Между тем канал подробно освещает и точку зрения иракской оппозиции.

Поговаривают, что создание общеарабского канала телевидения («Аль-Арабия») стало ничем иным, как венцом усилий бушевской администрации через «друзей» на Ближнем Востоке. Это похоже на правду, учитывая линию администрации на приоритет более гибких PR-методов в своей информационной работе. Грамотное же использование медийных технологий в современных условиях противостояния культур может оказаться гораздо действеннее любой дипломатии. Тем более что готовность к «движению навстречу» США проявляют и многие умеренные лидеры мусульманских стран. Мы уже упоминали отношение руководства Египта и Иордании к работе «Аль-Джазиры», добавим, что в Саудовской Аравии запущена целая программа по реабилитации страны в глазах американцев (как известно, среди угонщиков самолетов в 2001 году было 15 саудовских граждан); любопытно также, что и руководство Союза палестинских журналистов потребовало от политических партий в автономии перестать использовать детей в пропагандистских целях, запретить фотографам снимать палестинских детей с оружием в руках или одетых как террористы-смертники.

Шаги по налаживанию взаимодействия администрации с визуальными СМИ оказались достаточно продуктивными. По мнению аналитиков, снизить уровень неприятия американцами представителей арабской диаспоры в самих США удалось во многом благодаря телевидению. Например, в качестве прямой пропаганды (практически рекламы) использовались телевизионные ролики, демонстрирующие счастливое детство мусульманских учеников в американских школах. Косвенное воздействие на зрителей осуществлялось через подачу текущей информации (в теленовости «врезались» куски из репортажей журналистов, специально приглашенных из арабских стран «по обмену» для освещения предвыборной кампании этнического араба, баллотирующегося на пост мэра небольшого городка в Нью-Джерси).

«Мур ненавидит Америку»

Трагедия 11 сентября и последовавшие за ней события (боевые действия в Афганистане и Ираке) постоянно наращивали политизацию американского общества. Домашние кинотеатры у американцев стали отражением «театров военных действий». Привыкшие еще со времен «Бури в пустыне» (1991 год) к прямым включениям с места событий, телезрители ожидали того же и на этот раз, по крайней мере, от «грандов» новостного телевидения «Си-Эн-Эн», «Эн-Би-Си», «Фокс Ньюс». Они получили это, но и отметили некоторые изменения в работе каналов. Например, на «Эн-Би-Си», третьим по популярности в США среди новостных, внезапно была закрыта программа либерально настроенного Фила Донахью — «из-за невозможности соперничать с аналогичными программами канала». Однако вскоре просочилась информация внутреннего пользования, из которой следовало, что руководство недовольно Донахью из-за его настойчивого желания приглашать на свои шоу противников военных действий, что выглядело «непатриотично». Программу стали вести Майкл Сэвидж (придерживается правых взглядов) и Дик Арми (длительное время был лидером республиканцев в конгрессе).

Элементы присутствия политической борьбы в телепродукции стали порой весьма очевидны.

Однако же, сколько бы не пикировались сторонники и оппоненты Буша в вопросе войны, американцы делали свои выводы и «голосовали кнопкой». В 2003 году самым популярным новостным вещателем стал канал «Фокс Ньюс», входящий в империю Руперта Мердока (активного сторонника войны в Ираке), опередив «Си-Эн-Эн», что весьма наглядно отражало умоностроения большинства американцев, поддержавших военные планы Буша. Помимо новостей на канале-лидере шло несколько политических ток-шоу, также получивших большую популярность у зрителей. Представители администрации Буша были едва ли не самыми активными участниками программ. Три четверти американцев на тот период поддерживали войну в Ираке.

В 2004 году главным событием для американцев стали президентские выборы. По статистике, к апрелю, через год после свержения режима Хусейна в Ираке общеамериканский консенсус в вопросе отношения к войне в Ираке пошатнулся. 54% американцев уже не так безоговорочно приветствовали решение президента Буша начать там войну, и даже повысилось ожидание новых терактов, в чем они уже заведомо спешили обвинить Буша. К июню большинство американцев высказывали опасения, что война в Ираке «сделала американцев более уязвимыми».

25 июня в США вышел в прокат «Фаренгейт 9/11» Майкла Мура.

Билеты в кинозалах были распроданы за несколько дней до показа. «Пиаровский пакет» сработал безотказно и избавил ленту от трудностей «самохода». За первый же уик-энд «Фаренгейт» собрал \$23 млн. — неплохой показатель даже для игрового кино. В общей же сложности сборы от фильма стали рекордными — \$150 млн.

Ближе к осени в антибушевское движение включились музыканты. Впервые со времен Вьетнама зазвучал протестный рок. Но если песни эпохи Вьетнама несли в себе антивоенный смысл, то современные рок-мелодии были нацелены на изгнание Джорджа Буша из Белого дома. «Всегда были протестные песни против президента, — писала газета “Сандей геральд”, — но никогда они не были того уровня ядовитости, который мы видим сейчас. Это не уличные рэпперы и гаражные панк-банды, которые жаждут, чтобы Буш не сидел в Белом доме. В битве за американские голоса в этом году звучат традиционные рок-н-рольные гитарные аккорды во спасение кандидата от демократов Джона Керри».

По мере продвижения избирательной кампании (сентябрь-октябрь) и приближения к голосованию 2 ноября позицию «за» или «против» вынужден был занять каждый американец. К этому времени, правда, Керри изрядно подкорректировал свои внешнеполитические взгляды, усилив провоенную риторику, приблизившись тем самым к позиции Буша в иракском вопросе. Это вызвало некоторое замешательство у избирателей, но не сказалось на их явке. За последние 40 лет явка оказалась самой высокой — 60,7%.

Аналитики отмечают, что вызвана она была накалом предвыборной кампании, а также явным доминированием «внешнеполитических вопросов, резко разделивших американское общество на два лагеря».

Американский онлайн-журнал «Стэйт», принадлежащий компании «Майкрософт», опубликовал данные exit polls (что в России, кстати, запрещено законодательно и не очень одобряется в мировой практике). Акция журнала была воспринята в США критически, и аналитики из Гарварда заявили свое недовольство публикацией, хотя и выразили уверенность, что «люди голосуют, руководствуясь реалиями своей жизни, а не тем, что им говорят какие-то репортеры».

Выборы президента США прошли давно, и итог их известен: 3 млн. избирателей (а именно таково число «перевеса» Буша) — это, по оценкам специалистов, совсем немало. Особенно, если учесть эволюцию и возможные перемены в общественном сознании американцев, на которые рассчитывали демократы. Весьма красноречив тот факт, что ни фильм, ни книга-обращение (естественно, к Бушу) Майкла Мура «Где моя страна, чувак», ставшая также бестселлером, ни протесты музыкантов, ни даже брань любимых голливудских звезд (например, Вупи Голдберг отличалась в Радио-сити мюзик-холла, в нецензурной форме отзываясь о Буше) не «развернули» большинство избирателей в сторону Керри.

Сетевой журнал Film Threat опубликовал ежегодный список «самых тусклых звезд кинематографа» и «наименее интригующих представителей кино». Майкл Мур был признан победителем в этой номинации в 2004 году. Журнал назвал его «типичным либералом в лимузине, проявляющим деланную заботу о народе». По мнению журнала, «с одной стороны, его фильм «Фаренгейт 9/11» призывал демократов прийти на избирательные участки, а с другой — эта лента консолидировала сторонников Буша».

Майк Уилсон выпустил «ответ» режиссеру Муру — документальный фильм (практически *inverso*) под названием «Майкл Мур ненавидит Америку».

По-видимому, именно так и решило большинство американцев, отдавших свои доллары прокатчикам «Фаренгейта 9/11», а голоса — президенту Бушу.

Комментарий социолога

Величие и ограниченность политехнологий

Размышления Инны Шумиловой заставляют вспомнить годы, когда складывалась вера в тотальную формовку человеческих мнений.

Когда в конце 30-х годов прошлого века радиоккомпания «Коламбия» посеяла панику, выдав инсценировку романа Г. Уэллса «Война миров» за сообщения о фактах, якобы имевших место в реальности, многие политики решили, что настало время инспирируемых «технологиями» массовых психозов. Возникло ощущение, что поток искусственно создаваемых образов может деформировать массовые представления в любом направлении. Так родилось представление о безграничных возможностях манипулирования мнениями людей.

В 1943 году американская радиозвезда Кэт Смит обратилась к слушателям с призывом приобретать военные облигации и добилась невероятного успеха. Миллионы женщин мгновенно отождествили себя с образом, который диктовался звучащим из приемников голосом и который одновременно вырастал из внутреннего мира радиослушательницы. Богатую актрису, не имеющую семьи, сочли за скромную и бережливую хозяйку, за мать, встревоженную опасностью, которая угрожает ее детям.

Так что же, создатели передачи сознательно стремились к такой мистификации? Ничего подобного. Она возникла стихийно, в результате коллективного заблуждения слушателей.

Случай с Кэт Смит, с ее радиомарафоном, может до конца объяснить лишь реальная ситуация, сложившаяся в Америке в канун военного кризиса, когда миллионы смятенных людей искали спасения в символах семьи, дома, прочного домашнего быта.

Однако в последующие десятилетия родилась гордыня манипулятивно-

го знания, которая в наши дни приняла характер массовой паранойи. Множится число политехнологов. С восторгом описывается отличная дрессура политических кампаний. С огромным энтузиазмом выявляются «безграничные» ресурсы пиара. Классифицируются приемы и приемчики, обеспечивающие будто бы гарантированный успех любой акции. Отдельные неудачи мгновенно списываются за счет «непрофессионализма» случайных лиц в политической элите манипуляторов.

Американский режиссер Майкл Мур подготовил своеобразное пропагандистское грибовидное облако. Сейчас выйдет фильм, и Буш будет буквально смят, а республиканцы растоптаны. Умопомрачительный монтаж, безупречная логика сенсационных разоблачений, лихая выстроенность фактов. Проблема только в том, чтобы поспеть к выборной президентской кампании, а затем отпраздновать победу.

Увы, облако поднялось, но никого не испепелило. Буш остался в Овальном кабинете. Непростительный просчет или ограниченность манипуляции в целом? Не имеем ли мы дело с иллюзорной управляемостью массового поведения? Еще недавно создавались курсы общественного мнения, на которых изобличались американские телемагнаты. Зрителей учили разгадывать скрытые замыслы манипуляторов. Политехнологии были окружены ореолом тайной власти. В обществе господствовала вера в магию слов, порождавшая нередко страх перед массовым внушением. В той же плоскости лежали и выводы об иллюзорном характере коллективных мнений, о неспособности индивида, инкорпорированного в толпу, к трезвому мышлению.

Сегодня становится очевидно, что влияние манипуляции опосредуется огромным количеством фактов, которые сводят на нет ухищрения в области психологического воздействия на аудиторию. Воздействие «сверху» через средства массовых коммуникаций наталкивается на какие-то реальные барьеры, выдвигаемые сознанием индивида. Оно, оказывается, может быть конформным и неконформным, податливым и устойчивым, открытым внешнему воздействию и ригидным, замкнутым. Фиксируемые всплески коллективных настроений выглядят разнородными не только по своей социальной направленности и содержанию, но и по конкретным проявлениям.

Индивидуальное сознание «массового человека» оказалось сложным сплетением различных установок: на этом уровне крайне трудно найти «ядро» тех или иных психологических стандартов. Также далеко не всегда наличие образцов, которые навязывает манипуляция, можно обнаружить в поведении малой группы. Видимо, поведение и индивида, и группы, и массовых аудиторий обуславливается различными системами ритуалов, кодексов, нравов.

В исследованиях социологов источник избирательности индивидуального сознания по отношению к навязываемым ему «мнениям» сегодня не-

редко усматривается в рудиментарном действии норм, ценностей, установок социальной группы, к которой индивид принадлежал ранее. Последнее означает, что само противостояние личности конформизму сегодняшнего дня есть не более чем конформизм дня вчерашнего. Круг замыкается, сознание выглядит «странным» на всех уровнях. Иррациональность равно обнаруживает себя и в его податливости, и в его неподатливости, в его внешесоциальных проявлениях, и в его интимных глубинах.

В рядах современных диагностов общественного сознания царит растерянность. Термин «конформизм» приобретает чрезвычайно широкое истолкование. Под ним подразумевают и ориентацию на чужие мнения, и тенденцию к «массовизации», и неспособность к трезвому анализу фактов, и социальное приспособленчество, и всевластие коллективных стереотипов, и слепой диктат бессознательного над сознательной психической жизнью.

Выходит, что успех фильма Мура и его ничтожно слабое воздействие на общественное сознание можно считать парадоксальными, необъяснимыми. Провал попыток «свалить» Буша был бы понятным, если бы фильм вызвал разочарование, протест, негодование. Но ведь всего этого не было.

Налицо загадочная ситуация. Очевидные признаки кризиса манипуляции, с одной стороны, и экспериментально обнаруженный и теоретически обоснованный конформизм на всех уровнях сознания — с другой. Получается, что одно и то же реальное состояние общественного сознания описывается с помощью взаимоисключающих утверждений. Блеск манипуляции равно подтверждается и ее ограниченностью.

Между тем уроки, связанные с разбором полетов вокруг фильма Мура, очевидны. Индивидуальное сознание все же опирается, прежде всего, на фундамент прочных и достаточно реальных жизненных представлений. Простой американский фермер не утрачивает здравомыслие, когда речь идет о ценах на зерно, а горожанин не заблуждается относительно достоинств школы, которая находится в его квартале.

Политтехнологи забывают, что политические установки людей могут формироваться под влиянием непосредственных условий жизни, на основе стихийно складывающегося социального опыта.

Там, где манипуляторы толкуют о косности бытового сознания, во многих случаях можно видеть здравый смысл. Его результаты далеко не всегда проводятся с логической последовательностью. Зато именно этот запас жизненного опыта служит защитной реакцией по отношению к вольным или невольным провокациям, к различным инспирациям господствующей идеологии, к прожектерским или просто дезориентирующим действиям верхов. Массовое сознание, сбрасывающее фикции манипуляции, нередко выступает против них во всеоружии своей «непонятливости».

История человечества полна примеров, когда самые изощренные приемы манипуляторов неожиданно разбивались о наивно-трезвые представления рядовых людей. Социальные авантюристы, герои фразы нередко терпели крах, столкнувшись с «мужицкой наивностью» и житейским практицизмом, простотой нравов и элементарной логикой.

Сколь это ни элементарно, мы и в нашей российской реальности сталкиваемся с безоглядной верой в административный ресурс, в непреложность политехнологии и ее организационных усилий. Кому-то наверху мнится, будто нужно вовремя подсутиться и противопоставить общественному негодованию «мнение», выстроенное по заказу и призванное «утишить» народное неудовольствие. Кому-то кажется, что полоротая наивность народных масс — очевидный факт.

Последние социальные реформы, проводимые в нашей стране, как известно, предварялись телевизионными показами счастливых пенсионеров, радостно подсчитывающих денежные потоки взамен утраченных льгот. Демонстрации протеста обездоленных слоев населения «перекрывались» картинками мудрых и законопослушных граждан, выкрикивающих пропутинские лозунги. И политехнологам казалось, что они сумели запутать общественное мнение, представить общественные события под углом зрения законности различных мнений, бытующих в обществе. Но если говорить по существу, эти организационные усилия можно расценить с позиции здравого смысла как политический цинизм, оруэлловский приемчик.

Психологическая усталость масс — многозначный феномен. Люди в немалой степени способны отличать расчетливые политические филиппики и стоящие за ними своекорыстные интересы. Политическое киллерство утрачивает привлекательность. Рядовые граждане, при всей своей внушаемости, без труда догадываются, что подлинная забота о благоденствии народа не обязательно должна рядиться в государственный патернализм, в мнимую зачарованность реформаторских авантюр.

И вот все чаще вызывает простая истина: хотите получить голоса, оставьте наивную веру в «незрелость» масс, в тотальную внушаемость, в органическую неспособность людей понять, на какой тверди они стоят.

Там, где манипуляторы фиксируют асоциальность личности, на самом деле можно обнаружить глубинную трезвость, которая возникает как следствие разочарования в реальности. Само конформное поведение все чаще оказывается лишь стадией, преходящей иллюзией человека, который временно принял «идола» за «бога».

Павел Гуревич, доктор философских наук, профессор

Валерий Сидоров

РОССИЯ: ВИТЯЗЬ НА РАСПУТЬЕ

В советские времена весьма популярными были анекдоты про деда Гришака, эдакого современного деда Щукаря. Известен он был своими простодушными вопросами на злободневные политические темы. Так, однажды лектор обкома партии заявил колхозникам: «Одной ногой мы прочно стоим в социализме, а другой — уже шагнули в коммунизм». На что дед Гришак недоуменно спросил: «А не тяжело так, в раскоряку-то?». Ехидно, но точно, и в аккурат про современную Россию.

В применении к великой державе как-то несолидно использовать подобные анекдоты. Скажем приличнее: Россия сегодня — витязь на распутье... Витязь, правда, невесел, и на лошади едва сидит, и развилку еле видит, и никак не может определиться, по какой дороге двигаться.

Считается, что Россия окончательно порвала с социалистическим ведением хозяйства и коммунистической идеологией. Частично (именно, частично!) это правда. Мы ушли от административно-командной системы в среду рыночных отношений, громко заявили о выборе демократичного образа жизни, признали верховенствующими общечеловеческие ценности. Но все эти основополагающие принципы российской государственности, которые начали утверждаться еще со времен горбачевской перестройки, так и не превратились в доминирующие нормы жизни и деятельности населения.

Это идеи, которые до сих пор не овладели массами.

Крах либерализма

История постсоветской России отчетливо делится на два периода.

Первый (ельцинская эпоха) — безудержное и бездумное насаждение идей либерализма. «Чикагские мальчики» команды Гайдара, по существу, выполняли одну задачу: уничтожить в экономике все, что так или иначе было связано с социализмом. Быстрее, полнее, безвозвратно... Приватизация — любой ценой, без всяких гарантий повышения эффективности производства и роста конкурентоспособности

продукции. Устранение государства из управления экономикой, парад суверенитетов удельных князьков. Максимальное извлечение прибылей крупными собственниками и направление всех ресурсов в сферу финансовых спекуляций.

Итог оказался сокрушительным. Суммарные потери экономики России за 1992–2000 годы превысил в 2,5 раза потери СССР в годы Великой Отечественной войны.

Ни в одном секторе не было достигнуто позитивных результатов. Много, например, говорится об административном таланте А. Чубайса. Но вот итоги его деятельности в РАО ЕЭС России». Россия сейчас потребляет электроэнергию около 4 тыс. кВт·ч на человека, в то время как США — 12 тыс., Канада — 16 тыс., Норвегия — 24 тыс. Упавшая в несколько раз производительность труда в отрасли восполнена ростом цен на электроэнергию, что, в свою очередь, приводит к мультипликационному росту цен на товары и услуги.

То же и в целом по топливно-энергетической сфере. Объем нефтедобычи составляет всего 60% от уровня 1990 года, а численность работников возросла вдвое. Энерговооруженность труда снизилась на треть, зато в 2,5 раза (почти 50% добычи) возрос экспорт нефти и газа.

Вспомним, кстати, как на митингах 1990–1991 годов наши правые обличали коммунистов в расхищении сырьевых ресурсов страны.

Но самый страшный удар был нанесен по социальной сфере.

Не так давно правые СМИ торжественно отмечали 10-летие правительства Гайдара. Ни малейшего сомнения, самокритичности, какого-то покаяния. На общем патетическом фоне у одного Г. Бурбулиса хватило смелости и совести признать: «Мы были преступно равнодушны к социальным последствиям реформ».

Итоги в этой части реформ известны: по внутреннему производству, а значит, и по реальному богатству населения Россия скатилась к уровню 1960 года, по интегральному показателю МОТ — индексу развития человеческого потенциала (продолжительность жизни, образование, доходы) оказалась в шестом десятке стран.

Накануне реформ Россия (не СССР, а именно РФ) уступала по валовому продукту США в 4 раза, Японии — в 2 раза. К 2000 году: США — в 17 раз, Японии — в 5 раз, Германии — в 3 раза и Индии — в 2 раза.

Особенно сильно СССР уступал Западу в продуктах питания и товарах народного потребления. Но в постсоветской России ситуация еще хуже. В 1985 году потребление мяса в РСФСР было 78 кг на человека, в 2004 году — только 48 кг. Молока, соответственно 390 и 231 литр. Помните, как изгалялись либерал-реформаторы в 1990-х над дешевой докторской колбасой по 2 р. 20 коп.? В 1985 году при средней зарплате в 201 рубль на 1 человека покупалось 83,5 кг «просовковой колбасы». Сейчас, когда Росстат уверяет, что средняя зарплата по

стране достигла 7541 руб., докторской колбасы на едока приходится 63 кг. Цена колбасы возросла в 100 раз! И немудрено: в 1985 году в России было 60 млн. крупного рогатого скота, в 2004 году нет и 25 млн.

Но есть и неоспоримые «достижения»: в 1985 году на среднюю зарплату можно было купить 48 бутылок водки, сейчас — 82! При таком питие и любые реформы покажутся благом.

Упавшее вдвое промышленное и сельскохозяйственное производство, доведение до нищеты 40 млн. россиян, развал науки, здравоохранения, девальвация образовательных и профессиональных стандартов, небывалая смертность населения, лавина наркомании — цена, которую заплатила Россия за эксперименты реформаторов, которым больше всего на свете мешал их собственный народ.

Путинский поворот

После бесславного ухода Ельцина некоторое время Россия катила по прежней колее. Путин действовал предельно осторожно — и в силу ограниченного опыта государственного управления, и потому что не мог сразу отделаться от пут «семейки». Тем не менее к 2005 году он заметно усилил свои позиции, внес в реформы существенные поправки, освободился от наиболее одиозных фигур в Кремле и Белом доме.

Среди наиболее заметных достижений последних 5 лет и особенно 2004 года можно отметить повышение роли государства в управлении экономикой; начатый процесс перераспределения природной ренты в пользу всего общества; высокие темпы роста ВВП; возобновление устойчивого оборонного заказа; неизменно высокий уровень превышения экспорта над импортом и рост валютных резервов страны; повышение кредитно-инвестиционного рейтинга России: за последние 4 года кредитный портфель увеличился в 6 раз, а объем потребительского кредитования — в 17 раз.

Удалены от власти олигархические кланы, подчинившие себе государственную власть. Прекращено крупномасштабное разворовывание общенационального богатства, проведенное в ходе криминальной приватизации и финансовых афер. Повысилась политическая стабильность, восстановлено конституционное и правовое пространство. Пришло понимание того, что закрепленное в Конституции определение России как социально ориентированного государства не может быть пустым звуком.

Наконец, начали складываться цивилизованные отношения в триаде «власть — общество — бизнес».

Тем не менее в 2004 году проявились серьезные издержки реального курса. И это не только снижение темпов роста ВВП, неудачно проведенная «монетизация» льгот, робость правительства в дальней-

шем реформировании системы налогообложения и т.п. Речь — о более фундаментальных вопросах, в том числе — о решительном отходе от либерально-монетаристских концепций.

Сложившаяся в обществе и государстве ситуация стала в последние месяцы предметом широкого обсуждения ученых и практиков.

Среди работ, обосновывающих необходимость решительного отказа от постулатов монетаризма и анализирующих альтернативные пути реформ, особого внимания заслуживает полномасштабный и глубоко аргументированный труд «Стратегический ответ России на вызовы нового века», вышедший в 2004 году под руководством одного из ведущих ученых-экономистов нашей страны Л. Абалкина.

Этот труд, а также другие изыскания научного сообщества приводят нас к весьма безрадостному выводу о том, что в основе нынешнего экономического роста (несмотря на все восторженные декларации) практически нет соответствующего увеличения объемов производства, нет структурных сдвигов в пользу конкурентоспособной продукции и наукоемким технологиям, нет мотивации населения к производительному и качественному труду.

Надо откровенно признать, что до сих пор Россия развивается за счет ресурсов советского времени. Но факторы экономического роста прошедших лет исчерпываются. Особенно тревожно, что продолжается стремительное старение основных фондов, а темпы их обновления снизились до 1,5%. В отдельных отраслях степень физического износа машин и оборудования достигает 75%, и при этом никакой реально значимой инновационной политики в стране не наблюдается. Недопустимо высокой остается зависимость экономики от конъюнктуры мирового рынка в сфере сырьевых ресурсов.

Одна из причин сохраняющегося положения заключается в том, что курс, начатый президентом В.В. Путиным 5 лет назад, продолжает встречать серьезную оппозицию не только среди олигархических кругов, но даже в рядах его собственной команды.

Речь идет, прежде всего, о действительно реализуемой политике экономического блока правительства в лице Германа Грефа и Алексея Кудрина. Их предложение в декабре 2004 года считать правительство недееспособным — это, по существу, ультиматум президенту. Весьма показательно, что эти заявления прозвучали на праздновании пятилетия Центра стратегических разработок — административного монстра, полностью оторванного от реалий России. К сожалению, ультиматум фактически остался без ответа.

Если уж и говорить о чьем-то недееспособности, то речь следует вести, прежде всего, об этом Центре, так и не сумевшем (или не пожелавшем) за 5 лет выполнить главное поручение президента: разработать стратегическую программу развития России, определить приори-

теты экономического и социального развития, предложить пути финансирования важнейших преобразований.

Вся деятельность Центра за истекшие годы, политика, которую реально проводят Герман Греф в Минэкономразвития и Алексей Кудрин в Минфине, свидетельствует, что налицо попытки реанимировать обанкротившуюся политику либералов-монетаристов, продолжить линию на дальнейшее устранение государства из экономики. Все принимаемые программные документы Минэкономразвития остаются в русле концепций так называемого «Вашингтонского консенсуса» — программы, разработанной экспертами международных институтов как стандартной, стабилизационной и трансформационной для развивающихся стран и стран с переходной экономикой. Она потерпела полное международное фиаско, и от нее открестились все ведущие специалисты мира.

Как подметил Нобелевский лауреат Дж. Стиглиц, у этой религии вся паства — только ее духовенство.

«Неогайдаровцы», а к их числу, помимо Грефа и Кудрина, смело можно отнести наших правых (Немцова, Хакамаду), таких апологетов либерал-монетаризма, как Ясин и Илларионов, всеми средствами сопротивляются прямому и даже косвенному (через банки развития) участию государства в решении инвестиционных задач (как в инфраструктурных, так и промышленных отраслях), повышению его роли в управлении госсобственностью.

Нас пугают «ужасиками» на тему якобы неизбежного при этом «планово-социалистического подхода».

Это далеко не тождественные понятия. Нобелевский лауреат по экономике П. Самуэльсон в своем известном учебнике охарактеризовал американскую экономику как «смешанную систему государственного и частного предпринимательства». Значительную часть американской экономики занимают «народные предприятия», где все акции принадлежат только работникам этого предприятия.

О рыночном регулировании как реальном механизме управления развитием страны не идет речи ни в самих США, ни в Японии, Корее, Франции, Германии, Швеции и многих других странах.

Российская академия госслужбы и Экспертный институт РСПП провели опрос предпринимателей по поводу оценки ситуации в России. В экономической, политической и социальной сферах нынешнюю ситуацию и на ближайшую перспективу (1–2 года) большинство оценивают как стабильную. Зато взгляд на более далекую перспективу (5–10 лет) намного более тревожен: как нестабильную ее оценивают 80% в экономике, 60% — в политике, 90% — в социальной сфере.

Еще мрачнее оценивает положение дел в стране население. По данным ВЦИОМ, в начале 2005 года число неудовлетворенных жиз-

нию россиян возросло до 50%, а число удовлетворенных — до 25%, 40% считают, что Россия идет не туда.

Каковы причины ощущения надвигающейся грозы? В том, что макроэкономическая ситуация остается неясной: ни президент, ни правительство, ни «партии власти» до сих пор не дали убедительного ответа о стратегических приоритетах развития страны, модели нашего будущего.

Характерно, что топ-менеджеры западных фирм, работающих в России, также считают одной из неотложных задач президента Путина разработку «национальной стратегии, опирающейся на широкую общественную поддержку». Поучительный пример показывает Казахстан, где по инициативе и под руководством президента Назарбаева в 1997 году была принята стратегия социально-экономического развития до 2030 года, которая обеспечивает динамичное функционирование производства.

Этим же путем идут и все развитые страны. В тех же США разработана стратегическая программа развития страны на 50 лет вперед.

Куда идти России?

Лидеры двух ведущих западноевропейских стран Великобритании и Германии Т. Блэр и Г. Шредер, опубликовали за своими подписями «Социал-демократический манифест». Он вобрал в себя основные достижения социалистической мысли на рубеже тысячелетий, итоги долголетних споров теоретиков и практиков Социалистического интернационала, определил принципы модернизации социал-демократии. Его краеугольным камнем остается тезис о том, что главными ценностями социал-демократов остаются: «честное отношение, общественная справедливость и равенство возможностей, свобода, солидарность и ответственность по отношению к другим». В то же время преданность историческим достижениям и ценностям должна сочетаться с волей к перемене некоторых позиций и установок.

Целевая установка модернизации: «Мы поддерживаем не рыночное общество, а рыночную экономику». Здесь — водораздел между социал-демократами и либералами. Это различие и Т. Блэр, и Г. Шредер определяют как «третью дорогу» Великобритании и Германии.

Изложенные в манифесте концепции развития социал-демократизма почти полностью соответствуют традициям и интересам России, менталитету ее населения.

Что должно являться главной целью реформ в России? В физике есть такой универсальный и всеединый показатель — изменение энтропии. Она определяет равновесие систем.

В экономике (которая, согласно понятиям классической политэкономии, никогда не бывает отделимой от социальных отношений —

«экономическое не существует вне социального» — Ленин) также существует главный показатель ее эффективности — уровень благосостояния населения. Благосостояния, которое измеряется не только материальным достатком, но и возможностями качественного образования, здравоохранения, культурой, безопасностью, социальной защитой, свободой и справедливостью.

Благосостояние граждан всегда было «ахиллесовой пятой» и Советского Союза, и современной России. Если называть вещи своими именами, то мы сохраняли и сохраняем один из самых высоких в мире уровней эксплуатации работающего населения. Доля оплаты труда составляет не более 10% в стоимости товара, в то время как в развитых странах она достигает 25–30%. Ужасающий уровень нищеты, особенно среди сельского населения, в малых городах и поселках, среди многодетных и неполных семей, пенсионеров. При этом, как ни парадоксально, основная часть бедных среди работающих по найму (более 50%).

Не собственность создает благополучие страны и не она определяет эффективность экономики. В основе процветания лежит труд, его полновесная оплата. В России труд миллионов сограждан — бросовый товар, а в вопросах преодоления бедности — одни декларации. Когда МРОТ увеличивается за год на 100 руб., а инфляция трижды съедает все доходы — всеобщая бедность неизбежна. Когда официальная статистика утверждает о повышении доходов населения — это «средняя температура по больнице». Разрыв между 10% самых богатых россиян и 10% самых бедных превысил 50 раз, стремительными темпами растет число миллионеров и их капитал. Остальное население получает доходы ниже или чуть выше прожиточного минимума.

По международным нормам, бедность начинается при уровне доходов ниже \$4,3 в день по постоянному паритету покупательной способности. Напомню, что официально установленный МРОТ у нас — менее \$1 в день, а около 20 млн. россиян не имеют даже таких доходов.

Почему в дискуссии о путях экономических реформ приходится начинать с таких проблем, как бедность? Потому что нравственное состояние общества прямо влияет на эффективность производства. Проблемы повышения уровня жизни, снижение масштабов и рисков бедности имеют прямое отношение к бизнесу, так как прямо влияют на мотивацию к труду, его производительность. Характер и результаты ведения бизнеса связаны с зарплатой, качеством и числом рабочих мест, структурой занятости, объемами налогов, формирующих и социальный бюджет государства.

Был такой горький анекдот: «Советские — счастливые люди, потому что они даже не знают, насколько плохо они живут». Россияне это уже знают, потому что за годы постсоветских реформ при росте ин-

декса потребительских цен в 10 раз реальная зарплата уменьшилась в 1,3 раза, пенсии — в 1,4 раза, реальные доходы — в 1,2 раза, и уровень этих доходов составляет менее 50% от уровня 1991 года.

Опережающими масштабами растут неденежные аспекты бедности, такие как неравенство в получении образования, медицинских услуг, безопасности, культурных благ. То же высшее образование становится откровенно элитарным — 80% студентов из обеспеченных семей. Резко сократились возможности населения и в получении качественной профессиональной подготовки.

Реформы нанесли глубокий психологический удар по сознанию россиян, крайне негативно сказались на мотивации к труду. О числе разочаровавшихся во всем и вся россиян говорит хотя бы факт протестного голосования на выборах. Так, если в 1995 году на выборах в Госдуму было только 69 избирательных округов, где победил кандидат «против всех», то в 1999 году их было уже 170, а в 2003 году — 2005!

Сегодня становится все более очевидно, что без рывка из нищеты, без существенного роста благосостояния граждан Россия окажется в обозе мировой экономики. Если хотите, то именно «прыжок из нищеты» и должен стать национальной идеей современной России, смыслом и целью проводимых реформ.

Нелишне вспомнить, что «немецкое послевоенное чудо» началось с энергичных усилий правительства Людвиг Эрхарда по подъему покупательной способности населения. Именно этот подъем — единственно реальный шанс развить малый и средний бизнес, переориентировать производство на приоритет внутреннего потребления. Без этого любые реформы обречены на провал.

Фальсификация вокруг монетаризации

Манипулирование общественным сознанием со стороны части правительства (Греф, Кудрин, Зурабов) отчетливо проявилось в вопросе о монетаризации льгот.

Вспомним, откуда финансировались льготы в СССР. Из стоимости товара (точнее — из прибавочного продукта) лишь 10% шли на зарплату, еще примерно столько же — в общественные фонды потребления. Таким образом, реально наемный работник оплачивал и свои льготы, и льготы остальных неработающих категорий в здравоохранении, образовании, отдыхе, социальном обеспечении.

После 1991 года общественные фонды, как известно, были фактически ликвидированы, а их образующая часть (в виде отчислений из зарплаты работающих) ушла в прибыль работодателя, владельца предприятия, государства. То есть схема финансирования льгот осталась прежней, правда, с учетом того, что на частных предприятиях эти от-

числения ушли в дополнительную прибыль владельца. Степень же эксплуатации наемного работника оставалась прежней.

Что же делает в этих условиях государство? Оно «щедро» одаривает население минимальными выплатами, продолжая и дальше грабительно присваивать его труд. Но и эти щедроты уже в первом полугодии 2005-го оказываются полностью «съеденными» ростом тарифов и услуг ЖКХ, здравоохранения, образования и транспорта.

Миллионы россиян вновь оказались отброшенными за черту бедности.

Фонд стабилизации или стагнации?

Критического осмысления заслуживает и идея стабилизационного фонда. Сама по себе идея заботы о будущем поколении прекрасна и достойна всяческих усилий. Но все дело в том, что будущее рабочее поколение уже родилось и растет, причем в условиях, когда оно может оказаться просто невостребованным в ближайшем историческом периоде. «Стабилизировать» тогда можно будет только крах государства.

Следует иметь в виду, что продолжается деградация промышленности и сельского хозяйства, науки и социального сектора, у страны не будет наукоемких технологий, конкурентоспособной продукции, а значит, и сфер применения качественного труда. Нынешние условия жизни, образования, профессиональной подготовки не дают возможности реализоваться миллионам юных россиян. Каждый четвертый подросток живет за чертой бедности; бездомные дети исчисляются сотнями тысяч, а число наркоманов достигло критического уровня (по некоторым оценкам — 30 млн. человек).

На образование тратится около 3% ВВП, в то время как в Эстонии — 8%, в Польше и Латвии — по 6%, в США и Западной Европе — 5,5%. Элитарным стало высшее образование.

Разрушенная система профподготовки привела к резкому падению квалификации наемных работников. Эта проблема, с которой сегодня сталкиваются почти все предприятия и которая не может быть решена силами самого бизнеса, без участия государства. На достижение нужной квалификации рабочему требуется 7–8 лет, для специалистов — не менее 10 лет, для ученого — 15. Прибавьте к этому несколько лет для пересмотра образовательной стратегии и реализации системы профподготовки.

Иначе говоря, начав работу сегодня, мы можем получить необходимые квалифицированные человеческие ресурсы для полномасштабного развития высокотехнологического производства не ранее 2015 года.

Пагубной оказалась реорганизация Федеральной службы занятости. Разработанные под руководством А. Шохина основополагающие документы в сфере занятости, отвечающие рекомендациям

МОТ и мировому опыту, явились одним из немногих успешных шагов в 1990-х годах. Лучшие службы страны — в Москве и Санкт-Петербурге, Калуге и Волгограде, Нижнем Новгороде и Воронеже — соответствовали своим лучшим зарубежным аналогам. Ныне все это разрушено. Некомпетентные, абсолютно непрофессиональные деяния руководителей превратили динамично и многосторонне развивающуюся службу в пункты выдачи пособий по безработице. Цена административного невежества!

Забота о будущем поколении — это и существенное изменение инвестиционно-инновационной стратегии, ориентированной на переход к новым технологическим укладам. Резко увеличить поддержку тех отраслей, производственных комплексов, предприятий, которые обеспечивают внедрение в России высокотехнологического производства, — это и есть подлинная забота о будущем страны и ее населения. Это и есть подлинная и перспективная стабилизация экономики.

Возродить науку и промышленность

Приоритетное направление реформ — модернизация производства, повышение конкурентоспособности отечественной продукции на мировом и внутреннем рынке. О возможности быстрых и ощутимых сдвигов в этом направлении можно судить хотя бы по пищевой отрасли. Здесь сумели привлечь финансовые ресурсы (в том числе и государственные), обновить основные фонды и технологии, нарастить выпуск импортнозаменяющих товаров. В итоге Россия сумела обеспечить свою продовольственную независимость, наполнить внутренний рынок качественными отечественными товарами.

Будущее России неразрывно связано с прорывами в научно-технической области, с ее активным участием в мировом процессе интеллектуализации производства. В настоящее время место различных стран в этом процессе определяется их удельным весом на мировом рынке наукоемкой продукции: доля США — 39%, Японии — 30%, Германии — 16%, России — 0,3%. Между тем весь мировой рынок наукоемкой продукции создан в результате развития 60 макротехнологий. По мнению академика Е. Примакова, России сегодня не под силу прорываться по всему фронту, однако в 7–8 направлениях так называемых критических технологий Россия могла бы преуспеть — здесь у нее есть еще задел, кадры, инновационный материал.

Не случайно такие масштабы приобрела «утечка мозгов» из России на Запад. В последнее время, кстати, на смену дорогостоящей эмиграции пришла патентная утечка разработок. Западные фонды дают нашим ученым гранты непосредственно в Россию, но отчеты о работе направляются за рубеж. Как известно, за плохими учеными никто,

нигде и никогда не охотится. За нашими же — гоняются. Как едко подметил недавно академик Н. Петраков — в отличие от наших чиновников, монетаристов и прочих «реформаторов», которых никто на Западе никуда не приглашает.

О роли отечественной науки подробно велся разговор с президентом на его встрече с группой ведущих ученых из Российской академии наук еще летом 2000 года. Тогда было достигнуто полное понимание в том, что наука не может существовать и эффективно действовать без государственного регулирования и финансирования соответствующих программ.

Однако и эти соглашения были саботированы и торпедированы в министерских недрах. За последние 15 лет наука не только не финансировалась — разрушены многие научные школы, научная среда. Нельзя не согласиться с мнением Нобелевского лауреата, академика В. Гинзбурга, что «власть не слышит и не хочет слышать Академию наук, а отечественная наука исключена из процесса принятия важнейших решений».

Недавно в недрах все того же Минэкономразвития подготовлены предложения, направленные на фактически полное разрушение Академии наук. Согласно этим предложениям, из 2338 государственных научных учреждений должно остаться только 100. Остальные будут проданы с аукционов и приватизированы. Совершенно очевидно, что предметом аукционов станут не научные потенциалы этих учреждений, а их здания, земля, собственность. Сама же РАН будет преобразована в рядовой орган исполнительной власти.

Такие планы могли родиться только в головах «временщиков», которым глубоко наплевать на будущее страны. Подобное решение, в случае его принятия, нельзя охарактеризовать иначе как национальную катастрофу.

Административная реформа

Успех реформ, повышение эффективности производства напрямую связано и с эффективностью управления. Взять хотя бы итоги приватизации. В большинстве случаев по всем ведущим показателям эти предприятия находятся на уровне 70–80% от уровня 1990 года. Ни одна приватизированная крупная компания не имеет стратегического плана развития, все делается на потребу дня.

Особенно печально, что совершенно бездарно ведется управление государственной собственностью. Не случайно именно здесь в последнее время участились случаи задержек зарплаты, вновь активизировалось забастовочное движение. Не случайно и то, что из лексикона наших управленцев полностью исчезло понятие «производительность».

Представляется, что именно на решение этих проблем должна была быть направлена административная реформа, начатая по инициативе президента Путина. Но и здесь мы видим извращение и невыполнение его установок. Само правительство, по оценке Михаила Фрадкова, признает, что в итоге своих реформаций оно получило «хаос административных реформ», хаос, который особенно пагубен в силу одновременной централизации управленческих функций. Установка президента о сильной вертикали власти доведена до абсурда, когда в полномочия федеральных структур передано решение проблем домохозяйств.

Старинная русская пословица говорит: «Нельзя лягушкам поручать осушать болото». Нигде и никогда реформы аппарата, проводимые силами самого аппарата, не приводили к повышению его эффективности. В итоге мы получили очередное увеличение и без того гигантски раздутого, предельно бюрократического аппарата. Воспользовавшись случаем, новые министерства, агентства и ведомства расширили свои властные полномочия, отобрав их у местных органов власти. Это еще более укрепило базу чиновничьей коррупции.

Выход единственно в том, чтобы разработка реформы и ее реализация были поручены независимым структурам. Нельзя не согласиться с мнением А. Вольского и Е. Примакова о целесообразности «отдельные регулирующие и контрольные полномочия передать самим участникам рынка, в том числе ТПП и РСПП. Для этого необходимо ускорить правовое закрепление статуса саморегулируемых организаций и механизмы частногосударственного партнерства».

Оригинальную концепцию административной реформы предложил в своей избирательной кампании 1989 года первый советский миллионер Артем Тарасов. Логика его построений опиралась на положение Конституции СССР о том, что «главная задача государства — удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей советского гражданина». Таких потребностей социология выделяет девять: человек должен быть защищен, накормлен, одет, обеспечен жильем, работой, здравоохранением, образованием, полноценным отдыхом, помощью в воспитании детей и опеке пожилых. Отсюда и структура государственного управления: министерства безопасности граждан (включая и внешнюю безопасность страны), продовольственного обеспечения, товаров народного потребления, жилья, труда и занятости, охраны здоровья, образования и культуры, социальной защиты.

При всей парадоксальности этих предложений они наивны только на первый взгляд. Но чем больше думаешь о социальном ориентировании государства, тем более обоснованным для глубокого осмысления представляется такой целевой подход.

«Третий сектор»

Административная реформа не ограничивается «отмиранием», сокращением или изменением роли государства. Демократическое общество не построить без гражданского начала, без так называемого «третьего сектора». В 1990-х годах эту тему вообще забыли. Какое там социальное партнерство в сфере финансовых афер? Затем, «наращивая» свой демократический имидж, вспомнили о профсоюзах, общественных палатах и т.д.

Правда, и при этом социальное партнерство сводилось к принципу трипартизма: трехсторонние комиссии, коллективные договоры и т.п. Да и реальная цена этих институтов сводилась к минимуму.

Напомним, что концепция социального партнерства родилась и сформировалась в США в период Великой депрессии, в сложных кризисных условиях взаимоотношения труда и капитала. Суть ее в том, что правительство предоставляет своим социальным партнерам, гражданским обществам и гражданам широкую и существенную свободу действий в вопросах использования госсредств, делегирует им часть государственных полномочий и ответственности.

«Третий сектор» — сектор некоммерческих, негосударственных социальных, общественных, гуманитарных, благотворительных организаций бурно развивается и играет все более важную роль во всех странах западноевропейской (и американской) цивилизации. В США в этом секторе занято более 7 млн. человек, их расходы составляют 6,3% валового национального продукта. В среднем на одного американца приходится в месяц до 40(!) часов добровольного, волонтерского труда.

В зоне «третьего сектора» — все, что воспитывает у населения ответственность за свой поселок, город, страну, сопричастность к важнейшим проблемам общества (забота о «надломленных» людях, сиротство, многодетные семьи, охрана животных, природы, культура нацменьшинств, наркомания и т.д.), формирует чувство уважения к своей личности и обществу.

Именно чувство собственного достоинства (точнее, его отсутствие) — главная преграда на пути превращения России в демократическое государство. Русский человек по-прежнему бесправен, унижен в своей бедности, беспомощен перед нахрапом работодателей.

Еще одна реплика: принципы трипартизма МОТ гласят, среди прочего, что «нищета в любом месте есть угроза всему человечеству», а «нарушения прав человека в одной стране препятствует достижению гражданского мира в других, ибо мировое сообщество живет принципами “сообщающихся сосудов”».

Сознают ли беловежские стяжатели власти, что, разрушив СССР, они столкнули миллионы граждан ближнего зарубежья в средневековый тоталитаризм? Туркмения — наиболее яркий, но не единственный тому пример.

НАКАНУНЕ ЭПОХИ ТОТАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Важнейшим вызовом, перед которым сегодня стоит человечество, является все более увеличивающаяся всеобщая нестабильность. Эта проблема совсем особого рода — она стоит на всех уровнях, с нею приходится иметь дело и человечеству в целом, и правительствам государств, и руководителям предприятий и, наконец, отдельным людям. Кроме того, эта проблема по-настоящему системная — она проявляется и в политике, и в культуре, и в науке, и в семейных отношениях и, конечно, прежде всего в экономике.

Структуры мировой экономики вынуждены постоянно меняться, причем изменчивость экономики, т. е. средняя скорость изменений постоянно увеличивается.

Важнейшим фактором ускорения изменчивости экономики является ускорение научно-технического прогресса. Внедрение какого-либо научно-технического новшества может стать конкурентным преимуществом данного производителя, а это сразу же изменяет ситуацию на рынке: конкуренты модернизированного производителя должны либо осуществлять аналогичную модернизацию, либо терпеть убытки, либо уходить в другие сегменты рынка. В целом же изменение конфигурации распределения ресурсов в экономике всегда следует как реакция на изменение трех групп факторов — конфигурации спроса, конфигурации конкуренции либо конфигурации доступных источников ресурсов.

Спрос может измениться по демографическим причинам — большее население покупает больше товаров; или по чистоэкономическим причинам — некая категория потребителей может накопить достаточно финансовых средств, чтобы расширить свое потребление; или по инновационным причинам — проведший модернизацию производитель может нуждаться в качественно новых инвестиционных товарах, но при этом снизить удельное потребление энергии и т.д. и т.п.

Что касается изменений конфигурации конкуренции, то, как уже говорилось, их важнейшей причиной являющаяся инновации. Однако дело может обойтись и без них — просто в одну и ту же нишу рынка может прийти слишком много конкурентов, так что некоторым из них придется искать применение своим капиталам в другом месте.

Кроме того, изменения в экономике порождаются появлением новых источников ресурсов. Прежде всего, речь идет об открытии месторождений природного сырья, но не только об этом. Например, повышение образовательного уровня в каком-то ранее отсталом регионе может означать появление для промышленности нового источ-

ника трудовых ресурсов. Некие ресурсы – сырьевые или трудовые – могут оказаться доступными благодаря строительству транспортной магистрали.

Распределение ресурсов и конфигурация производства должны изменяться, оперативно реагируя на все изменения подобного типа. Поскольку интенсивность работы мировой экономики растет и скорость ее изменчивости увеличивается, то важнейшим параметром эффективности мировой экономики становится гибкость, т. е. способность всех видов ресурсов предельно быстро и беспрепятственно перераспределяться между географическим регионами, отраслями, сегментами и любыми другими альтернативными структурными вариантами экономики.

Идеальным могло бы быть признано состояние, при котором ресурсы распределяются между структурными сегментами предельно быстро и совершенно беспрепятственно в масштабах всей планеты. Такое состояние мировой экономики можно было бы назвать «идеальным рынком». Идеальный рынок позволяет добиться такого распределения ресурсов, которое обеспечивает максимальную эффективность производства для данного уровня научно-технического развития, данного населения и данного состава изученных естественных производительных сил (под эффективностью в данном случае принято понимать как прибыльность, так и удельную величину конечного эффекта на единицу затрат).

Иными словами, движение к идеальному рынку направлено к глобальной оптимизации распределения ресурсов, а значит, и производительных сил.

Лучше всего, если режим идеального рынка охватывает всю планету – в этом случае мировая экономика может достичь суммарного максимума производительности в планетарном масштабе. Разумеется, для человека остается самый важный вопрос: «Каким целям будет служить эта оптимизированная экономика?» Но на этот вопрос внятного ответа, рассуждая только об экономике, получить невозможно.

Экономика обслуживает человеческие потребности. Потребность – руководящая сила экономического развития, но это может быть потребность в материальном потреблении, в ведении войны, в строительстве вавилонской башни или в восстановлении природной среды. Изменение потребности меняет конфигурацию спроса, что, в свою очередь, требует перестройки экономики. К сожалению или к счастью, руководящий импульс, посылаемый экономике большей частью населения планеты, сводится к увеличению материального потребления, а это придает развитию мировой экономики более или менее однозначный характер.

К этому надо еще прибавить, что чем больше масштабы рынка, тем больше у него шансов приблизиться к ситуации свободной конкуренции. Планетарный масштаб рынка может обеспечить максимальную конкуренцию, поскольку он позволяет вовлечь в нее на едином рынке максимальное число производителей. Это значит, что планетарный масштаб рынка позволит максимально извлечь выгоды, вытекающие из конкуренции, к которым относится и стимулирование инноваций.

Примером «почти идеального» рынка может служить мировой и финансовый рынок — на нем нажатие компьютерных клавиш позволяет мгновенно пересылать миллиарды долларов не только из одной отрасли в другую, но и из одного конца планеты в другой. Однако финансовый рынок является «идеальным» потому, что сами обращающиеся на нем деньги и фондовые ценности являются «нематериальными», условно-фиктивными феноменами, воплощенными в записях в памяти компьютеров.

С реальными ресурсами все гораздо сложнее. Перемещение промышленных материалов или рабочей силы в другое место может потребовать слишком высоких транспортных расходов, да и люди могут просто не захотеть уезжать. Переходу работника из одной сферы производства в другую может помешать невозможность быстрой переквалификации, переезду же специалиста в другую страну — и языковой барьер, и различие в профессиональных стандартах. Здание закрывшегося завода далеко не всегда можно легко приспособить под предприятие другой отрасли — возможны и технические, и юридические проблемы. Оборудование закрывшегося предприятия часто вообще можно «перераспределить» в другую сферу только в виде металлолома. Вывозу промышленных материалов через государственные границы могут мешать и высокие таможенные пошлины, и административные запреты, а перевозке сырья или промышленных материалов — отсутствие транспортной инфраструктуры. Но в любом случае настоятельной потребностью современной экономики — и соответственно руководящей линией ее развития — является максимальное, насколько это возможно, уничтожение всех препятствий на пути свободного перераспределения ресурсов и соответственно приближения мировой экономики к состоянию «свободного рынка».

Об этой тотальной тенденции развития западной цивилизации в свое время писал Бодрийар в книге «Прозрачность зла». В ней французский философ, доказывая аналогичность общей направленности сексуальной революции с движением в сторону финансовой и информационной открытости, отмечает, что руководящими принципами современного западного общества являются принципы абсолютной свободы оборота информации, денег и спермы.

По этому поводу можно сделать только одно замечание: свободное обращение денег и информации является лишь вершиной айсберга, в основании которого лежат принципы свободного обращения любых ресурсов вообще — всех, какие только можно себе представить. В документах международных экономических организаций обычно говорится о свободе перемещения товаров, капиталов и рабочей силы, но и этим перечнем список ресурсов не исчерпывается.

Глобализация в том узком ее понимании, которое употребляют, когда говорят о деятельности ВТО или Международного валютного фонда, означает, прежде всего, облегчение процесса перелива ресурсов через государственные границы и соответственно устранение препятствий для перелива ресурсов на уровне национальных законодательств. Речь идет в первую очередь о выравнивании и общем снижении таможенных тарифов, а также о всеобщем устранении государственного протекционизма. Это означает, что капитал должен легко уходить в другую страну, если производство в ней будет более конкурентоспособным.

Однако препятствием для перелива ресурсов служат не только национальные законодательства. Перестройка экономики в целях ускорения перераспределения ресурсов должна происходить на всех уровнях, включая и предприятия, и даже ниже — вплоть до индивидуальной психологии. На уровне предприятия возможность быстрого перелива ресурсов должна означать возможность быстрого и как можно менее затратного сворачивания производственных программ, направлений работы, и даже ликвидации целых подразделений с тем, чтобы вложенные в них средства перенаправлять в новые программы, направления и подразделения.

Делать это далеко не всегда легко — например, быстрому и беспрепятственному (для компании) увольнению человека может мешать трудовое законодательство. Но даже если с увольнением человека нет проблем, остается оснащение рабочего места, в которое были вложены средства и которое теперь оказалось не нужным. В современном западном бизнесе решение этой проблемы происходит через феномен, который получил название аутсорсинга, т. е. выполнение всех или части функций по управлению организацией сторонними специалистами, переход от собственного производства к договорным отношениям с подрядчиками и поставщиками.

Если умозрительно предположить, что перестройка бизнеса на началах аутсорсинга на некотором предприятии или в компании дойдет до своего логического предела, то это будет означать, что компания практически исчезает как сколько-нибудь стабильная производственная структура, превращаясь в структуру исключительно штатную, задача которой только комбинировать и сводить между собой много-

численных поставщиков, подрядчиков и субподрядчиков. По сути, предприятие превращается в структуру «проектного менеджмента». Производственная деятельность компании постепенно размывается в системе подрядчиков и поставщиков, а сама компания выполняет минимальные, собственно производственные функции, в основном же координируя сеть внешних подрядчиков для выполнения своей производственной программы.

Разумеется, представить себе, что у всех, без исключения, предприятий в мире пропадают производственные функции, было бы абсурдно — ведь тогда не понятно, откуда бы взялись приглашаемые руководством предприятий поставщики и подрядчики. Но тенденция заключается в том, чтобы минимизировать производственные функции в каждой структуре, обладающей высокой степенью организационной самостоятельности. О том, что тенденция развития производства идет именно в этом направлении, свидетельствуют все более частые случаи производственного аутсорсинга — когда корпорации-владельцы всемирно известных товарных марок функцию по изготовлению своих фирменных товаров передают сторонним производителям. Нередко корпорация—владелец брэнда вообще избавляется от своего производственного подразделения.

Конечно, минимизация производственных функций компании имеет ограничения и прежде всего технического характера — не совсем ясно, можно ли раздробить на самостоятельные предприятия единый технологический комплекс, скажем, химический или металлургический комбинат. И тем не менее процесс минимизации производства на одном предприятии должен дойти до своего технического предела, который воплощается фигурой человека-одиночки, ведущего свой бизнес самостоятельно. Во многих отраслях деятельности индивидуум-одиночка, оснащенный персональным компьютером или другим минимальным оборудованием, причем не обязательно собственным, — представляет собой вполне дееспособную единицу.

Разумеется, минимизация производственных единиц нужна не сама по себе, а для того чтобы сделать процесс перестройки крупных производственных структур предельно гибким, оперативным и влекущим наименьшие издержки. Именно все более возрастающие требования гибкости и оперативности изменений меняют на наших глазах весь облик мировой экономики. Вместо компаний, обладающих стабильной производственной структурой, экономика будущего требует гибких и эфемерных сетей мелких производственных единиц, которые мгновенно создаются для решения конкретных задач, но которые также мгновенно распадаются или перестраиваются по мере появления новых задач, проектов и программ.

Традиционная крупная компания представляет собой «империю» с жесткой структурой, включающей большое число предприятий и других подразделений, причем ситуация в ней такова, что в течение достаточно долгого времени одно и то же предприятие принадлежит одной и той же компании. На смену таким жестко организованным «империям» идет — а частично уже пришел — внешне бесструктурный массив предельно мелких производственных единиц, вступающих друг с другом исключительно во временные взаимодействия и благодаря этому образующие временные, быстро распадающиеся и перестраивающиеся производственные сети.

Разумеется, это не означает, что в будущем исчезнут крупные компании, но величина компаний не означает большое число реальных факторов производства, работающих по единому плану, обладающих организационной зависимостью от единого центра и находящихся в достаточно стабильных отношениях между собой. Иными словами, большая компания будущего совсем не обязательно будет означать большую и стабильную производственную организацию.

Для капитализма компания — это, прежде всего, собственник капитала, а этот капитал может воплощаться в самые разные производственные реальности. Тенденция, которую мы сегодня наблюдаем, заключается в том, что «инкарнации» капитала в производственные структуры следуют друг за другом все быстрее, перевоплощения капитала ускоряются, так что стабильные структуры вообще исчезают. За изменением производственной и организационной конфигурации крупных корпораций будущего придется следить в ежедневном режиме, как сегодня следят за биржевым курсом.

Следует заметить, что структура собственности в корпорациях, чьи акции торгуются на бирже, также изменяется ежедневно. Состав владельцев компании может меняться мгновенно. Но в будущем также мгновенно может меняться и состав работающих на компанию работников, коллективов и производственных подразделений. Островком стабильности в этом море всеобщей изменчивости остается только менеджмент корпорации, ее штабная структура, служащая точкой связи между эфемерным и все время меняющимся составом собственников и эфемерными и все время меняющимися производственными сетями.

Императивная необходимость этих процессов осознается уже даже в российском правительстве. Руководитель Федерального агентства по промышленности Борис Алешин прямо заявил на пресс-конференции, что проблемой российской индустрии является засилье крупных предприятий, которые пытаются сами производить для своего производства все необходимые комплектующие, вплоть до мелких

пластмассовых деталей. По его мнению, необходима реструктуризация индустрии, чтобы предприятия, наконец, начали нуждаться во внешних подрядчиках: во-первых, это будет стимулировать развитие малого и среднего бизнеса, во-вторых — ускорит научно-технический прогресс в производстве.

Процесс децентрализации и динамического размывания организационных структур должен, в конце концов, охватить не только бизнес, но и государственный аппарат. Одно из важнейших новшеств в российском государственном управлении, которое принесли с собой экономические реформы конца XX века, стала передача от правительственных ведомств консалтинговым компаниям задач по подготовке концепций государственных мероприятий и законопроектов. Таким образом, коренная функция госаппарата — выработка государственных решений, как оказалось, может быть передана сторонней частной организации.

Вообще-то передача государственных функций частным лицам — феномен довольно древний, достаточно вспомнить про идущий с древности откуп налогов. Но постоянная забота об эффективности государственного аппарата заставит придать этой практике куда больший масштаб. Можно представить себе, что большинство работ, реально возложенных на правительственное ведомство, будут выполнять сторонние — консалтинговые, инжиниринговые и тому подобные компании, которые выиграли конкурс на выполнение функций государственного ведомства (или его части) и заключили соответствующий договор с министерством. Разумеется, конкурсы будут проводиться периодически, так что состав компаний, исполняющих работу министерских чиновников, будет периодически меняться. Можно предположить, что компания, выигравшая конкурс и заключившая договор с министерством, будет получать не только денежное вознаграждение, но и необходимые для осуществления государственных функций полномочия.

Противостояние двух субъектов государственного управления — чиновников и подрядчиков — будет как бы второй версией характерного для любого демократического государства противостояния министров, пришедших в государственное управление из публичной политики, и постоянной бюрократии. Данное противостояние наиболее известно и наглядно в английской административной практике, в которой бюрократию министерства возглавляет постоянный заместитель министра, которого и считают истинным хозяином ведомства.

Эта коллизия стала широко известна благодаря британскому комическому телесериалу «Да, господин министр», вполне наглядно показавшего, что бюрократия фактически неподконтрольна своим но-

минальным вождям из числа политиков. Однако в том случае, когда функции бюрократии будут выполнять компании-подрядчики, отношения «политики — подчиненные» заменятся отношениями «сервис — клиент». Если бюрократа часто невозможно уволить, то от услуг подрядчика всегда можно отказаться. Предприниматель, находящийся в условиях рынка, всегда вынужден быть более услужливым по отношению к клиенту, чем госаппарат, монополизировавший свое место в системе власти.

В современной России, насколько нам известно, идею «демонтажа» функций государственного аппарата пропагандирует Ярослав Кузьминов — ректор Высшей школы экономики и один из ведущих разработчиков и идеологов проводимой правительством административной реформы. Однако дальше теоретических высказываний дело пока не идет.

Наконец, стоит обратить внимание на то, что разрушение стабильной семейной структуры, переход к беспорядочным сексуальным связям или к заведению последовательно нескольких семей (специалисты называют этот образ жизни «серийной полигамией»), превращение нескольких разводов в обязательный элемент любой биографии сами по себе не вытекают из требований экономики, поскольку семья не связана с процессом производства напрямую. Но нестабильность семейных отношений весьма схожа с нестабильностью экономических структур и, следовательно, можно сказать, что нестабильная семья соответствует духу той эпохи тотальной мобильности, к которой в настоящее время движется экономика. Кроме того, существует множество косвенных связей между экономикой и другими областями социальной жизни. По крайней мере, можно сказать, что прочности семейных уз отнюдь не способствует растущая территориальная мобильность населения. Вероятность развода, несомненно, возрастает, если интересы карьеры требуют от мужа и жены перемещения по планете по разным маршрутам и даже проживания в разных местах. Сообщения о тех героических отцах семейства, которые еженедельно пролетают сотни или даже тысячи километров на самолете, чтобы провести с семьей выходные, показывают, что этим честным мужьям явно приходится с трудом идти против «течения», задаваемого мировой экономикой.

Требование тотальной мобильности и всеобщего перемещения может привести к «деконструкции» не только корпоративных и административных структур, но и целых государств. О том, как это может выглядеть, замечательно ярко (хотя и в порядке антиутопии) изображено в опубликованной в Интернете статье Константина Крылова — публициста, известного своими резко антизападными и антиглобалистскими взглядами. Статья Крылова представляет собой ком-

ментарий к составленному экспертами журнала Foreign Policy рейтингу глобализации, построенному на оценках вовлеченности государства в международную жизнь — о количестве иностранных инвестиций, объеме международной торговли, числу поездок граждан за рубеж и т.д. Крылов попытался экстраполировать эти данные и представить, как должно выглядеть такое предельно глобализованное государство.

Вот что у него получилось.

«Через всю территорию страны-рекордсмена проходит Шоссе, Железная Дорога и Труба. Все это принадлежит иностранцам (иностранцы инвестируют, таким образом, составляют 100%). Страна живет в основном за счет арендных выплат (небольших, разумеется, иначе 100% инвестиционной привлекательности не добиться) за землю, по которой все это проходит. Второй источник доходов — деньги, пересылаемые из-за границы, так как практически все трудоспособное население страны-рекордсмена гастербайтерствует по всему миру. Это всячески поощряется государством (примерно как на Филиппинах) и не только поощряется, но и организуется. То есть государство само берется трудоустраивать своих граждан за границей. Выпускники институтов прямым ходом отправляются писать коды или подносить пробирки в западные научные центры, молодые девки с фигурой — в европейские и американские стрип-бары, без фигуры — в беби-ситтеры, мужички поглупее — убирать мусор в Неваде или Оклахоме и так далее. За зарплатой их, впрочем, следят (благо, государство само их трудоустраивает, решает проблемы с визами и пр.). Недостаточно активно присылающих деньги, в виде наказания, принудительно отзывают на родину. Все это делается в дружеском согласии с правительствами развитых стран, которые со своей стороны тоже присматривают, как бы граждане этого замечательного сверхглобализованного государства не осели бы в их не столь глобализованных странах. Разумеется, трудоустройство, перевод денег и прочие дела — все делается через интернет-сервисы. В самом государстве живет только начальство и нетрудоспособная часть населения (получающая пособия за счет тех, кто работает за границей). Молодежи на родине живется плохо, и она мечтает уехать. Нетрудоспособные старики живут вполне прилично, но не очень долго (на территории государства тайно захороняют ядерные отходы, что является третьим источником денежных поступлений). Там построены красивые города, с прекрасными хосписами, где можно отдать Богу душу на чистой простыне. Эвтаназия разрешена и поощряется. Государство, имеющее такие интересы (граждане по всему миру — шутка ли!), конечно, входит в максимальное число международных организаций — во все европейские, во все азиатские (куда можно дотянуться) и так далее. В са-

мом центре страны-рекордсмена стоит неременная база НАТО, чтобы в случае чего восстановить порядок и благолепие...»

При всем остроумии анализа Константина Крылова стоит отметить, что автор, будучи записным антизападником, считает, что глобализация является исключительно инструментом закабаления неразвитых стран странами более богатыми и соответственно, по его мнению, «менее глобализованными». Однако вряд ли придется ожидать, что какое-то государство — и тем более государство развитое — сможет избежать вовлеченности в процесс глобализации, который является действительно глобальным. О том, сколь неосновательны такие надежды, свидетельствует хотя бы история тщетных попыток США и Западной Европы бороться с нелегальной эмиграцией.

В упомянутом Крыловым рейтинге самыми глобализованными являются страны развитые и богатые — Ирландия, Швейцария и Швеция. Наконец, стоит отметить, что если все трудящиеся уедут за пределы своих стран, то ведь в какие-то страны они приедут. Следовательно, можно предположить, что на территории «страны-рекордсмена», большинство граждан которой работают за рубежом, в свою очередь работает большое число уроженцев других стран. Иными словами, в предельно глобализованном мире правилом является ситуация, когда человек работает не в том городе и не в той стране, где он родился. Это правило вытекает хотя бы из того факта, что в предельно глобализованном мире всякий человек вынужден по несколько раз менять место работы, а масштабы циркуляции трудовых ресурсов имеют глобальный характер.

Экономический либерализм, о благотворности или разрушительности которого в последнее время идет так много споров, представляет собой государственную экономическую политику, исходящую из того, что движение мировой экономики к системе предельно гибкой перестройки структур и предельно беспрепятственного перетока ресурсов является необратимым, и наилучшей линией поведения любой национальной экономики должно стать стремление безболезненно и по возможности быстро встроиться в понимаемое таким образом будущее человечества.

Вопреки сложившемуся мнению, экономический либерализм не противоречит активной социальной политике правительства. Однако либеральная экономическая политика должна иметь своей целью ускорение перетока трудовых ресурсов в сегменты, где в них имеется потребность, а также как можно более быструю подстройку структуры трудовых ресурсов к потребностям экономики.

Эту мысль можно пояснить на следующем примере. В России, как, впрочем, и в других странах, нередка ситуация, когда закрывается крупное предприятие — например, угольная шахта — и тысячи работавших на ней людей оказывается на улице. Ситуация может быть особенно тяжелой из-за того, что закрывшееся предприятие было основным в данном городе, и после его закрытия работу в этом городе найти нельзя. В российской угольной промышленности, в которой предприятия часто имеют «градообразующее значение», такие острые ситуации случались уже неоднократно. Как должно реагировать в этом случае правительство?

Существуют несколько вариантов ответа.

«Антилиберальное» решение заключается в том, чтобы предоставить субсидии или налоговые льготы с целью восстановления производства на закрывшемся предприятии. Очевидно, что такое решение будет противоречить принципу свободного перетока ресурсов в направлении наиболее эффективного их применения.

Позиция сторонника экономического либерализма в данном случае заключается в том, что поскольку рынок уже «приговорил» предприятие к ликвидации, то правительство не должно своими решениями вмешиваться в самоперестройку и самообновление экономики. Правительство может и должно заботиться о судьбе людей, но не о судьбе предприятий и производственных программ. Впрочем, решение о выплате выброшенным на улицу людям высоких пособий по безработице также не является либеральным, хотя оно и не является антилиберальным — это нейтральное решение, которое оставляет слишком много знаков вопроса. Да, экономическое положение безработных в данный момент будет облегчено, но остается неясным, восстановится ли производство на закрытом предприятии, придут ли в данный город другие компании, найдут ли в будущем люди работу в своем городе или уедут в другой регион и т.д.

Социальная политика, которая в полной мере соответствовала бы принципам экономического либерализма, направлена на ускорение оборота трудовых ресурсов. Это означает, что безработные должны получать не просто пособие, а целевую помощь, компенсирующую расходы на переезд в другой город. Для них должны быть организованы курсы, позволяющие сменить профессию на более востребованную в настоящее время, и т.д. Иными словами, либеральная социальная политика направлена на стимулирование и ускорение трудовой миграции, причем не только между географическими регионами, но и между отраслями и секторами экономики.

Суть в том, что либеральная социальная политика ставит своей целью увеличение мобильности населения во имя подстройки структуры трудовых ресурсов к потребностям производства. В этом — главная

цель либерализма в социальной сфере. Что касается общих мер гуманности, вроде повышения уровня социальных пособий и пенсий, то они в принципе не противоречат духу либерализма, но только до тех пор, пока уровень пособий не начинает вообще убивать мотивацию поиска работы. К чему либеральная политика непосредственно нетерпима, так это к использованию субъектов экономики в несвойственных им неэкономических, скажем, социальных функциях, что может проявляться, например, в поддержании производства на предприятии только для того, чтобы его работники не оказались на улице.

Еще одной темой в гремящих в России дискуссиях вокруг либерализма является вопрос об общем уровне государственных расходов. Из общих соображений понятно, что сторонник либерализма не может радоваться увеличению масштабов государственного бюджета, поскольку перераспределение ресурсов через бюджет — это совсем не то же самое, что свободное циркулирование ресурсов на рыночной основе. Однако все же дело не столько в объеме, сколько в характере государственных расходов. Либерализм вовсе не желает запретить государству «транжирить» деньги, т. е. тратить их без надежды вернуть обратно. Но либерализм требует, чтобы государство именно транжирило деньги, а не делало вид, что занимается бизнесом.

Дух либеральной экономической политики заключается в том, чтобы государство при достижении социальных, экологических или военных целей действовало бы по отношению к экономике как внешняя сила, которая может выкачивать из экономики ресурсы, ставить ограничения по отношению к хозяйственной деятельности, но не совмещать меры стимулирования производства с побочным решением иных социальных или политических задач. Государственный оборонный заказ должен способствовать только увеличению обороноспособности армии, а не поддержанию военной промышленности. В рамках тех ограничений, которые экономике ставят меры социальной, экологической или военной политики, управление экономикой должно руководствоваться только задачей повышения прибыльности и эффективности, которая, в свою очередь, решается только на основе полной свободы перераспределения ресурсов.

Исходя из этого, можно сказать, что стандартное обвинение в адрес либералов, что они ориентируются на аддамитовскую «невидимую руку рынка», является правомерным. Однако столь же стереотипное утверждение оппонентов либерализма, что свободный рынок с его «невидимой рукой» существовал только во времена Адама Смита, уже не соответствует действительности. Строго говоря, абсолютно свободного рынка не существовало никогда. Если идею «невидимой руки» связывают с именем шотландского экономиста XVIII века, то только потому, что он первый описал закономерности

свободного рынка, а вовсе не потому, что он жил в эпоху «подлинной» рыночной свободы. И тогда и сейчас существовали и вмешательство государство в экономику, и различные локальные монополии, и прочие самые разнообразные препятствия для свободного перераспределения ресурсов.

О линейной тенденции к увеличению или, наоборот, уменьшению рыночной свободы в последние 200 лет говорить нельзя. И все же в последние десятилетия стала проглядывать тенденция медленного приближения, по крайней мере, мирового рынка к «идеальному» состоянию, хотя бы потому, что мировая экономика становится все более взаимосвязанной, а феномен мирового рынка — все более целостным. В силу этого искажения в процессе циркулирования ресурсов, порождаемых отдельными властными органами или локальными монополиями, оказываются все менее значимыми для общерыночных масштабов. Кроме того, нельзя не принимать во внимание деятельность ВТО и других международных организаций, сознательно поощряющих либерализацию мировой торговли и, говоря шире, свободное движение ресурсов по планете.

Экономический либерализм представляет собой, если и не веру в идеальный свободный рынок, то ориентацию на приближение к состоянию идеального рынка как на тенденцию обозримого будущего.

Сильным аргументом против экономического либерализма и в пользу государственных инвестиций в экономику является утверждение, что государство, как самый крупный и в некотором смысле самый бескорыстный участник экономики, обладает самым длительным горизонтом планирования. Следовательно, государство способно брать на себя ответственность за инвестиционные проекты, обладающие наиболее долгосрочной перспективностью. Аргумент «против» заключается в том, что ни государство, ни кто другой, не способен угадать, какие же именно проекты действительно являются перспективными, что именно будет объявлено завтра наиболее перспективным.

Важнейшим двигателем развития экономики является научно-технический прогресс, но, как отмечают многие мыслители, никто не способен предсказать, какие перспективные инновации ожидают нас в ближайшем будущем, ибо предсказать изобретение — значит, уже наполовину его совершить. Вообще производство, как и биологическая эволюция, развивается путем многочисленных проб и ошибок. Инвесторы по всей планете делают постоянные эксперименты, и огромная часть инвестиционных проектов оказывается ошибкой и умирает часто на самых ранних стадиях. Но в России, как, впрочем, думается, и во многих других государствах, преобладающим является мнение, что такого рода экспериментирование должно быть уделом

частного сектора, а не государства. Экспериментировать и ошибаться можно за свой счет, в крайнем случае за счет инвесторов и акционеров, но не за счет налогоплательщиков.

В России данная проблема выглядит особенно острой из-за того, что инвестиции государства ассоциируются, прежде всего, с масштабными проектами, такими как строительство моста на Сахалин или гигантскими по длине нефтепроводами. Между тем ошибка в проектах такого масштаба кажется чрезмерно дорогостоящей. Но самое главное даже не в этом. Главное, что в современной России никто — ни население, ни специалисты, ни политики — не могут признать за государственным аппаратом право на ошибку при затрате крупных государственных средств. Во-первых, в наших глазах Россия, по сравнению, скажем, с США, недостаточно богата, чтобы терять деньги зря. Во-вторых, и это еще важнее — в нынешних морально-политических условиях признание за госаппаратом права ошибаться и терять деньги в неудавшихся инвестиционных проектах может оказаться только ширмой для расхищения бюджетных средств чиновниками и мошенниками от бизнеса.

В США государственные власти находят для себя возможным предоставлять гранты начинающим бизнесменам, вполне сознавая, что большая часть молодых бизнес-проектов оканчивается неудачей. В России пока такая политика невозможна. Но не признавая за государством право на ошибку и растрату госсредств, мы тем самым, в сущности, закрываем вопрос о государственных инвестициях, поскольку инвестиции без риска невозможны в принципе, а особенно — инвестиции в долгосрочную перспективу, т. е. инвестиции, базирующиеся на долгосрочном, а, значит, вероятнее всего, ошибочном прогнозе.

Институт Европы РАН
Институт стратегических оценок и анализа
Международный центр
Черноморских исследований
(Афины)

**ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА И РОССИЯ:
проблемы Средиземноморско-Черноморского региона**

МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ:
доклады и выступления

Москва

В ноябре 2004 года Институт Европы РАН совместно с Институтом стратегических оценок и анализа и Международным Центром Черноморских исследований (Афины) провели международную конференцию, посвященную проблемам Средиземноморско-Черноморского региона.

В первой части рассматривались политические и социально-экономические проблемы государств Юго-Восточной Европы и Южного Кавказа. Особое внимание было уделено проблемам сотрудничества в сфере обеспечения безопасности, этнополитическим конфликтам как фактору нестабильности на южных рубежах России и Европы.

Во второй части обсуждались перспективы активизации сотрудничества стран, входящих в Организацию Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС).

В работе конференции приняли участие видные российские и зарубежные ученые, представители посольств, МИД РФ.

Ниже в сокращенном виде публикуется стенограмма конференции.

Часть I

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА И ЮЖНЫЙ КАВКАЗ

Н. П. Шмелев, академик РАН, директор Института Европы.

Сегодня трудно придумать более острую, более актуальную и более необходимую для обсуждения тему, чем тема нашей встречи. В Средиземноморско-Черноморском регионе пересекаются все крупнейшие проблемы современности – как негативные, так и позитивные.

Если суждено сбыться пророчеству С. Хантингтона о грядущем столкновении цивилизаций, то это произойдет в этом регионе. Если суждено миру преодолеть эти трудности, а пути преодоления различны, в том числе и проект «Большого Ближнего Востока», то это тоже начнется отсюда. Если суждено осуществиться европейским амбициям, то старая, мудрая Европа со своей склонностью к компромиссам и попыткам утихомирить любые конфликты методами экономического и культурного влияния попытается осуществить их также в этом регионе.

Пока еще не известно, сумеет ли Европейское сообщество «переварить» 10 новых членов, а там на очереди взрывоопасные Балканы и такой по-своему цельный организм, как Турция. И если учесть еще амбиции некоторых постсоветских государств, то центробежные силы изнутри могут развалить Европейское сообщество, начиная именно с этого региона.

Если суждено осуществиться новым столкновениям и подрыву антитеррористической коалиции, то это произойдет из-за столкновений

интересов России, Соединенных Штатов и, с моей точки зрения, излишне амбициозных устремлений Евросоюза именно в регионе Кавказа и Каспия.

В. А. Гусейнов, директор Института стратегических оценок и анализа, главный редактор журнала «Вестник аналитики».

Процессы, которые происходят на Ближнем и Среднем Востоке, оказывают непосредственное влияние на стабильность и безопасность стран Средиземноморско-Черноморского региона (СЧР), являясь для них источником многих угроз, поставщиком непереносимых для цивилизованного мира радикальных течений и идеологий. Непосредственно затрагивает интересы стран СЧР и та политика, которая проводится на Ближнем и Среднем Востоке ведущими мировыми державами.

Не случайно на последнем саммите «восьмерки» (июнь 2004 года) одной из ключевых стала проблема т. н. Большого Ближнего Востока (ББВ), простирающегося от Пакистана до Марокко. Некоторые политики включают в ББВ территории Балкан (бывшей Югославии), Центральной Азии и Закавказья. Такой подход подкрепляется и реальной политикой, проводимой в регионе США и их союзниками. Все это лишний раз подтверждает тесную связь процессов в ББВ и СЧР и обоснованность методологического подхода к их совместному анализу.

СЧР отводится неоднозначная роль в политике США: некоторые страны региона рассматриваются как объекты модернизации (государства Южного Кавказа и образовавшиеся на территории бывшей СФРЮ), нуждающиеся в демократических преобразованиях, как испытательный полигон для отработки методов такой модернизации, которые могли бы быть применены в странах ББВ, и как основной геополитический плацдарм, опорная территория, которая будет использоваться в интересах реализации планов в отношении ББВ. В последнем качестве играет роль стратегически важное расположение СЧР, тем более что политика демократических преобразований, проводимая Вашингтоном, зачастую опирается на военную силу.

Можно отметить следующие особенности ББВ, в наибольшей степени затрагивающие интересы стран СЧР, граничащего с ним.

Первое. Большой Ближний Восток, по своим геополитическим, геостратегическим, геоэкономическим и даже геокриминальным характеристикам, является сегодня тем регионом, где, без преувеличения, решаются судьбы мира. От исхода развернувшейся здесь борьбы зависит, по какому пути пойдет мировое развитие: либо оно выльется в «войну цивилизаций» – со всеми негативными для глобальной и региональной стабильности последствиями, либо все же удастся стабилизировать обстановку в этом регионе и помочь его модернизировать. Соответственно СЧР может стать либо фронтовой зоной, либо регионом сотрудничества, связующим звеном между Севером и Югом.

Второе. Большинство стран ББВ относятся к исламской цивилизации, которая, к сожалению, в силу целого ряда причин отстала от общемировых динамичных и все убыстряющихся процессов конца XIX, XX и начала XXI веков, что породило в этих странах многие проблемы. Эти

проблемы особенно обострились в условиях глобализации, информационной и культурной экспансии США и других развитых стран.

Ислам широко распространен и в странах СЧР. Следовательно, все трудности, которые испытывают народы ББВ, не могут не затрагивать внешние и внутренние интересы соседних стран СЧР, включая Россию.

Третье. Трудноразрешаемые социальные, экономические, гуманитарные проблемы многих стран ББВ способствуют росту в этом регионе радикальных и экстремистских настроений, создают питательную почву для криминала, терроризма, этнической и религиозной ксенофобии и оказывают возрастающее давление на страны СЧР, увеличивают неконтролируемую миграцию, опасность социальной и политической нестабильности, межэтнических столкновений.

Четвертое. ББВ является основным рассадником терроризма – главной глобальной угрозы современного мира – и своего рода двигателем дестабилизирующих процессов в других регионах мира, в том числе в СЧР и прилегающих областях (в том числе и на российском Северном Кавказе), где наблюдается повышенная активность международных террористических организаций, центры которых базируются в ближневосточных странах.

Пятое. Главным игроком в этом регионе являются США. ББВ становится основным центром приложения усилий Вашингтона по выстраиванию нового мирового порядка по собственным геополитическим лекалам, а его модернизация является для США главной внешнеполитической задачей ближайшей исторической перспективы. Цели модернизации, которые декларировались президентом Бушем на саммите «восьмерки», носят актуальный и даже благородный характер: изменить к лучшему облик этого проблемного региона, подорвать глобальную систему международного терроризма и интерпреступности, прежде всего наркобизнеса. Достижение этих целей – в интересах и Европы, и России, и всего мирового сообщества, и в их решении готовы принять участие все нормальные государства.

И все же инициатива США по реформированию ББВ встречена без большого энтузиазма как членами «восьмерки», так и арабским миром. Их опасения вызваны не только тем, что США начнут насаждать (порой принудительно) демократические ценности американского образца в чуждом им мире, не считаясь с его вековыми традициями, менталитетом народов, сложившимся социальным, культурным, религиозным укладом, пренебрегая мнением других членов мирового сообщества. Как союзники, так и противники Вашингтона хорошо понимают, что главным побудительным мотивом политики США в регионе ББВ является его энергоресурсный потенциал, прежде всего нефть. От ситуации на Ближнем Востоке зависят бесперебойные, стабильные и во всевозрастающих объемах поставки энергоресурсов мировым потребителям, главным из которых являются США.

По оценкам экспертов, к 2020 году в США потребление нефти возрастет на 33%, природного газа – на 50%, электричества – на 45%. В докладе комиссии под руководством вице-президента США Чейни (май 2001 года), которой было поручено определить условия надежной энергетической безопасности США и рекомендации которой были положены

в основу новой энергетической стратегии страны, признавалось, что «США вступили в полосу энергетического кризиса». В докладе говорилось о пропасти, возникающей между разведанными запасами нефти на планете и неумным потреблением США. Уже сегодня доля импортируемой нефти в суммарном ее потреблении в США составляет 55%. К 2020 году США будут импортировать 66% нефти. Поэтому, говорилось в докладе, следует сделать нефть «приоритетом внешней и торговой политики, ...уделить особое внимание России, Центральной Азии, Каспию, странам Залива, а также Западной Африки». Как видно, идея модернизации Большого Ближнего Востока напрямую вытекает из доклада комиссии Чейни и из новой энергетической стратегии США.

В преддверии предсказываемого многими аналитиками истощения мировых запасов энергоресурсов монопольный контроль над регионом ББВ и его месторождениями нефти – надежная гарантия монополизма в будущем новом мировом порядке. Гарантия того, что Вашингтон сможет диктовать условия всему миру, в том числе основным конкурентам из числа промышленно развитых стран, притормаживать процессы роста Китая, Индии, которые могут стать их основными геополитическими конкурентами. Но такой контроль немислим без стабилизации обстановки в регионе, без нейтрализации действующих здесь международных террористических организаций и без насаждения лояльных Вашингтону политических режимов в нефтедобывающих и транзитных государствах. Поэтому борьба с международным терроризмом в этом регионе является всего лишь средством достижения основной цели, которая лежит в сфере глобальной нефтяной политики Соединенных Штатов.

Что касается роли и места СЧР в планах Вашингтона по модернизации ББВ, то здесь надо обратить внимание на следующее.

Во-первых, развитие ситуации на Балканах впервые показало, в каком направлении и с использованием какого комплекса средств Соединенные Штаты стремятся закрепить свое лидерство на долгосрочную перспективу и перекроить в своих интересах мир. Их политика направлена на то, чтобы играть ключевую роль в наиболее важных регионах мира, к числу которых относятся и ББВ, и СЧР, и в конечном счете обеспечить себе главенствующую роль в очередном переделе мира и складывающемся новом мировом порядке.

Во-вторых, в СЧР (а конкретнее, на территории бывшей Югославии) впервые были апробированы планы модернизации и замены тех режимов, политика которых не отличалась лояльностью Вашингтону и не укладывалась в предначертанные рамки переустройства мира. И в целом эти планы можно признать в известной мере реализованными – в меньшей степени в Сербии (хотя бы из-за проблемы Косово), в большей – в Македонии. Именно на Балканах был создан прецедент более или менее успешной демократизации тоталитарных режимов.

Можно предположить что этот, пусть относительный, успех подвинул США на то, чтобы применить югославский опыт для модернизации ББВ и создать здесь аналогичный прецедент на примере одного из проблемных государств региона – Ирака. Первичная, военная фаза этих планов сложилась для США удачно. Но их последующее политическое воплощение фактически зашло в тупик. Как отмечалось в иностранных СМИ, «экс-

порт демократии, просматривавшийся в американских военных планах относительно Ирака, обернулся экспортом геополитической нестабильности». Иракский опыт сыграл, скорее, прямо противоположную, чем рассчитывали в Вашингтоне, роль в планах реформирования ББВ. Сегодня положение дел складывается так, что провал политики США в Ираке будет означать провал их планов по модернизации ББВ, ослабит их позиции в других регионах мира, включая СЧР.

В-третьих, особая роль в нефтяных, модернизационных и антитеррористических планах отводится государствам Южного Кавказа. Этот район, наряду с Центральной Азией, становится ареной борьбы за энергоресурсы Каспия. В этой борьбе участвуют не только ЕС и мировые державы – США, Россия, Китай. В нее вовлечены и региональные страны – Турция, Иран, Пакистан, Индия, Украина. Неоспорима и двоякая военно-стратегическая важность Южного Кавказа: как удобного плацдарма на случай силового воздействия на «строптивые» режимы ББВ и как форпоста по сдерживанию «российской экспансии» и влияния Москвы в южном направлении.

Но Южный Кавказ вместе с примыкающими к нему северокавказскими субъектами РФ пока является наиболее конфликтогенной зоной в пределах СЧР. Без улаживания этих конфликтов и стабилизации обстановки здесь государства Южного Кавказа не смогут выполнить предназначенные им энергетические и военно-стратегические функции. Думается, что именно с этим связана активизация действий США, Евросоюза и НАТО на Южном Кавказе.

В заключение хотелось бы отметить, что ББВ и СЧР связывает не только декларируемая и уже проводимая Вашингтоном политика модернизации. Еще более очевидна эта связь через призму нефтяных интересов США. Регион Средиземноморья и Причерноморья призван нести многофункциональную нагрузку: как транзитная территория для ближневосточных и каспийских ресурсов на мировые рынки и как важный геополитический и стратегический плацдарм, используемый для проведения политики в отношении ББВ. СЧР является также ключевым для Объединенной Европы, он может стать основным регионом сотрудничества между Севером и Югом, но может стать и фронтовой зоной между ними. СЧР является также ключевым в конкурентном соревновании основных глобальных центров силы, прежде всего США и Объединенной Европы, за Евразийский континент, его рынки сбыта.

М. Г. Делягин, *научный руководитель Института проблем глобализации.*

Представляется целесообразным вписать региональные проблемы в контекст глобализации.

Глобализация – это процесс формирования единого финансово-информационного пространства на базе новых, преимущественно компьютерных технологий. Однако это понимание парадоксальным образом маскирует практические последствия глобализации для экономики и политики.

Первым из этих последствий является ужесточение конкуренции, которое ведется всеми против всех и приводит, как ни парадоксально, к

фрагментации, к еще более глубокому и жесткому разделению мира. При этом ценности, которые еще 15 лет назад на волне демократии казались нам универсальными, – ценности западного общества потребления – оказываются принципиально недоступными для огромной части человечества, в том числе и для населения многих стран в интересующем нас регионе. И люди в этих странах начинают отторгать эти ценности, понимая, что они недоступны не только для них, но и для их детей и внуков, как бы они ни старались. В результате во многих странах это ценностное отторжение ограничивает саму возможность развития демократии, потому что в них она автоматически приводит к власти фундаменталистов, радикалов, которые способны только нарушать некоторую мировую стабильность.

Второе следствие глобализации то, что главным занятием человечества, главным бизнесом становятся технологии формирования сознания. Если раньше человечество развивалось, видоизменяя в первую очередь окружающий мир, то теперь развитое человечество начинает менять свое собственное сознание. Это в известной мере революционное событие, последствия которого в полном объеме мы еще не понимаем, сталкивает нас, в частности, с резким падением эффективности традиционных систем управления, которые просто не приспособлены к новым условиям.

Есть еще два значимых последствия глобализации. Это рост агрессивности транснациональных корпораций, которые больше не сдерживаются противостоянием двух систем и которые превратили весь мир в арену для реализации своих интересов. И второе – рост влияния сетевых структур. С одной стороны – легкость коммуникаций, с другой – обезглавливание традиционных пирамидальных структур, например тех же самых террористических. Сегодняшний мир все в большей степени становится миром сетевых структур. И в сочетании с тем, что конкуренция становится цивилизационной, это создает условия утраты контроля за всем. Европа, например, не способна оценить экономический и политический потенциал собственной мусульманской диаспоры.

С точки зрения управления, мы обнаруживаем, что традиционная, пирамидальная система управления, которая существует во всех государствах и которая имитируется на международном уровне, оказывается полностью беспомощной против сетевых структур. Следовательно, мы живем сейчас в условиях качественных изменений, которые выглядят весьма пугающе. Ситуация усугубляется тем, что человечество впервые столкнулось с нехваткой ресурсов, оно увидело на горизонте нехватку нефти, и уже сейчас главное – это не зарабатывание прибылей для крупных корпораций, а контроль за теми или иными сферами развития, в том числе и за месторождениями нефти.

Для Средиземноморско-Черноморского региона это означает серьезные изменения. Для совершенно разных территорий, входящих в этот регион, достаточно остро стоит проблема интеграции, встраивания в уже существующие интеграционные центры.

Регион находится на периферии глобальных процессов, являясь объектом, а не субъектом глобального развития. Поэтому он вынужден встраиваться в те или иные процессы, центр которых находится вне его.

Понятно, что для Юго-Восточной Европы это в первую очередь проблема интеграции. Глобализация – это ужесточение конкуренции, которое непосильно для слабых. Поэтому естественным ответом на глобализацию являются региональная интеграция, создание щадящих условий, которые, с одной стороны, позволяют не только выживать, но и развиваться относительно слабым участникам мировой конкуренции, с другой – в рамках региональной интеграции они обогащают сильных, и, таким образом, это становится взаимовыгодным. Если не брать НАФТА, то единственный, полностью успешный проект – Евросоюз. Юго-Восточная Европа – это ближняя периферия Евросоюза.

Краткосрочные перспективы европейской интеграции в целом благоприятны – открываются новые рынки, идет процесс интеграции, и интеграция дает большой позитивный эффект. Что будет дальше? Совершенно ясно, что кормить новых членов Евросоюза не будет, а те страны, которые будут приближаться к нему, не являясь его членами в Юго-Восточной Европе, тем более получат от него существенно меньше помощи, чем будут получать нынешние его новые члены.

При этом возможности выхода на рынок Евросоюза ограничены, а возможности размещения производств, ориентированных на третьи страны, существенно меньше, чем в Восточной Европе. Некоторые сегодняшние конкурентные преимущества исчезнут, скажем, тот же Кипр утратил свое значение как финансовый центр для российского и в целом постсоветского бизнеса. Возможности этого региона как транзитной территории достаточно ограничены. И в перспективе проблемы экономического развития встанут перед странами Юго-Восточной Европы, даже как членов Евросоюза или его ближней периферии, достаточно остро. И пока видимой позитивной перспективы не видно.

Ситуация усугубляется тем, что в глобальной конкуренции выработалась четкая привычка бить по периферии, чтобы ослабить стратегического соперника. Ослабить – значит, бить по периферии, и мы сейчас говорим как раз о такой периферии: Юго-Восточная Европа – периферия Евросоюза, Кавказ – стратегическая периферия России.

Мы видели уже первый удар по периферии – это Косовская война, удар по дальней периферии Евросоюза для его ослабления, и в целом вся история Югославии мне представляется именно таким ударом. И результаты налицо. Развитие Евросоюза затормозилось, а для региона – это фрустрация ранее пассионарного сербского общества и пережигание его энергии, качественное обострение ранее существовавшей этнической напряженности без каких-либо перспектив решения конфликта. Созданы мусульманские государства в Европе, причем сильно склонные к экспансии. Возник новый мощный канал наркотрафика и новая специфическая организованная преступная группировка. Был сделан очевидный шаг к будущей дестабилизации Европы, потому что главная угроза для Европы не экономика, а этноконфессиональные конфликты, идущие с юга.

С другой стороны – Кавказ. Глобальное значение Закавказья – транзит нефти. И там сложилась традиционная ситуация «экономики трубы», связанная с разрушением остального социума, когда нужны только те, кто обслуживает трубу, а живы остальные или не живы – их личные проблемы. Россия от этого ужасно страдает, потому что она получила мил-

лионы беженцев, получила сильнейшую этнокультурную дестабилизацию. И, строго говоря, на Северном Кавказе Россия уже получила свой собственный Карабах. Другие потенциальные конфликты переходят из стадии тлеющих (этот переход сейчас только идет, он еще не окончен) в состояние острых, когда что-либо решить уже будет нельзя. А сил для того, чтобы остановить эти конфликты, тоже нет.

Таким образом, мы видим две разных группы проблем, связанных с интеграцией. В Юго-Восточной Европе мы видим проблемы, связанные с региональной интеграцией просто потому, что масштабы этой интеграции, по-видимому, приближаются к пределу своих возможностей. Поэтому я думаю, что страны Юго-Восточной Европы в обозримом будущем не станут членами Евросоюза. И этот предел европейской интеграции – предел экономического развития региона.

Но эти проблемы – просто сказка и мечта по сравнению с теми, которые мы имеем на Северном и Южном Кавказе. Здесь мы сталкиваемся с проблемой отказа от интеграции, причем одностороннего отказа со стороны России, поскольку никто всерьез не рассматривает данные государства как самостоятельные субъекты. В этих обществах наблюдается социальная катастрофа, практически распад социума. И это – при практически открытых границах. Зона хаоса возникает и расширяется на всем постсоветском пространстве, в том числе и в Средней Азии, но наиболее болезненные сегодня для России точки – Закавказье и Северный Кавказ.

Мы имеем проблему хаоса, который можно погасить только интеграцией, для которой сегодня у российского общества просто нет сил. Можно говорить об элементах отсутствия таких сил – отсутствии денег, интеллекта, грамотного управления, политической воли и ответственных политиков – но все сводится к тому, что нет сил для интеграции этого региона. Соответственно там возникает хаос, потому что это – брошенный регион, и этот хаос расширяется на территорию России. Мы сегодня имеем зримую, наглядную экспансию хаоса, который дестабилизирует Россию значительно сильнее, чем югославская катастрофа дестабилизировала Евросоюз.

Таким образом, мы имеем, с одной стороны, проблемы более или менее успешной интеграции, с другой – проблемы катастрофического отказа от интеграции. Помимо предмета конфликта самой интеграции, есть только одно, что объединяет эти две проблемы: никто не знает, что с ними делать. И это – одно из проявлений той глобальной нестабильности, той качественной неопределенности всего глобального развития, о котором я говорил.

Л. Мурешан, исполнительный президент фонда «Eurisc» (Румыния).

Когда в конце XX века началось обсуждение возможностей и сложностей, имеющихся на территории, прилегающей к Черному морю, стало ясно, что важную роль в этом предстоит играть двум соседним регионам – Каспийскому и Средиземноморскому.

Более двух тысяч лет назад Понт Евксинский¹ служил «коридором»

¹ «Гостеприимное море», древнегреческое название Черного моря. (Прим. ред.).

воителям и купцам, шедшим от Средиземного моря, чтобы открыть Кавказ и не только его. В настоящее время геополитическая ось Каспийское море – Черное море – Средиземное море разделяет две области с разнообразными ресурсами, средствами транспорта и переработкой продукции.

Область к югу от оси простирается от Алжира, Туниса, Ливии, Египта, Ближнего и Среднего Востока, Ирака, Ирана и Афганистана до Пакистана. Область к северу от этой оси включает в себя Россию, Казахстан, Украину, Азербайджан, Кавказ, Молдову, Болгарию, Грецию, Западные Балканы и Центральную Европу.

Особенность стран, расположенных к югу от оси, в том, что в их ВВП чрезмерно велика доля деятельности, связанная с нефтью (более 50%), а сами эти страны переживают хаос – уровень безработицы выше 20%, чрезвычайный демографический рост, приводящий к тому, что доля людей, не достигших 25 лет, составляет более 55% всего населения, коррупция, удары исламистов, общее состояние пребывания в осаде.

Использование ядерных технологий, наличие химического и бактериологического оружия и ракет дальнего радиуса действия различны от района к району, но тем не менее остаются значительными как к северу, так и к югу от оси.

В начале 1997 года Федерико Ф. Пена перед своим назначением на пост министра энергетики перечислил первоочередные задачи Министерства энергетики, важнейшей из которых было усиление энергетической безопасности США. Подчеркивая необходимость выработки стратегии в этом отношении, Ф. Пена обозначил идею диверсификации источников нефти в таких районах, как Западное полушарие, Центральная Азия и Каспийское море.

В настоящее время Россия проявляет интерес не только к вопросу о возможных маршрутах транспортных нефте- и газопроводов, но и к новым энергоносителям. Споры среди различных российских групп влияния (а они уже заявили о себе в регионе) в данный момент, как представляется, решены в пользу той, что поддерживает президента Путина.

Допуск Турции к вхождению в Европейский союз способен изменить общий подход к проблемам энергетики и безопасности в регионе. Верх одержали многочисленные доводы в пользу принятия Турции, и у Турции хорошие шансы в ближайшие годы стать полноправным членом ЕС. Одновременно неоднократно высказывалось мнение, что приоритет для ЕС должно составлять не членство Турции, а членство России.

Прежде чем страны черноморского района будут подключены к основным энергетическим структурам, они должны также присоединиться к основным финансовым структурам. Точно так же, как энергетическая отрасль располагает главным рубильником, отрасль финансовая сосредоточивает в себе принятие решений.

Следует иметь в виду – энергетика и безопасность зависят от финансовой стабильности. Выработка стратегий использования нефтяных и газовых ресурсов должна, следовательно, идти рука об руку с поиском новых подходов к финансированию соответствующих проектов.

В идеале оба эти «рубильника» следует соединить или сосредоточить в одном месте, в противном случае принятие решений по нефтяным и га-

зовым «играм» остается предприятием наивным и может привести к дефициту энергии и безопасности.

Возможные риски, таким образом, могут появиться не только в местах добычи и переработки или на транспортных маршрутах (как сухопутных, так и морских), но в той же мере и там, где оседают самые значительные суммы денег.

Украинский специалист Л. Поляков отмечал, что для Черноморского региона наиболее угрожающим является рост его значимости как транзитной территории. Транснациональные криминальные структуры активно занимаются контрабандой оружия, наркотиков, людей, будь то мигранты, молодые женщины или террористы-боевики.

В сфере энергетической безопасности в регионе можно ожидать следующих изменений.

В перспективе на конфигурацию транспортных сетей в черноморском регионе могут повлиять планы Вашингтона по строительству нефтепроводов в Ираке в направлении Турции и Израиля.

Создание международного консорциума по управлению сетями транспортировки природного газа из Украины под контролем России с участием «Рургаза» (Германия) и «Газ де Франс» (Франция) может означать российское верховенство в распоряжении энергетическими ресурсами региона.

Изменение первоначального направления нефтепровода Одесса – Броды и использование его для транспортировки российской нефти к Черному морю может полностью опрокинуть текущие планы транспортировки нефти в черноморско-каспийском регионе.

То, каким образом Соединенные Штаты справятся с послевоенным урегулированием в Ираке, также может повлиять на появление новой обособленной стратегии ЕС в отношении углеводородных транспортных сетей, прокладываемых в направлении и за счет объединенной Европы.

Румыния постепенно обретает потенциал превращения в одного из лидеров в отношении укрепления стабильности в этом регионе и за его пределами – на Кавказе, в Афганистане и Ираке.

Географическое положение Румынии (наряду с ее людскими и материальными ресурсами) позволяет стране утвердиться в роли связующего звена между новой Восточной Европой и Центральной Азией, Кавказом и Новым Ближним Востоком. Румыния обладает всем необходимым для того, чтобы стать региональным центром экономической деятельности.

В конце концов объединенная Европа осознала значение Черного моря и его потенциала для успешного регионального строительства и создания новой среды безопасности.

Мост, который предполагается навести между этим регионом и Европейским союзом, будет служить для осуществления проектов в таких областях, как энергетика, инфраструктурные магистрали, железные дороги и портовые сооружения, совершенствование важнейших инфраструктурных элементов энергетических систем в целом.

В то же время, с точки зрения Брюсселя, новые связи создадут обширную сеть с колоссальными возможностями сотрудничества между расширенной Европой, Средиземноморьем с первичным фокусом на Ближнем Востоке, Черном и Каспийском морях.

Однако до сих пор проекты, финансируемые ЕС, тяготеют к специфическими вопросам энергетики. Отсутствие общей внешней политики в сфере безопасности имеет свою цену, которую приходится платить. Соединенные Штаты с выгодой для себя пользуются тем, что Европейский союз лишен стратегического видения возможностей черноморского региона, а потому уже более десятилетия играют там одну из главных ролей. Складывается впечатление, что в Европейском союзе до сих пор нет понимания того, что, начиная с 2007 года, когда Румыния с Болгарией станут членами ЕС, западное побережье Черного моря станет границей Союза.

Географическое, политическое, экономическое, культурное и религиозное разнообразие, равно как и различие систем, могут рассматриваться как препятствия для сотрудничества в Черноморском регионе. Однако и в прошлом и в настоящем такое разнообразие способно придать успешным совместным действиям отдельных стран региональную значимость.

П. Мило, экс-министр иностранных дел Албании.

После довольно продолжительного периода национальной розни, политического кризиса и социальных взрывов, сопровождавших распад коммунистических режимов, западнобалканский регион, как представляется, вступает в новый этап, который постепенно оставляет в прошлом дурное историческое представление о нем как о «пороховой бочке».

Факторы, способствующие такому благотворному развитию событий, можно сгруппировать в локальные, региональные и международные.

Одним из основных локальных факторов, определяющих характер нового этапа развития посткоммунистических стран на Западных Балканах, является то, что в них действуют демократически избранные правительства; предпринимаются серьезные попытки создать действенные демократические, политические, законодательные, юридические институты, здесь действуют и играют все более значимую роль гражданское общество и свободные, независимые средства массовой информации. После 1999 года, когда с балканской политической сцены сошли последние коммунистические и националистические диктаторы (Туджман, Милошевич), человеческие права и в особенности права национальных меньшинств стали наполняться новым содержанием.

Однако еще многое не завершено и еще многое предстоит сделать. Состояние экономики в балканских странах, особенно на Западных Балканах, все еще весьма далеко от уровня и конкурентных возможностей рыночной экономики других европейских стран. В некоторых из государств, таких как Босния и Герцеговина, Сербия и Черногория, Албания, Македония, многое еще предстоит реформировать, чтобы выйти на уровень других стран региона. Существуют такие негативные явления, как повальная коррупция, торговля запрещенными товарами, организованная преступность, которые стоят в ряду самых больших сложностей, с какими приходится сталкиваться западнобалканским странам. В своем реальном воплощении новым демократиям Балкан еще очень далеко до достижения европейских стандартов в проведении выборов, в соблюдении прав человека и уважении прав национальных меньшинств, в деятельности прессы и гражданского общества.

К числу существенных международных факторов, реально действующих на Балканах, можно отнести Европейский союз, США, Россию, ООН, НАТО, ОБСЕ, Контактную группу и др. Между ними происходит как соперничество, так и сотрудничество.

Страны Западных Балкан стремятся как можно скорее войти в евроатлантические структуры. Они уже вовлечены в этот процесс, но на разных уровнях и с различными скоростями. Хорватия, самая передовая и развитая страна на Западных Балканах, стоит на пороге открытия переговоров о полноправном членстве в ЕС. Македония еще весной 2001 года подписала Соглашение по стабилизации и ассоциации и уже обратилась с просьбой о предоставлении статуса страны-участницы переговоров о предоставлении полноправного членства в ЕС. Албания завершает переговоры об участии в Соглашении по стабилизации и ассоциации. Сербия и Черногория, а также Босния и Герцеговина находятся в начальной стадии процесса.

Примерно такая же картина складывается и с вхождением западно-балканских стран в НАТО. Три страны, участницы «Адриатической хартии» – Албания, Хорватия и Македония, которые к тому же заручились поддержкой США, всегда были ближе к тому, чтобы войти в альянс в качестве полноправных членов.

Вхождение этих стран в евроатлантические структуры поможет развить и укрепить их стабильность и безопасность, обуздать или взять под контроль локальные националистические агрессивные силы.

Питательную среду для отсутствия стабильности и безопасности создают также бедность и низкие темпы развития. Значительной помощи Брюсселя (по прогнозам, только за период 2000–2006 годов эта помощь составит 5 млрд. евро) недостаточно, чтобы вывести регион из водоворота кризиса и открыть перед ним подлинные перспективы развития. Юго-Восточную Европу и особенно Западные Балканы ни в коем случае нельзя рассматривать как «третий мир» Европы: это ее неотъемлемая часть.

Создание важных коммуникационных коридоров, прокладка газо- и нефтепроводов в балканском регионе на основе общего участия и сбалансированных интересов стали бы громадным импульсом для развития региона, способствовали бы его естественной интеграции в транснациональную европейскую экономику.

Интеграция балканских стран в ЕС начинается с их региональной интеграции. Балканам нужен общий региональный рынок, который станет частью единого европейского рынка. Подписание Соглашения о свободной торговле между балканскими странами – важный шаг в этом направлении, но за ним должны последовать другие действия, снимающие национальные преграды.

Региональная интеграция – не только рыночная интеграция. Идея заключается в многосторонности, многомерности: экономической, политической, культурной, гуманитарной и т.п. Это означает свободное перемещение людей, создание такой системы, которая уже получила название «Балканский Шенген». У традиций, истории, культуры и балканского искусства общие черты и общие корни. А значит, познавая и культивируя их, можно существенно облегчить наведение тех духовных мостов, которые соединяют народы, способствуют развитию у них тер-

пимости, желания совместного проживания, избавляют от ненависти и ксенофобии во взаимных отношениях.

В течение многих лет многочисленные региональные и международные, государственные и неправительственные организации способствуют экономическому и политическому сотрудничеству в регионе, защищают права национальных меньшинств, координируют деятельность по предотвращению конфликтов и напряженности между странами, укрепляют региональную безопасность и стабильность.

Такие организации, как Пакт стабильности, являющийся прямым инструментом ЕС для поощрения региональной интеграции, а также Процесс сотрудничества в Юго-Восточной Европе (SEECP) вносят выдающийся вклад в достижение этих целей.

То же можно сказать и об Организации Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС), говоря о роли и достоинствах которой, мы подчеркиваем важный характер ее деятельности в регионе. В то же время необходимо придать ей новый динамизм и пересмотреть статусные цели. Только таким путем ОЧЭС сможет лучше соответствовать вызовам времени и способствовать не только развитию и сотрудничеству, но и безопасности, помогать борьбе с терроризмом всех оттенков и с негативными транснациональными явлениями.

Стабильность Юго-Восточной Европы и ее вхождение в европейские и евроатлантические структуры во многом будет зависеть еще и оттого, в каком направлении станут развиваться события в Косово, Сербии и Черногории, Македонии, Боснии и Герцеговине.

Косово было и остается важной и насущной контрольной точкой для будущего данного региона. Там происходит медленный, но неуклонный процесс упрочения безопасности и стабильности, укрепления демократических представительных институтов, создания все более благоприятных условий для формирования климата сосуществования и межэтнического диалога.

У Косово, как и у балканского региона в целом, есть своя модель будущей организации – вхождение в европейскую семью. Это станет отслеживаемым процессом постепенной независимой интеграции в структуры ЕС и гарантирует долговременную стабильность в Юго-Восточной Европе, а также определенно обесценит в этой части Европы устаревшие реалии и великодержавные замыслы националистических экстремистов.

По счастью, в последнее время развитие обстановки в Македонии происходит именно этим путем, о чем свидетельствует неудача референдума 7 ноября 2004 г.

Если же к перечисленным позитивным переменам можно было бы прибавить еще и стремление Союза Сербии и Черногории стабилизировать политическую обстановку, избавившись от националистических клише, то для всего региона началась бы новая эпоха.

Балканы не должны оставаться политической лабораторией, в которой пробуются различные варианты и стратегии выхода. Балканы – часть Европы.

С этой точки зрения, очень ценна и важна роль Российской Федерации в общем стремлении международного сообщества гарантировать безопасную и стабильную обстановку в Юго-Восточной Европе.

О. А. Воркунова, *руководитель Центра исследований проблем мира и развития ИМЭМО РАН.*

Современный этап развития отличается географическим уплотнением пространства, которое внешне выражается в политической, экономической и военно-стратегической взаимозависимости различных регионов мира. Иными словами, все регионы мира становятся стратегически значимыми. При этом можно выделить политически приоритетные географические регионы.

К ним относятся Евразийский регион, в традициях классической геополитики – Хартленд северного континента, и окружающая его буферная зона. Макрорегион Средиземноморье – Черноморье – Каспий относится к буферной зоне и концентрирует достаточно серьезную и значительную часть мировой политической энергии.

Формирование большого комплекса, в который входят Средиземноморье – Черноморье – Каспий, включая Кавказ, ведется за счет общих процессов развития, сглаживания различий, просто взаимосвязей, общности исторического прошлого, схожести геополитических, экономических, экологических и других показателей. При этом данный макрорегион становится весьма перспективным транспортным путем из Европы в Азию. Воссоздаются новые транспортные коридоры, происходит возрождение идеи Великого шелкового пути в современной трактовке, через этот макрорегион проходят маршруты доставки нефти.

Значение данного региона в политике и России, и Евросоюза возросло на рубеже XXI века. К этому периоду относится появление первых документов Евросоюза, касающихся новой концепции расширенной Европы и соседства. Первый такой документ появился в марте 2003 года, и следом за ним, в июне того же года, появился документ, касающийся вопросов безопасности, который представлял в Европейском Совете Хавьер Солана, и там первоначально проводился знак равенства между понятиями концепции «расширенная Европа» и «соседство».

Складывающаяся европейская структура начинает осознавать в большей степени региональные интересы, отличные от государственных.

На повестке дня США – последовательное решение задачи контроля над макрорегионом Средиземноморье – Черноморье – Каспий. Де-факто созданы новые зоны ответственности Евроатлантического союза в регионе Большого Ближнего Востока: Балканы, Афганистан, Ближний Восток, Центральная Азия.

На фоне изменений между силовыми центрами и периферией вся структура региональных отношений в этом регионе подверглась перестройке. Неизменным остался лишь феномен балканско-кавказского геополитического синхронизма, который проявляется в параллельности развития событий. Общность интересов и потребностей подкрепляется общностью угроз, вызовов и рисков, что объективно создает благоприятные условия для развития регионального сотрудничества и региональной интеграции.

В рамках развития южного измерения Евросоюза основным механизмом служит идея европеизации, рассматриваемая как процесс трансформации, как некое культурное, нормативное, институциональное и

экономическое влияние европейской интеграции на внутренние структуры соседних государств.

Примечательно, что появление идеи европеизации и добрососедства или соседства отражает качественное изменение традиционных европейских понятий пространственных отношений между государствами под влиянием фактора расширения Евросоюза и появления новых угроз безопасности Европы. Установление жестких фиксированных границ является традиционно европейской практикой, в то время как идея соседства вносит элемент размытости и незавершенности географического пространства.

Концепция соседства является ответом на вызовы новой геополитической ситуации и в Европе, и в Евразии. В отличие от концепции расширенной Европы, она подразумевает географическое включение пространства Средиземноморья, Южного Кавказа и поэтому отчасти претендует на создание аналога идеи буферных государств лорда Керзона.

Между расширенной, в результате приема новых членов, Европой и пространственно сократившейся Россией возникла зона нестабильности. С присоединением к этому срединному ярусу Украины, Молдовы и Беларуси увеличилась уязвимость и непрочность пространства. В этих условиях буферные государства нуждаются в поддержке со стороны внешних держав и гарантиях своей территориальной целостности. Поэтому они прибегают к традиционной практике балансирования между крупными силами. Буферные государства, как правило, становятся жертвами геополитических интриг. Поэтому проблемы стабильности и устойчивого развития для них становятся синонимом выживания.

Существует разрыв между декларативным представлением политики России на постсоветском Юге и реальными усилиями по обеспечению национальных интересов. Мы можем сказать, что в геополитическом плане Россия призвана оставаться евроазиатской державой и неделимым ядром Хартленда, растянувшегося на континентальном массиве Европы и Азии. Но в нынешней фазе своего развития для России первостепенным являются все-таки сосредоточение и мобилизация имеющихся у нее сил и ресурсов для устойчивой внутренней динамики, а также сохранение и укрепление своих позиций и обеспечение безопасной буферной зоны.

И вот в этом есть элемент стыковки интересов и России, и Евросоюза – обеспечение безопасности буферной зоны.

Достаточно острыми и, по всей видимости, кардинальными вызовами для России и Европы является высокая конфликтогенность регионов этого буферного пространства. И здесь возможны также стыковки по выработке совместных решений и совместного видения на пути предупреждения конфликтных ситуаций и насилия в зонах замороженных конфликтов. Очень многие признаки говорят о том, что сейчас этот период достаточно устойчивой замороженности конфликта может быть взорван переходом конфликта в свою горячую стадию.

Еще один момент, сближающий политику южного измерения России и Евросоюза, связан с международным терроризмом – это формирование достаточно последовательной концепции политики и практики в отношении радикального ислама или исламистского экстремизма.

В концепции расширенной Европы и соседства, предлагаемой в основополагающих документах Евросоюза 2003 и 2004 годов, рассматриваются возможности сочетания многосторонних и двусторонних механизмов по разрешению конфликтных ситуаций. Также предлагаются различные институциональные механизмы, которые были бы привлекательными для сторон конфликтного взаимодействия.

Это сочетание двусторонних и многосторонних механизмов представляется чрезвычайно привлекательным для государств Южного Кавказа на уровне деклараций и выступлений. Хотя здесь имеются, естественно, серьезные подводные камни, которые связаны в большей степени с особенностями трансформационного периода в развитии этих государств. И прежде всего с достаточно опасным процессом демодернизации или архаизации, т.е. укрепления культурных традиционных ценностей, в том числе и в рамках политической культуры, которые будут служить основным препятствием для любимой идеи Евросоюза – идеи распространения европеизации на пространство новых соседей, включая конфликтные зоны Южного Кавказа и отчасти Балкан.

Н. К. Арбатова, директор научных программ Комитета «Россия в Объединенной Европе», директор Центра международных отношений Института Европы РАН.

Несмотря на то что проблемы глобализации стягивают различные регионы вместе, диалектическое противоречие состоит в том, что было бы крайне неверным рассматривать Черноморско-Средиземноморский регион как единое целое. И это можно уподобить той ошибке, которую совершило руководство Ельцина после распада Советского Союза, когда постсоветское пространство рассматривалось как единое целое, без выделения приоритетов, без понимания фактора регионализации на этом пространстве. Мы не должны забывать о факторе регионализма.

На мой взгляд, Балканы являются сердцевиной Черноморско-Средиземноморского региона. Для всех партнеров в Евроатлантическом регионе события на Балканах приобретают особое значение.

Почему терроризм получил такую интенсивность именно в наши дни? Мне кажется, причина состоит в том, что мы недооценили конец bipolarности, конец окончания противостояния Восток – Запад. И когда это противостояние исчезло, усилилась напряженность по линии Север – Юг, что стало ответом Юга на модернизацию, на вестернизацию Севера.

Какие факторы важны для понимания феномена терроризма на Балканах? Первый фактор – наследие югославского конфликта, второй – события, которые последовали после 11 сентября, и третий – война в Ираке.

Конфликты на постюгославском пространстве – уникальный пример кровопролитных вооруженных конфликтов, которые фактически не создали террористического феномена, потому что просто не было почвы для терроризма в этих войнах. С самого начала для международного сообщества было ясно, кто агрессор, кто жертва в этих конфликтах.

В частности, ОАК (Освободительная армия Косово) объявила в середине 1980-х годов о том, что будет проводить интифаду по палестинскому образцу. Но ОАК не стала прибегать ни к каким террористическим

действиям, потому что для нее это было бы контрпродуктивно, поскольку она была фактически поддержана международным (западным) сообществом. Но, как это ни парадоксально, инфраструктура терроризма была создана именно в эти годы.

Какие же факторы определяют питательную среду для террористических группировок на Балканах? Прежде всего, это нежизнеспособные государства и государственные образования. Распространение нежизнеспособных государств – такая же опасная вещь, как распространение ядерного оружия. У международного сообщества просто не хватит сил поддерживать эти образования.

Второй фактор – это, конечно, то, что от постюгославских конфликтов осталось не только огромное количество вооружения, но и сами вооруженные, квазивоенные группировки. Они существуют во многих странах бывшей Югославии, но без преувеличения можно сказать, что самой мощной является ОАК, которая приобрела новое название, новые формы, но нигде не исчезла. И это та часть косовской проблемы, которая не была решена. Существуют полувоенные группировки и в Сербии, в Митровице (на сербской части Косово).

И последний фактор – беженцы и перемещенные лица. По некоторым данным, существуют 3 млн. беженцев и перемещенных лиц. Даже если мы сократим эту цифру вдвое или втрое – один миллион! Это огромное число людей, не нашедших свое место, тоже создающих питательную среду для террористических организаций, которые рекрутируют людей из этой социальной среды.

Теперь о втором факторе: воздействии 11 сентября на ситуацию в Европе. Процессы, в общем-то, начались гораздо раньше. Это процесс политической исламизации мусульманского населения, которое проживало в Европе (специалисты очень четко разделяют ислам как религию и политический ислам). И это началось еще до краха биполярности, когда, вследствие нехватки рабочей силы, Европа стала привлекать из Южного Средиземноморья рабочую силу.

На индивидуальном уровне мусульмане могут быть легко интегрированы в западные общества, но на уровне сообществ это представляется крайне трудным делом. И сегодня это огромная проблема и для России.

Этот процесс усилился в начале 1990-х годов после распада Советского Союза. Франция сыграла здесь не последнюю роль, приняв у себя на территории в начале 1990-х годов алжирскую оппозицию, которая потом переродилась радикальным образом, расселилась по всей Западной Европе и создала террористические ячейки. После 11 сентября многие правительства Европы, многие секретные службы были обеспокоены этим фактом. И если из Западной Европы террористы – их называют «бродячие террористы» – и бежали куда-то, то многие из них нашли приют на Балканах.

И последний фактор – война в Ираке. Еще до военного вторжения многие специалисты – и американские, и российские, и европейские – писали, что война в Ираке не только не уменьшит накал терроризма, но и подстегнет его. Она усилит региональную нестабильность, она подорвет дружественные США арабские режимы, она подорвет позиции Тур-

ции, основного союзника США в регионе широкого Ближнего Востока. И мы, прошедшие опыт Чечни, очень хорошо это понимаем. Сколько раз мы брали Грозный, и что было после этого? Война идет не с армией, война идет, к сожалению, с гражданским населением, и это война долгая, затяжная, и она будет питать террористическую среду.

Что нужно? Во-первых, конечно, укреплять стабильность на Балканах. Это необходимое условие для стабильности в Евроатлантическом регионе и непосредственно в Европе. И, прежде всего, нужно адресно решать проблемы, о которых я говорила: нежизнеспособные государства, организованная преступность, военизированные организации, беженцы и перемещенные лица.

Есть одно отрадное событие: на Балканах существует региональное агентство спецслужб, которое занимается антитеррористической деятельностью. И Олимпийские игры в Греции, в частности, охранялись этими спецслужбами.

Конечно, антитеррористическая коалиция может быть очень широкой, она может иметь гибкую геометрию. Но ее ядром будут являться Россия, Европа (Европейский союз) и США. И необходимо создавать структуры внутри этого треугольника для того, чтобы бороться с общей опасностью.

Наконец, по поводу отношений России и ЕС в контексте тех процессов, которые развиваются в Юго-Восточной Европе. На мой взгляд, одна из проблем России в отношении ее самоидентификации состоит в том, что Россия всегда была исключена из стратегии Европейского союза.

Стратегия ЕС в 1990-е годы строилась на двух процессах: стабилизации для Центральной и Юго-Восточной Европы через региональное сотрудничество и интеграции наиболее подготовленных членов непосредственно в Евросоюз. А Россия была исключена из этих процессов, ей было предложено Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС) – то, что находится за пределами основных интеграционных процессов. И это было негласным делением посткоммунистической Европы на «своих» и «чужих». Именно поэтому Украина пытается всеми силами перешагнуть планку СПС, Молдова была включена в регион Юго-Восточной Европы, хотя в полной мере она не относится к этому региону ни географически, ни политически.

Россия по-прежнему остается за рамками стратегии Евросоюза, что полностью доказала последняя версия «Политики добрососедства Европейского союза». Три раза в этом документе говорится о том, что Россия – стратегический партнер, важное государство, но отношения с Россией будут развиваться на базе «четырех общих пространств». Нет четкого понимания, каково место России в европейских структурах.

Поэтому нам необходим новый договор с ЕС. Нам нужен такой договор, в котором был бы найден баланс интересов и Евросоюза, и России. Я в принципе против этих «специальных соглашений» с евроатлантическими партнерами. Но я бы предложила в данном случае Договор об особой ассоциации. Слово «особая» было бы приятно Европейскому союзу, «ассоциация» – России. В любом случае этот договор мог бы поднять планку в наших отношениях.

Д. Джуканович, научный сотрудник Института мировой политики и экономики (Белград).

Общее стремление стран Западных Балкан войти в Европейский союз, новые региональные инициативы и развитые двусторонние отношения позволят создать условия для полной свободы перемещения людей, услуг, товаров и капиталов. В этом отношении мы вправе ожидать сокращения числа нерешенных проблем между странами бывшей Югославии.

Адриатический субрегион включает в себя побережье шести стран Южной и Юго-Восточной Европы: Италии, Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговины, Сербии и Черногории и Албании. Общая оценка политической обстановки в странах Адриатического субрегиона, в особенности его восточных районов, по-прежнему характеризуется нестабильностью, порожденной конфликтами минувшего десятилетия.

Основные трудности данного региона порождают до сих пор не установленный статус этнических меньшинств, условия жизни беженцев и перемещенных лиц.

Вместе с тем для всех стран Западных Балкан характерна очевидная, пусть порой и излишне выставляемая напоказ, ориентация на интеграцию в Европейский союз. Очевидно, однако, что большинство стран субрегиона не удовлетворяют даже элементарным требованиям для такого рода интеграции. Правда, 1 мая 2004 г. в ходе «большого расширения» Европейского Союза Республика Словения стала членом этой организации. В июне 2004 года Республика Хорватия официально выдвинула свою кандидатуру на принятие в члены Европейского союза.

В Боснии и Герцеговине у власти все еще находится недееспособное правительство. Сегодня, почти восемь лет спустя после подписания Дейтонского мирного соглашения, Босния и Герцеговина по-прежнему *via facti* этнически разделена, а решающая роль в управлении государством принадлежит представителям международного сообщества.

Нереально ожидать продолжительного сохранения Государственного Союза Сербии и Черногории. Судя по данным последних опросов общественного мнения, общество в Черногории глубоко разобщено: 42% респондентов заявили, что они «за» независимость Республики Черногории, а 31% – «против».

Для Косово в настоящее время характерно репрессивное отношение к неалбанскому населению. Несмотря на настоятельные заверения представителей международного сообщества, что обстановка в Косово нормализовалась, факты свидетельствуют о том, что происходит как раз обратное. Международное сообщество по-прежнему опирается в своем подходе на принцип «стандарт выше статуса». Основывается он, прежде всего, на необходимости применять высокие стандарты к соблюдению прав человека, национальных и религиозных меньшинств.

К середине 2005 года международному сообществу предстоит выработать окончательное мнение по определению статуса этого края. Албанская община Косово проявляет нетерпение и настаивает на немедленном провозглашении независимости.

Республика Албания, несмотря на то что является членом «Партнерства ради мира», все еще далека от подлинной европейской интеграции.

Экономическое положение Албании по множеству параметров является наихудшим в регионе.

В двусторонних отношениях стран Адриатического субрегиона до сих пор велико число нерешенных проблем. Особенно это характерно для отношений между Государственным Союзом Сербии и Черногории, Хорватией, Боснией и Герцеговиной и Албанией. Существует проблема в определении линии границы по адриатическому побережью между странами, образовавшимися на территории бывшей Югославии.

Можно насчитать более пяти новых региональных инициатив по сотрудничеству в Адриатическом субрегионе.

Первым признаком региональной интеграции на территории, прилегающей к Адриатическому морю, явилось Альпийско-Адриатическое рабочее сообщество, основанное в 1978 году как объединение нескольких регионов центральноевропейских стран.

В 2000 году по инициативе Италии была создана Адриатико-Ионическая Инициатива, главная цель которой состояла в усилении сотрудничества в сфере культуры, науки, образования и предупреждения преступной деятельности между странами Адриатического и Ионического побережий (Албания, Босния и Герцеговина, Хорватия, Сербия и Черногория, Греция, Италия).

Адриатическая Хартия образована в 2003 году, ее членами являются Албания, Хорватия и Македония. Первичная их цель – добиться утверждения полной безопасности в регионе и быстрого вхождения в НАТО. Сербия и Черногория, а также Босния и Герцеговина имеют статус наблюдателей в этой организации.

Основная цель форума городов Адриатического и Ионического морей состоит в поощрении развития туризма и защите среды обитания.

Несмотря на предпринимаемые международным сообществом усилия по нормализации обстановки на Западных Балканах, есть еще немало трудностей, препятствующих налаживанию развитых отношений между странами региона. Регион все еще испытывает экономический кризис, а в ряде мест остается скрытая межэтническая напряженность. Демократические институты и власть закона еще не заработали в полную силу, в то время как сеть организованной преступности продолжает расширяться, приобретая межгосударственные масштабы.

И все же процесс интеграции этих стран в ЕС, несомненно, послужит ослаблению постоянной напряженности и уменьшению вероятности возобновления конфликтов.

Новое укрепление средиземноморского измерения в Европейском союзе будет способствовать укреплению политической обстановки на территории Адриатического субрегиона. Ведущая роль в этом процессе принадлежит Италии и Словении, которые являются своего рода мостами между ЕС и странами восточного побережья Адриатического моря.

А. С. Ципко, главный научный сотрудник ИМЭМО.

Я хотел бы сформулировать проблему, которая относится к нашей дискуссии: «Средиземно-Черноморский регион в самосознании российской национальной элиты» или «Южное измерение в самосознании российской национальной элиты». Судьба нашего государства во мно-

гом зависела от того, как национальная российская элита воспринимала этот регион. Мы все издевались над Павлом Милюковым по поводу его мечты о войне до победного конца, о том, что надо просить англичан взять контроль над Царьградом и Дарданеллами. Но это не был экстремизм, это была логика того типа национального самосознания.

Для него данный регион – Балканы, Причерноморье, Юг, включая Бессарабию, – родная страна, где разворачивались основные события истории. Он воспринимает этот регион как органичную часть собственного национального бытия.

А то, что у нас произошло во время распада СССР, и вся советская, российская элита – это совершенно другой тип национального самосознания. Это самосознание идентифицируется с Российской Федерацией, в лучшем случае, а чаще всего – с допетровской Москвой. И это самосознание, которое легко отдает, не сопротивляясь, огромное культурное историческое пространство и даже иногда провоцирует его распад.

Сегодня говорят, что Украина и Молдавия – «буферная зона». С моей точки зрения, мы не можем на равных сотрудничать в этом регионе. Для нас Украина, по крайней мере, та ее часть, которая возникла в рамках российской империи – продолжение нашей национальной истории. Мы можем и должны признавать суверенитет Украины, но мы должны понимать, что это бывшая часть новой России. В дальнейшем очень многое во внешней политике, в судьбе России будет зависеть от того, на какой идентификации мы остановимся.

На мой взгляд, у российской политической элиты, в экспертном сообществе начинает расти понимание того, что это не просто барьер между Востоком и Западом, а то пространство, от судьбы которого во многом зависит судьба новой России.

Р. А. Заргарян, эксперт по проблемам Южного Кавказа.

Я бы хотел остановиться на вопросах цивилизационных и геополитических в рамках черноморского пространства в целом. Очевидно, что глобальная политика, международные отношения в XXI веке будут развиваться под влиянием цивилизационных факторов. Наступила культуроцентричная эпоха, активно развиваются интеграционные процессы: Европейский союз, Африканский союз, Восточноазиатское сообщество. Аналогичные процессы намечаются и уже развиваются и в Средиземноморском регионе.

В 1985 году Франсуа Миттеран провозгласил Пакт Западного Средиземноморья, предполагающий интеграцию пяти западноевропейских стран и стран арабского Магриба. Сейчас обсуждается идея создания европейско-средиземноморского парламента. Но в этих процессах, как мы видим, мало внимания уделено Восточному Средиземноморью.

На мой взгляд, существует восточно-средиземноморская цивилизация, которая объединяет духовно близкие народы, как христианские страны этого пространства, так и ряд исламских стран. Концепция Хантингтона о том, что цивилизация и религия – это, в общем-то, синонимы, по моему мнению, не совсем верна. Цивилизация – это нечто более широкое. Как писал французский социолог Элиас: «Цивилизация – это все».

Если мы говорим о восточно-средиземноморской цивилизации, объединяющей и христианские, и исламские страны, то здесь доминирующим фактором будет не религиозный признак, а совокупность исторических, геополитических, социально-культурных факторов. В основе восточно-средиземноморской цивилизации лежит целый ряд пластов: эллинистический, византийский, армянский, иранский, славянский, арабский, христианский и исламский. В рамках этого восточно-средиземноморского единства можно говорить о существующей в течение многих веков тенденции к интеграции, к духовному и организационному объединению.

Как писал Тойнби, цивилизацией разрешается ответ на некие вызовы. Мы видим, что в конце XX – начале XXI века таким вызовом для стран восточно-средиземноморского пространства является политика Турции, в частности политика пантюркизма. Если мы проследим взаимоотношения между Турцией и всеми сопредельными государствами – Россией, Украиной, Болгарией, Югославией, Грецией, Ираном, Сирией, Ливаном, Арменией, Нагорно-Карабахской республикой и рядом других государств – то увидим, что эти отношения отличаются в значительной степени антагонистическими противоречиями. Это важный геополитический фактор, который объединяет восточно-средиземноморское цивилизационное пространство.

Очень важно подчеркнуть, что восточно-средиземноморское пространство – не периферия мировой истории. Как раз именно объединение стран восточно-средиземноморского сообщества, с точки зрения истории и перспектив дальнейших международных отношений, будет формировать новый центр геополитических отношений, который станет одним из системообразующих факторов в развитии международных отношений в Средиземноморско-Черноморском регионе, а также будет фактором стабильности и поступательного развития этого региона.

Ю. П. Давыдов, *главный научный сотрудник Института США и Канады.*

Мне кажется, что состояние и развитие любого региона нынешнего мира обусловлено сложным взаимодействием специфики исторических традиций данных территорий и глобальных тенденций мирового сообщества. Вопрос заключается в том, как это национальное и интернациональное соединяется между собой.

Мы здесь говорили о глобализации, но дело в том, что для тех государств, которые мы сейчас рассматриваем в рамках Средиземноморско-Черноморского региона, основной проблемой является их самоидентификация. В то время как процесс глобализации предполагает, что это место уже найдено и что то или иное государство, регион должны согласиться с теми стандартами ценностей, которые уже приняты в наиболее продвинутой части мирового сообщества.

Но этого нет, здесь полнейшая противоположность, потому что на ранней стадии процесса самоидентификации у каждого государства, хотим мы этого или нет, превалирует чистый национализм. Легче всего добиться объединения народа под национальными лозунгами, но это совершенно не совпадает с тем, что диктует глобализация. Поэтому

глобализация может оказать в данных условиях деструктивное влияние, к величайшему сожалению. Мы должны учитывать, на каком уровне развития находится мировое сообщество и на каком – данное государство, данный регион.

Можно отметить очень слабый потенциал региональной интеграции, т. е. фактически в истории этих стран не было попыток интегрироваться. Эти страны ориентируются на те процессы, которые идут за пределами региона и ставят своей целью в конечном счете присоединение к Европейскому союзу. Об этом мечтают и Грузия, и Азербайджан, и Молдова, а теперь и Украина. Я думаю, что они готовы к этому в меньшей степени, чем даже Россия, но такой настрой в этих странах существует.

Здесь очень много говорилось о конфликтогенности этого региона. Это действительно так, это справедливо. Мы говорим о том, что этот регион становится заметным в системе международных отношений, но его влияние обусловлено тем, что окружающее пространство боится какого-то взрыва, который может произойти.

Результат нашей политики в области преодоления кризисной ситуации – пять замороженных конфликтов: Нагорный Карабах, Абхазия, Приднестровье, Южная Осетия, Косово. Мы говорим о том, какие принципы можно было бы применить, чтобы разрешить эти конфликты, но у нас нет никакой идеи, как их решить. Более того, мы замалчиваем тот факт, что все эти так называемые независимые государства образовались путем использования военной силы.

Не работают ООН, ОБСЕ, не работают никакие «контактные группы». И Россия, которая взяла на себя ответственность за разрешение этих конфликтов, не предложила ничего, кроме общих рассуждений.

Когда мы говорим о праве наций на самоопределение, то особенно энергично обсуждаем этот вопрос тогда, когда речь идет о сецессии. Собственно говоря, остальные проявления права наций на самоопределение нас не очень интересуют. А вот когда вопрос стоит о том, что какая-то территория хочет покинуть данное государство, сразу возникает этот вопрос, и он становится очень острым и практически неразрешаемым.

Неразрешаемым, потому что международное право, на которое мы пытаемся сослаться, просто не работает, т. е. фактически у нас нет международного права в том понимании, в каком оно должно быть, потому что каждое государство суверенно. А если каждое государство суверенно, оно не признает над собой никакой другой власти. В этом заключается суверенитет. И готовности отказаться от этого суверенитета, как мы видим, очень мало. Поэтому надо сослаться на несовершенство нашей международной системы как системы.

Если вы возьмете Хельсинский акт, то в первой части вы найдете утверждение, что каждая нация имеет право на самоопределение, а в другом месте – положение о том, что каждая нация имеет право на территориальную целостность, и нерушимость границ является общим законом, если они не изменяются по согласию. Поэтому это не только местная проблема, касающаяся отдельных наций.

Есть правовое обоснование: вы имеете право использовать военную силу, если отражаете агрессию с чьей-то стороны, т. е. в порядке само-

обороны. В других случаях использование силы разрешается только с санкций Совета Безопасности. Но сколько у нас было нарушений по этому поводу, и мы ничего не делали. В том числе и мы сами этим грешили – вспомним Венгрию, Чехословакию, Афганистан и т.д.

Дело, конечно, не только в том, что недоделано наше международное право и что оно несовершенно. Никто, по крайней мере сейчас, не хочет поступаться суверенитетом.

В свое время Устав ООН предполагал, что эта организация должна иметь свои вооруженные силы, причем эти силы должны были быть очень значительными. Если бы ООН имела в своем распоряжении такие вооруженные силы и свой военно-штабной комитет, она могла бы что-то делать. А так – сколько было принято резолюций СБ в отношении Израиля о том, чтобы он покинул оккупированные палестинские земли. Но он не выполнил эти решения так же, как и мы не ушли из Афганистана.

Мы часто и миротворчеством занимаемся без всяких санкций ООН, только потом оформляя это как-то через ОБСЕ и т.д. То есть мы все время сами нарушаем правила, а хотим, чтобы кто-то их соблюдал. Система не может работать так. Она работает либо как всеобщая система с наказанием за то, что не исполняются те или иные нормы, либо она не работает вовсе.

Р. Г. Агаев, журналист, политолог (Баку).

То, что мною будет сказано, это взгляд из Баку. Все наблюдатели, политологи, политики согласны в одном – в Азербайджане (как и в Грузии) ситуация зашла в тупик. И в то же время все действия, которые мы наблюдаем, и внешние, и внутренние – только усиливают эту тупиковую ситуацию. Ничто так не указывает на тупики кавказских конфликтов, как бессилие, а может, нежелание глобальных сил, взявшихся за их урегулирование в собственных же интересах.

В Абхазии, которая вообразила себя суверенным государством, проводятся выборы президента. На итоги этих выборов независимого государства пытается влиять Тбилиси, но тут раздается окрик из Москвы: она не допустит давления на Сухуми, так как там есть российские интересы.

В то же время в Ереване проводится совещание с министрами самопровозглашенной Нагорно-Карабахской республики. В свою очередь, Баку в это время смотрит на Москву и западные столицы: что происходит, что делать? А оттуда раздаются советы: может быть, лучше будет наладить экономическое сотрудничество с соседом. А как наладить экономическое сотрудничество с соседом, который оккупировал более чем пятую часть Азербайджана?

Раздаются другие голоса: нужно эту ситуацию законсервировать и ждать, когда вызреют какие-то возможности. Мне кажется, что установка «ни мира, ни войны», консервации конфликтов противоречит реальным интересам всех сторон.

Южный Кавказ представляет собой важнейшее коммуникационное сплетение планеты. В этом центре пересекаются жизненно важные международные транспортные коридоры и экономические оси: Запад – Восток и Север – Юг. Здесь пролегают маршруты энергопотоков, следующих

из района Каспийского бассейна на Запад. Но угроза неурегулированных конфликтов уже сегодня ставит под вопрос эти проекты.

Есть мнение, что консервация хороша тем, что дает возможность подождать, пока процессы демократизации в этих странах дойдут до такого уровня, когда все само собой решится. Но ведь реальность заключается в том, что именно конфликты и то, как происходила фрагментация Грузии и Азербайджана, фактически отбросили демократические процессы. Страны вооружаются, и ситуация стимулирует не демократические процессы, а наоборот – авторитаристские тенденции на Южном Кавказе.

Кавказ из мирного дома разных народов и конфессий постепенно трансформировался в зону отчуждения этносов.

За прошедшее с момента прекращения огня время предлагались самые различные методы урегулирования конфликта. Сейчас на многих неофициальных дискуссиях эти проекты опять возникают. Например, план Гобла неожиданно обретает больше сторонников, чем тогда, когда этот проект был выдвинут.

Года два назад мне было предложено изложить свои размышления на эту тему, и я предложил исходить из истории вопроса. До сих пор многие не знают, что одна из конфликтогенных точек – Нагорный Карабах – своим образованием обязана международно-правовому внешнему вмешательству. Ведь Нагорно-Карабахская область была сформирована после длительной междоусобной войны. Пришли большевики в Азербайджан и в Армению, выслушали все стороны и сказали, что Нагорно-Карабахская автономная область будет в составе Азербайджана. Причем гарантом выступала Москва. И эта автономная область в составе СССР продержалась достаточно долго, т. е. был накоплен опыт сосуществования.

Не лучше ли на данном этапе, когда были испробованы все возможные варианты решения проблемы, исчерпаны военные попытки, а международные посредники увязли в этом процессе, мобилизовать ресурс внешних сил и попробовать повлиять на ситуацию с помощью санкционированных принудительных мер, предпринятых ведущими державами, опираясь на соответствующие решения ООН, на международное право.

Когда два года назад была опубликована эта моя идея, она не особенно привлекла к себе внимание. Но вот год назад две азербайджано-армянские группа провели в Армении и Азербайджане социологическое исследование, выясняя подходы решения конфликта. И выяснилось, что около 30% экспертов, журналистов, политиков, которым был задан вопрос о том, каким они видят решение проблемы на данном этапе, оказались сторонниками санкционированного принудительного вмешательства.

Как определенный поворот в общественном сознании можно расценить недавнюю появившуюся разработку Н. Гулиева, бывшего министра в правительстве Г. Алиева. Он выступил примерно с тех же позиций, но предлагает новую формулу урегулирования: 3 + 3, 1 + 1. Три южнокавказские республики становятся объектом миротворческих усилий России, Ирана и Турции под эгидой США и Евросоюза. При этом он исходит из того, что Южному Кавказу так же, как и Турции, Ирану и России, угрожает один и тот же фактор – развитие сепаратизма.

Если представить себе, что завтра, скажем, курдское сепаратистское движение получит какую-то поддержку внешних сил (а все сепаратистские движения становились реальной силой только в том случае, когда имели внешнюю поддержку), то под угрозой окажется уже целостность Турции и Ирана. Это курдское сепаратистское движение затронет и Азербайджан. А что произойдет, если сепаратизм получит развитие на территории России?

Отсюда главный вывод авторов новой формулы: поскольку сепаратизм угрожает самим региональным странам, и эти страны имеют здесь свои интересы, необходимо привлечь их, и на основе этой формулы попытаться воздействовать на ситуацию именно с помощью санкционированных принудительных мер. Такой опыт вмешательства международных сил имеется. В свое время с аналогичных позиций выступал С. Демирель, предлагая пакт для Кавказа, Э. Шеварднадзе неоднократно говорил о применении боснийской модели, имея в виду миротворческую операцию в Абхазии.

Представляется, что если бы такая модель была задействована, это блокировало бы новый очаг терроризма. Коль скоро глобалистские силы ведут дело к большей интеграции мира, и этот процесс продолжается, а сепаратизм как раз противостоит этой перспективной тенденции, ибо он ведет к фрагментации всего и вся, эти силы должны быть заинтересованы в этом.

Можно было бы создать под эгидой США и Евросоюза некую Еврокавказскую конференцию, которая могла бы быть наделена всеми необходимыми полномочиями для разработки и практической реализации модели мирного Кавказа.

Сторонники принудительной концепции предлагают при урегулировании кавказских конфликтов разработать систему мер, призванных развести стороны и восстановить требуемый статус-кво на основе международного права. Кстати говоря, новый молодой президент Азербайджана тоже считает, что такие вопросы должны решаться на основе международного права. Но мы все понимаем, что международные законы, так же как и внутренние, надо еще заставить работать.

В большинстве случаев сепаратизм смыкается с терроризмом. Если призывать эту мысль, то надо будет признать, что человечеству угрожает двухголовое чудовище: международный терроризм и международный сепаратизм.

Сепаратистские силы, «сепаратистский интернационал» уже координируют свои действия. Недавно прошло совещание министров иностранных дел самопровозглашенных республик, т. е. они идут по пути налаживания сотрудничества, они помогали друг другу и в ходе боевых действий. А в ответ нет единого фронта антисепаратистских сил.

Если никто не хочет обуздать сепаратистские процессы, смыкающиеся с терроризмом, это означает только одно – завтра с этим столкнутся новые регионы, новые государства и новые народы. И тогда эти процессы будет обуздать еще сложнее, чем на данном, относительно спокойном этапе.

Вот что интересно: в то время как ОЧЭС содействует интеграции этого геополитического пространства, находящийся рядом с ней кавказ-

ский ареал фактически дезинтегрируется. И дезинтеграция эта началась не сегодня и не вчера, а значительно раньше, потому что Кавказ развивался и испытывал на себе влияние сразу нескольких экспансий: иранской, тюркской и позже – российской.

В современном правосознании сложилось несколько Кавказов. Есть Северный, Южный Кавказ, а недавно были вброшены новые термины – «Малый Кавказ», «Большой Кавказ». На самом деле во времена Лермонтова Кавказ воспринимался именно как Кавказ, никакого Закавказья не было, он воспринимался как один общий ареал, взаимопроникающий, связанный, интегрированный, хотя там народы ссорились, составляли союзы и т.д., но это было единое пространство. Сейчас оно дезинтегрировано, и эта дезинтеграция продолжается.

Может быть, есть смысл создать какую-то организацию объединительного значения по типу ОЧЭС, скажем, Кавказскую конференцию. Такие попытки были, предпринимались, был Общекавказский дом, но он охватывал Южный Кавказ и ставил совершенно другие задачи. Есть ГУУАМ, куда входят и Азербайджан, и Грузия, но мы знаем, кто инициировал это и в каких целях.

Мне кажется, что Россия могла бы инициировать создание такой организации для Кавказа по типу ОЧЭС, поскольку Россия, в моем представлении, трансконтинентальная страна. ШОС, ОЧЭС – Россия тут как тут. А на Кавказе роль России ограничивается, и одно время она сама как-то отодвигалась, потом вновь вернулась. Такая идея дает повод и основание более серьезно заняться кавказскими делами, не вторгаясь и не выступая в роли какого-то арбитра.

А. Ф. Дашдамиров, профессор Российской академии государственной службы при Президенте РФ, академик Национальной академии наук Азербайджанской Республики.

Я бы не стал квалифицировать проблемы сепаратизма как некую демоническую силу. Сепаратистские процессы друг от друга отличаются, и радикализация сепаратистских движений происходит не вдруг и не сразу. У нации, этноса свои механизмы саморазвития, свои способы консолидации, самоутверждения, которые получили в истории XX века свое известное юридическое оформление. Это право на самоопределение.

Интерпретации одного из важных принципов демократического устройства любого общества, государства, и самое главное – толкование способа реализации этого принципа, содержат серьезные противоречия. Теоретически призваны регулировать данные процессы. Но на практике чаще приводят к их вырождению.

Одно из бедствий во взаимоотношениях народов, их элит, составляет проблема переоценки роли этнического фактора в истории общества, в решении социальных, политических, культурных, идеологических проблем.

На Балканах и на юге Кавказа мы имеем дело с этнической тенденциозностью политической практики. Это связано со многими причинами, вытекающими из истории взаимоотношений стран, уровня их развития. Кавказ в целом, в том числе и Южный Кавказ, отличается, на мой взгляд, избыточностью политизированной этничности. Там, где есть необходи-

мость пользоваться правовыми отношениями, инструментариями, прибегают к праву исторического первенства. Там, где должны работать политические категории, они заменяются, иногда даже бессознательно, на категории историко-этнические и т.д.

С этой точки зрения, характерным проявлением таких тенденций является то, что принято называть ирредентизмом. Что такое ирредентизм в моем представлении? По-существу, это политика этнического своеволия, политика исторических апелляций как псевдоправового обоснования прав на ту или иную территорию. И юридической поддержкой этого права становится право наций на самоопределение. Более того, многие политологи, политики сегодня считают, что бессмысленно апеллировать к праву, что принцип территориальной целостности не работает, поскольку он противоречит принципу самоопределения наций.

Между тем принцип самоопределения тут ни при чем. Это законный, нормальный принцип. Любое человеческое сообщество, любой этнос имеет право самоопределяться в формах своего существования, имеет право реализовывать свои потенции, обеспечивать свободное существование. Но если я имею право удовлетворять свои потребности, разве я не должен считаться с тем, чтобы реализовывать свои права, соотнося их с реальным политическим и историческим контекстом, считаясь с интересами других сторон?

Тем и отличаются Балканы, и особенно Кавказ, что этническая мозаика настолько не совпадает с государственными границами (это плод даже не веков, а тысячелетий), что нет абсолютно автономного самоопределения.

К сожалению, надо признать: процедуры тех или иных форм реализации права народа на самоопределение только-только нащупываются. В России возникает плюрализм форм через культурную, территориальную автономию. Принцип самоопределения не противоречит принципу территориальной целостности. Принцип неприкосновенности границ не значит, что границы не могут меняться, но меняться по добровольному, взаимному соглашению соседей. Нельзя насильственно нарушать границы.

Во-первых, надо наказывать те государства и институты, которые ущемляют права народов на самоопределение, на удовлетворение своих потребностей, но также и те, которые нарушают границы, их неприкосновенность. Пора искать пути и помогать обществам, миру избавляться от раздробленного восприятия целостных принципов, не разрывать их между собой, а способствовать их осуществлению в едином комплексе. Вот в чем я вижу позитивную перспективу выхода из конфликтной ситуации.

Во-вторых, надо, чтобы в международной правовой практике и политике была защищена позиция о немыслимости, деструктивном характере любых ирредентистских поползновений: мое государство там, где проживают люди моей национальности. Мы это проходили и в XX веке, и до того, и, кроме произвола в международных отношениях, это ничего не приносило.

Если сегодня США принимают решения и производят какие-то действия в обход позиций и точки зрения ООН, это не оправдывает ни аме-

риканцев, ни тем более не должно оправдывать практику нарушения решений Совета Безопасности. И оттого, что СБ оказывается невлиятельным органом, страдает не только Азербайджан, от этого страдает весь мир. Надо думать о том, чтобы не страдал ни мир, ни отдельно взятые страны, которые подвергаются, как выразился Р. Агаев, опасности фрагментации.

Ирредентизм – это реликт средневековой эпохи. Ирредентизм – отнюдь не защита национальных интересов, а манипуляция национальными интересами и этническими предпочтениями. Другое дело, надо создавать такие условия – и это решаемые вопросы, – когда бы одновременно обеспечивалась территориальная целостность государства и удовлетворялись потребности национальных меньшинств в безопасном, свободном развитии. В нынешних условиях таких объективных препятствий я не вижу.

О. А. Воркунова.

Я хотела бы акцентировать внимание на необходимость привлечения в переговорный процесс умеренных сил в исламе. Можно привести пример одного из самых старейших, кровопролитных, жесточайших конфликтов современности – конфликта в Шри-Ланке.

Сепаратистское движение и сама организация «Тамил Илама» были опытом жесточайшего терроризма очень высокого уровня организованности. Этот конфликт продолжается длительное время, но только в последние два года в переговорные процессы был введен исламский фактор – исламская община, причем именно умеренная ее часть. И с этого момента, когда в переговорном процессе произошло увеличение потенциальных участников конфликта, дело как-то сдвинулось с мертвой точки. Кроме того, возникли достаточно интересные проекты, в частности создание нетерриториальной федерации.

Любой конфликт – явление динамичное, и невозможно в какой-то точке отсчета прибегать к прежним схемам и вариантам решения, поскольку он развивается и каждый раз ситуация меняется. По всей видимости, привлечение новых субъектов переговорного процесса и поиски инновационных решений в урегулировании конфликта чрезвычайно перспективны. Я обращаюсь как раз к предложению о проведении европейской конференции, где бы участвовали основные региональные державы – Иран, Турция, Россия, а также США, Евросоюз и, возможно, Китай, – для решения Нагорно-Карабахского конфликта. И здесь я бы хотела упомянуть тезис из выступления г-на Мурешана о создании общественных структур, т. е. создания общества безопасности, в котором бы развивалось партнерство трехстороннее: общественное, частного капитала и государства.

Эта идея очень популярна на Западе, она связана с достаточно остро стоящими социальными проблемами, но это также перспективное направление и для создания того, о чем говорил г-н Делягин, – неких альтернативных структур системы безопасности сетевого характера, т. е. это как раз вариант сетевого ответа на вызовы терроризма.

Наконец, обращаясь к тем процессам и явлениям, которые происходят на Южном Кавказе, хотела подчеркнуть, что эта ткань, настолько ди-

намично развивающаяся и в то же время настолько тонко реагирующая на все внешние, постоянно меняющиеся факторы, что здесь очень сложно найти некую точку отсчета в той или иной ситуации.

Лобовой подход Евросоюза, связанный с процессами европеизации, т.е. понимание европеизации как насаждения политических, идеологических и экономических стандартов на эту достаточно сложную почву, приводит к опасным последствиям во внутривнутриполитическом плане. Сейчас в Азербайджане существует хрупкий баланс между тремя векторами развития: на Запад, на Россию или на ислам. С другой стороны, война в Ираке очень болезненно отозвалась в Азербайджане. Есть опасения, что нападение на Иран вызовет еще более серьезные последствия именно для расстановки внутривнутриполитических сил в Азербайджане.

Что касается Армении, то сложившаяся там ситуация – противостояние между президентом и оппозицией – тоже достаточно опасный момент. Здесь мне представляется перспективным создание региональных комплексов безопасности. Единственная возможность предотвратить игру отдельных субъектов политики в этом регионе в своих, национальных, государственных интересах – находить общерегиональные интересы для того, чтобы выстраивать структуру региональной безопасности и сотрудничества, которая могла бы смягчить существующую в регионе напряженность и расширить возможности для поиска урегулирования конфликтов.

А. А. Мелик-Шахназаров, эксперт по проблемам Южного Кавказа.

Я согласен с тем, что терроризм всегда вызывался политическими проблемами. После перемещения конфронтации между Востоком – Западом на линию Север – Юг, действительно, обозначились другие силы. И постоянное третирирование ислама как источника терроризма, действительно, не продуктивно и даже не актуально. Был, как говорили раньше, жупел мирового империализма, а с другой стороны – мирового коммунизма, сейчас есть жупел мирового ислама.

Я благодарен азербайджанским коллегам, которые сегодня воздержались от традиционных штампов, высказываемых представителями Азербайджана на мировой арене, которые в каждом своем выступлении пытаются подкинуть мысль о том, что Нагорный Карабах – это вотчина терроризма, там скрывается бен Ладен, выращиваются наркотики и т.д. Я думаю, что если бы это было так, законодательное собрание штата Массачусетс не приняло бы специальную резолюцию, в которой отмечается роль Нагорного Карабаха в строительстве демократии в регионе.

В связи с этим я хотел бы напомнить, что многие страны, которые пытались подавить, прессинговать свои национальные меньшинства, своих политических, этнических оппонентов, прибегали и прибегают к терроризму.

К сожалению, надо не забывать и о государственном терроризме. Когда здесь говорилось о Южной дуге и перечислялись исламские страны, почему-то никто не сказал об Израиле, стране, которая сталкивается с проблемами терроризма и одновременно сама ее история была замешана на терроризме – сначала частном, против англичан, поселенцев-арабов, а потом уже и на государственном уровне.

В связи с этим хочу напомнить, что в 1992 году Шамиль Басаев начал свою карьеру в Карабахе на стороне азербайджанской армии, был там бит и бежал оттуда, полторы тысячи моджахедов из Афганистана воевали на стороне азербайджанской армии и были также биты и ушли оттуда в другие, не столь отдаленные от Москвы, места.

Не надо поддаваться штампам, которые нам навязывают. Я думаю, что эти штампы, под прикрытием которых определенными силами решаются собственные нефтяные и политические интересы, на деле не способны урегулировать и помочь разрешению вопросов, а, наоборот, затрудняют их. Например, никто не ассоциирует Косовскую и даже Боснийскую трагедию с исламом, а, скорее всего, с агрессивным национализмом.

Р. А. Заргарян.

Прежде всего, я хотел бы сделать маленькую реплику по поводу исторической хронологии. Напомню, что права человека, права народов на самоопределение (а народы состоят из конкретных людей) – это не завоевания средневековья, а завоевания новой и новейшей истории.

Теперь, что касается методологии урегулирования карабахско-азербайджанского конфликта. Независимость Нагорного Карабаха ни в коей мере не нарушает территориальной целостности Азербайджана и не угрожает его безопасности. Напомню, что принцип территориальной целостности не применим к конфликту между Нагорным Карабахом и Азербайджаном по той простой причине, что Нагорный Карабах юридически никогда не входил в состав Азербайджана и, собственно говоря, советского Азербайджана тоже. Потому что решение о включении Нагорного Карабаха в состав советского Азербайджана было решением партийного органа, Кавбюро ВКП(б), т. е. нелегитимного органа.

Что касается вопроса процедуры реализации права народов на самоопределение, которая, как нас пытаются убедить, еще не разработана, хочу напомнить, что в современной науке эти параметры уже разработаны. Существует несколько критериев признания государственной независимости самоопределяющегося народа: историческая принадлежность, большинство населения, проведение референдума о независимости, невозможность метрополии управлять своей колонией на основе демократии, этнического мира, стабильности.

Кстати, международное сообщество использует эти критерии в современной практике урегулирования этнополитических конфликтов. Пример – Восточный Тимор. Был проведен референдум о независимости, международное сообщество признало, что правительство Индонезии не способно управлять своей восточнотиморской колонией, и таких примеров можно привести много.

Что же касается логики урегулирования, то, на взгляд карабахской стороны, она должна строиться исключительно на мирных переговорах. Тот, кто развязывает войну, в любом случае проигрывает. При этом урегулирование должно строиться на основе пакетного варианта, который является наиболее эффективным и продуктивным. Тот же Восточный Тимор – очевидный пример.

Но если мы будем рассматривать поэтапный вариант урегулирования, то здесь необходимо выделить две модели поэтапного урегулиро-

вания. Я бы их назвал «естественный мирный поэтапный план», на первом этапе которого стороны взаимно отказываются от насилия и признают друг друга, а на втором этапе решают наиболее сложные проблемы – территории, беженцы, границы, т. е. процесс урегулирования происходит от простого к сложному. Другая модель, которая нередко предлагается нашими коллегами из Азербайджана, так называемая «псевдопоэтапная», – тупиковый, военный план.

В чем его суть? Отдайте территории, и лишь потом, может быть, Азербайджан соизволит вести переговоры с Нагорным Карабахом. Очевидно, что такой план для Нагорного Карабаха неприемлем, потому что передача территорий, на которые предъявляет претензии Азербайджан, несомненно, спровоцирует азербайджанское руководство на новый виток военных действий, уже с новых, более удобных линий фронта.

Основными целями урегулирования я бы назвал четыре. Первая – обеспечение безопасности народа Нагорного Карабаха. Вторая – заключение равноправного мирного договора между Нагорным Карабахом и Азербайджаном. Третья – восстановление территориальной целостности Нагорного Карабаха. Четвертая – решение проблемы беженцев на взаимной основе.

И в заключение, что же мешает урегулированию на данном этапе? Во-первых, отказ Азербайджана от прямых переговоров с Нагорным Карабахом. Во-вторых, турецко-азербайджанская доктрина обращения с армянскими беженцами, суть которой – недопущение ни при каких обстоятельствах возвращения армян на те земли, откуда они были изгнаны. Очень сильно мешает урегулированию активная антиармянская пропаганда в Азербайджане, которая одновременно сопровождается шантажом мирового сообщества угрозами развязывания новой войны.

Я считаю, что на мировом сообществе лежит большая ответственность за предотвращение нового конфликта. И необходимо признать право народа Нагорного Карабаха на свободу выбора своего самостоятельного, демократического пути.

Р. Г. Агаев.

Свое присутствие на этой конференции я рассматриваю не в качестве полемиста с армянскими политологами по вопросу о том, кто был прав в карабахском конфликте, с чего все это началось и т.д. Я видел свою задачу в том, чтобы взглянуть шире на то, что происходит на Кавказе. И в процессе анализа пришел к выводу: то, что происходит на Кавказе, может начаться и в других регионах. И поскольку мне дорога Россия, так же как и Кавказ в целом, я с величайшей осторожностью подхожу к проблеме любой сецессии. Самоопределяться можно, но когда какая-то часть граждан какой-то страны присваивает себе право взять территорию и уйти в неизвестном направлении, речь идет не просто об исторических, моральных, духовных аспектах, речь идет о конкретной земле.

Краевой комитет или ЦК принял решение. Незаконное было решение, законное, но все, что они тогда приняли, было политической и государственной реальностью. Тогда и Армянская ССР была незаконно со-

здана, и Азербайджанская, и РСФСР. То есть, с такой контрпродуктивной логикой мы никогда не придем к нормальному разговору.

Надо рассматривать реальные предложения – поэтапные, конкретные и т.д. Ведь был длительный период мирного сосуществования народов Закавказья, это было реально. Хотите забыть, пожалуйста, будем жить в изоляции. Но это изолирует нас не только друг от друга, но и от перспективы мировых процессов, от той же самой демократии, о которой мы всегда мечтали.

А. А. Язькова, *председатель Совета Средиземноморско-Черноморских исследований (Институт Европы), член Ученого совета ИМЭПИ РАН.*

Мне кажется, наша дискуссия тем более интересна, чем более академична. Если мы будем употреблять такие слова, как «шантаж», «захват», мы вообще никогда ни до чего не договоримся. А мы все-таки работаем в рамках Академии наук, и академичный подход здесь полезен. Полезен с точки зрения выяснения ситуации, терминологии и некоторых общих принципов. Я столкнулась с тем, что даже очень квалифицированные политологи, коллеги, иногда не уделяют должного внимания изучению существующих норм и правил.

Принцип территориальной целостности, по словам Р. Заргаряна, не приемлем к Нагорно-Карабахской республике и к Азербайджану. И ссылались вы на события, которые происходили в процессе создания СССР. Но Советского Союза нет, он распался. Тем временем и Армения, и Азербайджан в 1992 году вступили в ООН. Конечно, нет определенности во многих положениях международного права, но в данном случае, когда государство вступает в ООН, оно определяет свои территории, свои границы, численность населения и т.д., и все это фиксируется в рамках ООН. Мне хотелось бы узнать, как вы относитесь к этому.

Второй вопрос: об исторической принадлежности. Апелляция к истории – самый непродуктивный путь, потому что тогда надо было бы переписать всю Европу. Тут можно зайти очень далеко.

И последний вопрос. Вот вы говорите: «решает большинство населения». Но во всех случаях, и в тех, о которых мы здесь говорили – Косово, Абхазия, Нагорный Карабах и особенно оккупированные районы Азербайджана (14% от его территории), – на всех этих территориях проходили массовые этнические чистки, были изгнаны сотни тысяч группы населения. Беженцы, точнее перемещенные лица, изгнаны, лишены права решать проблему государственной принадлежности своих территорий. Можно ли решать эти проблемы после изгнания этих лиц?

Кстати, я должна сказать в пользу Сербии и Косово. Когда проходили последние выборы в Косово, то сербам, которые были перемещены из Косово, была предложена возможность участвовать в голосовании. Так что там эта проблема обстоит лучше, чем на Кавказе. Как вы ответите на эти вопросы?

Р. А. Заргарян.

Во-первых, что касается ООН. Я сказал, что Нагорный Карабах никогда юридически не входил в состав не только Азербайджанской ССР, но и,

самое главное, в состав независимого Азербайджана. И на момент вхождения Азербайджана в состав ООН Нагорный Карабах уже провозгласил свою независимость и ни в коей мере не контролировался азербайджанскими властями. Все выборы, которые проходили в Азербайджане, проходили уже без участия народа Нагорного Карабаха. Азербайджан не представляет Нагорный Карабах в ООН и вообще в международном сообществе.

Второе. Можно привести немало примеров, когда часть территорий той или иной страны, являющейся членом ООН, потом признавалась независимой, т. е. участие страны в ООН совсем не панацея ее территориальной целостности. Типичный пример – Франция и Алжир. Алжир юридически не был колонией Франции, он был ее заморским департаментом. Но тем не менее ООН признала независимость Алжира. Другой типичный пример – Тайвань и Китай. Мы знаем, что их статус в ООН поменялся.

Что касается исторических вопросов. Если мы признаем, что история является наукой, мы должны признать, что история как наука может определить историческую принадлежность той или иной территории. Тем более что в ситуации с Карабахом это определить очень просто. Римская империя возникала, развивалась, распадалась, а Карабах как был в течение тысячелетий, так и оставался.

По поводу того, шантажирует ли Азербайджан мировое сообщество или нет. Приведу только один пример. Совсем недавно пресс-секретарь министерства обороны Азербайджана заявил, что через 25 лет Армения как государство не будет существовать. Это разве не шантаж?

Что касается выборов, то, к сожалению, ни армяне в Азербайджане, ни азербайджанцы в Нагорном Карабахе не участвовали в выборах. Но в момент проведения референдума в Нагорном Карабахе были специально подготовлены бюллетени для азербайджанской общины в Нагорном Карабахе. Кто же виноват, что они сами отказались участвовать в этом референдуме?

Косово – как раз типичный пример сепаратизма, потому что албанское большинство в Косово было создано искусственно в результате геноцида сербского народа как в период Средневековья, так и в годы Второй мировой войны. И Косово является исторической сербской землей, это любой историк вам может подтвердить. Я бы Косово сравнил с Нахичеванью.

А. А. Язькова.

Поскольку я «любой историк», могу вам сказать, что это не так: на нынешней территории Косово веками проживали и сербы, и албанцы.

В. Н. Казимиров, чрезвычайный и полномочный посол РФ.

Сегодня многие участники говорили о международном признании приеме того или иного государства в ООН, его границах. Здесь правовая часть лежит сама по себе, а политическая – совсем в другой плоскости. Разве Соединенные Штаты когда-нибудь признали вхождение трех прибалтийских республик в состав Советского Союза в 1940 году? Конечно, нет, тем не менее они терпели Советский Союз в составе Совета Бесо-

пасности ООН. Все-таки международное признание или прием в международную организацию – вещи не правообразующие сами по себе. Правообразующим является волеизъявление народа или фактический захват власти. Но от этого права еще не возникают. Так что здесь правильно говорили, что нынешняя международная правовая система дырява.

Вот 10 принципов Хельсинского акта. Здесь больше всего идут дебаты о двух принципах – о территориальной целостности и праве народов на самоопределение. А почему мы забыли остальные 8 принципов, они имеют ту же значимость. Скажем, мирное разрешение споров – разве это менее важный принцип? Или отказ от применения силы и угрозы силой – разве это в международных отношениях менее важный принцип?

Нагорнокарабахский конфликт для меня больше всего, потому что несколько лет я этим занимался как посредник от России. Давайте зададим вопрос сторонам: признают ли они, что судьба Нагорного Карабаха является спорной проблемой? Весь мир это знает, но получить признание от официальных лиц в Баку, Ереване или Степанакерте, что это спорная проблема, невозможно. А ведь это был бы первый шаг к цивилизованному решению вопроса, если бы стороны конфликта дозрели бы до формального признания того, что это предмет спора. А сейчас каждая сторона говорит: «Нет, это бесспорно мое». Это проявление национального эгоизма. Россию тоже можно упрекать в таких проявлениях, хотя она не научилась грамотно отстаивать свои интересы.

Есть два комплекса: комплекс победителей у армян и комплекс потерпевших неудачу в военных действиях у азербайджанцев. Надо помочь сторонам освободиться от этих комплексов, потому что из них вырастают два ультимативных подхода, которые не могут привести к каким-то конструктивным результатам. Одни говорят: «Сначала статус, потом территории», другие: «Сначала отдай территории, потом рассмотрим статус». Так – как будто человеческий интеллект не способен заниматься этими вопросами параллельно. Я утверждаю, что этим можно заниматься, нужна только политическая воля и какое-то напряжение, мозговая атака.

Я понимаю, что ни тот, ни другой подход для сторон не осуществим, потому что построен на ультиматуме к другой стороне: это она должна покориться и принять мои правила.

В Азербайджане никто не возьмет на себя ответственность уступить Нагорный Карабах Армении, подписаться под тем, что он вне Азербайджана. Даже понимая, что Карабах не подконтролен Азербайджану, все равно подписываться под этим никто не будет, потому что состояние умов в обществе таково, что это для него – политическое самоубийство.

Точно также не добьются азербайджанцы одностороннего освобождения, этакого безусловного, безоговорочного освобождения тех территорий, которые оказались под армянской оккупацией. Армянам очень не нравится, когда я использую термин «оккупация», но я предпочитаю вещи называть своими именами и считаю, что освобождение территорий достижимо, наряду с какими-то встречными уступками с азербайджанской стороны.

Достаточно взглянуть шире, и мы увидим, что у двух народов есть масса общих интересов, которыми сейчас пренебрегает руководство их стран, якобы во имя национального, на самом же деле – собственного интереса. Армяне, спустя столько веков, обрели государственность. Азербайджан, спустя 70 лет, тоже обрел государственность. И это можно использовать для сотрудничества, а не для того чтобы перегрызать друг другу горло.

Если посмотреть еще шире, то я бы даже дерзнул сказать, что, по существу, там нет победителей и побежденных, там пока что-то близкое к ничьей. Действительно, армян практически нет в Нахичевани, в Баку и в других местах, азербайджанцев нет больше в Нагорном Карабахе и в Армении, это было еще на начальной стадии конфликта. Произошло то, чего никогда не было. Они столетия жили вперемешку друг с другом, возникали иногда конфликты, но вместе с тем были и периоды нормального сосуществования, сотрудничества, взаимопомощи, были позитивные примеры.

Если разобраться, то, на мой взгляд, азербайджанцы не потерпели поражение, а потеряли некоторые преимущества, которые имели – я имею в виду нахождение Нагорного Карабаха в составе Советского Союза. А армяне не победу одержали – они едва выкарабкались из всякого рода разрушительных явлений, которые сотрясали армянский народ на протяжении столетий. Поэтому пора бы унять эти два комплекса, которые и мешают примирению: комплекс победителей, с одной стороны, и комплекс потерпевших поражение – с другой.

Не могла Минская группа – я имею в виду представителей 9 государств – быть эффективным посредником, о чем я говорил 10 лет назад. В тот период постсоветская Россия, в силу прошлого багажа нашего общего пребывания в рамках Советского Союза и исторических связей, имела, безусловно, уникальные возможности, чтобы работать над примирением между Арменией и Азербайджаном. И Запад этого не мог не знать. Но геополитические интересы, желание потеснить Россию в Закавказье, мешал нашим западным партнерам.

Я недавно обнаружил магнитофонную запись своего выступления в Вене (июль 1994-го), где я обращаюсь к «западникам»: «Вы сейчас можете добиться успеха. Наиболее оптимальный путь к успеху в этом урегулировании – это поддержка вами, Минской группой, посреднических усилий России. Не потому, что мы такие умные, но в силу целого ряда объективных обстоятельств у нас есть возможность продвигать дела быстрее, чем вся эта нейтральная девятка. Я вижу по вашим лицам и по вашим выступлениям, что вы не способны поддержать Россию. Но тогда не мешайте. Я вижу, что вы не способны и не мешать. Но тогда возьмите паузу в помехах месяца на два-три».

Кризис Минской группы был порожден именно тем, что в ней возоблудала точка зрения геостратегическая – потеснить Россию в Закавказье. Для американцев это имело особое значение, потому что минский процесс в то время был практически единственным средством вторгаться в дела Закавказья. Только что установили дипотношения, экономических позиций никаких не было, а вот ногу в приоткрытую дверь американцы вставили. И, конечно, это было для них очень ценно. Поэтому они поддерживали Минскую группу – именно в пику России.

Сейчас сопредседательство, на мой взгляд, ведет дела не лучшим образом. После Будапештского саммита и после Лиссабона к сопредседательству подключились США и Франция, и Минская группа была отставлена в сторону как переговорный, посреднический механизм. Эта функция была передана двойке Россия – Швеция, потом Россия – Финляндия, а потом – США, Франция и Россия. И это сопредседательство отошло от мандата Будапештского саммита. Это был единственный документ, который обстоятельно прописал все, даже процедурную сторону ведения карабахского регулирования.

Чем сейчас занимаются председатели? Спасением видимости переговоров, которых, по существу, нет. Эти пустопорожние встречи ни к чему пока не привели, и все заявления после каждой встречи о том, что мы продвинулись, что-то находим – это все суета.

А. А. Языкова.

Мое внимание в процессе занятий проблематикой конфликтов привлекла неупорядоченность международного права. Но тем не менее именно в Средиземноморско-Черноморском регионе, который мы сегодня обсуждаем, действительно проходит основная дуга нестабильности в Европе.

Чем характеризуется эта дуга? Во-первых, наличием самопровозглашенных территорий. Они практически никем не признаны и, кроме того, это зоны вне государственного и международного контроля, которые также в последнее время именуются «серыми зонами». И эта проблема имеет широкое международное звучание. «Серые зоны» – это Косово, Абхазия, я не буду трогать в данном случае Нагорный Карабах, но что касается оккупированных территорий Азербайджана, то специалисты, которые занимаются проблематикой «серых зон», относят их именно к такой категории.

В этом регионе за последние полтора десятилетия наметились и начали развиваться также и процессы сотрудничества в целом ряде областей: прежде всего, в сфере экономики. Организация Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС), хотя еще пока очень нестабильна, тем не менее имеет не только свой статус, но и международное признание, устав, структурные подразделения, и это то, что в какой-то мере противостоит возможности дальнейшего расширения дуги нестабильности.

Взяв за основу эти два момента – наличие конфликтных зон, дуги нестабильности и наличие структур, которые позволяют развивать сотрудничество в регионе, – мы задаемся вопросом: что мешает развивать региональное сотрудничество в более широком плане, а не только в экономическом.

Надо сказать, что по этому вопросу существуют очень разные мнения. В выступлениях некоторых международных политологов и политиков прослеживается такая мысль, что не стоит ворошить проблему, «не буди лихо, пока тихо» и «худой мир лучше доброй ссоры». Но так ли это в данном случае? Мне представляется, что сохранение существующих очагов конфликтов не только мешает, фактически нарушая жизнь и стабильность конфликтующих государств, но и является очень негативным региональным и международным фактором.

Можно ли дальше сохранять такое положение? Мне думается, что вряд ли. Не только потому, что ни одна, ни другая сторона не согласится с существующим положением вещей. Рано или поздно конфликт может реанимироваться уже в других, более опасных формах.

М. Делягин говорил о том, что создаются новые структуры международных отношений. Раньше это были государства, сейчас это сетевые структуры, причем транснациональные. И надо сказать, что эти сетевые структуры, как показывает опыт, базируются, как правило, там, где отсутствует государственный и международный контроль. И в конечном счете это способствует развитию и транснациональной преступности, и криминала: контрабанды, торговли наркотиками, оружием и т.д.

Еще мне хотелось бы сказать о «непримиримых позициях сторон». До всех событий 1990-х годов армяне и азербайджанцы вполне мирно сосуществовали в Баку, в Абхазии было 40% смешанных браков. Я была в 1980-е годы в Косово, и мне рассказывали и показывали, как сотрудничали сербы и албанцы – сельские жители. Не было такого отчуждения, а криминалитет и до сих пор сохранил формы сотрудничества.

В Косово восемнадцатилетние подростки, албанцы и сербы, которые в условиях военных конфликтов никогда не учились в школе, совместно торгуют наркотиками, оружием и т.д. У меня возникает вопрос: почему же они, не будучи современными, цивилизованными людьми, находят общий язык, а мы его найти не можем?

Что касается приема государств в ООН – все-таки в Организации Объединенных Наций существует список государств с их основными характеристиками. Я согласна, суверенитет Карабаха был провозглашен еще до распада СССР, но это опять же не имело в Советском Союзе никаких правовых основ.

И о праве на самоопределение. Тут у нас существует полная неразбериха, каждый трактует эту идею по-своему. Право наций на самоопределение, тем более этносов, никто никогда не провозглашал в международном праве. Возьмите Устав ООН – документ, который до сих пор имеет обязывающий характер и ратифицирован большинством государств, пакты о социальных и экономических, гражданских и политических правах 1966 года, они тоже были ратифицированы и имеют обязательный характер. Хельсинский документ имеет обязательный характер только в том случае, если вопросы будут решены на основе консенсуса.

В Уставе ООН записано отнюдь не право, а принцип самоопределения, причем не этносов и не наций, а народов, т. е. весь народ, населяющий данную территорию, может самоопределиваться. Верните всех перемещенных лиц в Абхазию или проведите референдум с участием тех, кто там проживал. Кстати, у них у всех имеются советские паспорта, где есть прописка. Верните азербайджанцев на оккупированные территории и попробуйте провести референдум. Вот тогда это будет действительно реализация права народа, народа в целом, а не этноса. Ни один этнос не имеет права самоопределиваться. Права этноса на обеспечение культурных, религиозных и политических прав прописаны в Пактах 1966 года.

О практике Евросоюза, который пытается решить проблему Косово. Евросоюз выдвинул лозунг: сначала стабильность, потом – статус. Не-

давно я присутствовала на семинаре по косовской проблеме, где были представители Евросоюза, кроме того, выступал представитель США и НАТО. Было сказано: да, по этому лозунгу не получается, может быть, пересмотреть: сначала статус, и это закрепит стабильность. Но такое решение уже будет противоречить тем самым нормам, которые записаны в международных документах.

И последнее. Мы все – представители общественных наук. И не можем не обратить внимание на то, что в любом из конфликтных регионов вырастают поколения, которые будут непримиримыми. И это в значительной степени зависит от того, как преподается история в школе. Недавно Евросоюз сделал жесткое замечание косовской системе преподавания в школьном образовании. Там практически воспитывается национальная ненависть на основе изучения истории. История, таким образом, может быть обращена не во благо, а в очень большое зло.

А. Ф. Дашдамиров.

Когда мы обсуждаем общие проблемы, глобальные – это одно. Когда мы пытаемся конкретизировать те же подходы к анализу, комментированию ситуации на конкретных конфликтных примерах, возникает масса разноречий. В этом есть своя закономерность.

Каждый конфликт (в Юго-Восточной Европе, на Кавказе) индивидуален и имеет свою неповторимую биографию. Поэтому общие постулаты не могут буквально реализовываться в оценках, анализе и управлении конфликтными ситуациями. Должна учитываться вся специфика конфликтов. Поэтому я далек от того, чтобы рассчитывать, что карабахский конфликт может быть или должен быть урегулирован при помощи третьих сил или инстанций.

Я вовсе не занимаю такую позицию, когда рассуждаю о необходимости решения проблем на правовом поле и об участии международных организаций. Я имею в виду совершенно другое. Я думаю, что здесь как раз есть две группы проблем, совместив которые, действительно можно добиваться урегулирования этнополитических конфликтов вообще, а не только карабахского. С одной стороны, это укрепление принципов международной безопасности, механизмов обеспечения международной безопасности, с другой – это проблема воли сторон и не только политической воли.

В позитивном опыте урегулирования конфликтов огромную роль играют институты гражданского общества. И до тех пор, пока стороны будут тиражировать стереотипы, например, рожденные на самой заре карабахского конфликта, никакого разговора о регулировании не состоится. Но если завтра коллеги из Армении встретятся с коллегами из Азербайджана и зададутся целью искать взаимоприемлемые подходы, тогда может возникнуть другая ситуация.

Не надо считать, что все зависит от президентов. Общество должно проявить интерес к урегулированию, а не к конфронтации. Вот тут сообщили, что чиновник из Министерства обороны Азербайджана сказал какую-то глупость, а я скажу, что мне не нравится, как президент Армении сказал, что «азербайджанцы и армяне этнически несовмес-

тимы», хотя они вполне могут взаимодействовать, о чем здесь сегодня говорилось.

Значит, дело в других причинах конфронтации, а не в этнической или человеческой несовместимости. Длительный конфликт рождает собственную психологическую, моральную и социальную инфраструктуру, возникают своя «культура», свои процедуры вражды. И нужна воля со стороны интеллигенции двух стран, чтобы сломить эту «культуру» и эти механизмы.

Такой опыт у армян и азербайджанцев был, но, к сожалению, он подзабыт. Этот опыт – позиция азербайджанской и армянской моральной и духовной элиты в 1905–1907 годах, в 1920-х годах, когда судьба Карабаха в Азербайджане или азербайджанцев в Армении решалась не только в Политбюро ВКП(б) и не только в Кавбюро. Она решалась на земле, самими людьми, их выбором, их отношением. Были интересы, была конкуренция этих интересов и был выбор: что выгоднее, что интереснее и как устраивать свою жизнь. Есть уроки истории и надо уметь их извлекать.

Методологии, концепции, абстрактно адресованные зонам, регионам, хорошо бы отрабатывать и на опыте реальных конфликтных ситуаций. Здесь есть над чем подумать, и это была бы очень благодарная работа.

Часть II

ПЕРСПЕКТИВЫ ОРГАНИЗАЦИИ ЧЕРНОМОРСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

А. Б. Куприянов, профессор ИМЭПИ РАН.

За истекшие 12 лет с момента образования ОЧЭС мировая наука сильно продвинулась вперед, и наши знания о глобализме и интеграционных процессах расширились, появились новые термины, например «синэргетический глобализм», но даже не все научные работники улавливают этот термин, хотя он является ключевым.

Когда ОЧЭС создавалась, я внимательно изучал ее устав. Там написано, что это организация интеграционного характера, но практические работники, которые там работают, говорят, что они не имеют в виду интеграцию, а речь идет о содружестве.

На практике мы имеем ряд такого рода неопределенных, полуинтеграционных объединений на Дальнем Востоке, в Северо-Восточной Азии, существуют и содружества Баренцева моря, Балтийских государств и т.д. И все они – интеграционные объединения второго или третьего уровня. Если же мы рассматриваем ОЧЭС, то мы имеем дело с гигантской институциональной структурой.

Но ОЧЭС не интеграционная группировка. Это значит, что мы не можем оценивать эту организацию по тем критериям, по которым оцениваем классические интеграционные группировки. Когда же я сравниваю ОЧЭС с тем, что происходит у нас в СНГ, вижу, что получаются очень похожие вещи. У ОЧЭС формально есть стратегия, но фактическая дея-

тельность этой организации идет совсем не в русле тех документов, которые она принимает. Она гораздо более рациональна. Крупнейшие проекты, которые требуют миллиарды долларов, финансируются зачастую не правительствами, а крупными корпорациями. Сама же организация оказывает на них весьма небольшое влияние.

ОЧЭС помогает тому, что развивается изнутри. Это так называемый челночный бизнес, которому государство, как правило, мешает, но который, несмотря на все препоны, развивается. И второе – межрегиональные отношения в пределах ОЧЭС, когда мы под регионом подразумеваем что-то такое, что меньше, чем страна, но больше, чем муниципалитет. Вот здесь есть определенные достижения.

Нужно вернуться к вопросу, ответ на который мы, россияне, должны иметь: что мы там делаем и какие наши перспективы и задачи в ОЧЭС?

Таких интеграционных объединений, как ОЧЭС, на свете немного, потому что обычно собираются страны, более или менее сравнимые по культуре, по уровню экономического развития. А у нас есть и Молдова, и маленькие страны Средиземноморья, и гигантская Россия. Поначалу картина была очень ясной: эта организация появилась, когда рухнул СЭВ, когда развалился Советский Союз, и вступление в ОЧЭС для России было хоть какой-то минимальной компенсацией за положение международного одиночества. Но теперь это время прошло, и какой должна быть политика России в отношении ОЧЭС сегодня?

Во-первых, сама Россия толком не понимает, что она может сделать в данной ситуации. Ни высшее руководство, ни секретариат, ни региональные руководители выход из этого положения пока не нашли. Пока определенных результатов можно достичь только текущими уступками малым странам со стороны большой страны, в том числе уступками политического характера, хотя в Уставе ОЧЭС написано, что политикой она не занимается. Да, уступки политического характера со стороны России, да, определенная донорская деятельность в отношении малых стран, да, некоторые потери на сегодняшнем этапе в расчете на выигрыш в перспективе, в том числе – геополитический. Это философия нашего поведения, какой она мне представляется сегодня.

Второе. Здесь я ссылаюсь и на балтийский, и на азиатский опыт. В упомянутых объединениях, как правило, сотрудничество идет не между государствами, а между территориями более низкого уровня, то, что я называю внутренними регионами. Никакое правительство там не вмешивается, а сотрудничество идет, в том числе и в области высоких технологий. Одним словом, должен быть упор на регионы.

Наши представления за эти 12 лет в отношении глобализма и его влияния на малые и большие страны сильно изменились. Поначалу ОЧЭС создавалось потому, что это было нужно Турции. Но сегодня у нас более крупная цель: мы должны себя подготовить к вступлению в ЕС, и мы хотим усилить свои позиции на этом направлении.

О. А. Воркунова.

Возможна ли трансформация Организации ЧЭС в сторону той системы или структуры, о которой говорил Л. Мурешан: бизнес – общество – государство? Это тот путь, который действительно может внести

струю демократизации в процессы глобализации и регионализма. Этот путь перспективен в том направлении, что он расширяет возможности практической реализации сотрудничества на черноморском пространстве.

Каков потенциал ОЧЭС как механизма диалога между конфликтующими сторонами? Здесь очень много потенциалов, которых не имеют другие организации, а имеет именно ОЧЭС.

К сожалению, наши желания не всегда совпадают с нашими возможностями, но очень бы хотелось, чтобы черноморское пространство развивалось в сторону интеграционных процессов. Конечно, экономический потенциал рассматриваемого нами очень неоднозначного, очень сложного региона является препятствием на пути создания эффективных интеграционных механизмов. Но если мы вспомним, Европа тоже начинала с таких шагов, и 50 лет назад никто даже представить не мог, в какой форме будет развиваться Евросоюз.

Как может развиваться Черноморское экономическое сотрудничество? Здесь важны совершенно конкретные приоритетные направления. Это, прежде всего, проблема инфраструктуры, транспорта, экологии, вопросы безопасности, образования, формирования нового поколения без враждебных представлений друг о друге.

Вероятно, имело бы смысл формировать некие общие программы для Черноморского региона в целом, для университетов, которые давали бы представление о культуре народов, проживающих на этой территории. Это наука, научные обмены, которые, разумеется, тоже объединяют регион. Наконец, туризм. Это прекрасный регион для развития туризма, в том числе нетрадиционных форм, например молодежных круизов «Peace boat». Это инициатива, которая принадлежит японским неправительственным организациям, но она великолепно работает на разных пространствах. То есть здесь немало возможностей.

М. В. Каргалова, *руководитель Центра проблем социального развития Европы (Институт Европы РАН).*

Сегодня все говорили о безопасности региона. Это, действительно, самая насущная, самая острая проблема, но в первую очередь необходима стабильность. Стабильность во всем: в экономическом развитии, в социально-трудовых отношениях, в обществе, в социальной сфере. И, конечно, нужно доверие к политике правительства, потому что любое правительство, при наличии даже доброй политической воли, не может эффективно действовать, если у него нет поддержки населения, если отсутствует так называемая социальная база.

К сожалению, Южная Европа, Черноморский бассейн, Кавказ, Балканы – как раз та самая дуга нестабильности, которая нуждается в урегулировании практически каждой из тех проблем, которые я перечислила. В этом регионе есть такие острые, прорвавшиеся наружу конфликты, которые, если приглядеться поближе, корнями уходят в нерешенные социальные проблемы. Это бедность, экономический упадок, неконтролируемые волны мигрантов, массовая преступность, наркотрафик и т.д. Но если присмотреться еще ближе, то у всех – еди-

ные социальные истоки, и это несет очень серьезную угрозу дальнейшей дестабилизации региона.

В условиях глобализации необходимо учитывать роль интеллектуального капитала, который содержит потенциал для решения многих проблем, нужно изменение менталитета. С другой стороны, необходимо создание систем управления, которые воздействовали бы на всю ситуацию в условиях глобализации. Главное – просчитывать социальную цену любых изменений, любых процессов и стараться минимизировать негативные последствия глобализации.

Тут много говорили о том, по каким путям могут идти стабилизация, достижение согласия. Другого мнения не было – путь должен быть только мирным. Это переговоры, это диалог, но диалог кого с кем? Переговоры между кем?

Взятая на вооружение в Европейском союзе так называемая упреждающая стратегия позволяет путем взаимоприемлемых компромиссов балансировать интересы разных стран, разных социальных групп и т.д. Эта стратегия базируется на диалоге абсолютно всех уровней. Но любое общество должно уметь вести диалог. И здесь опять та же самая проблема: необходимость изменения менталитета, проблема образования, уровень политической культуры и общей культуры. Все это должно идти в копилку социального диалога.

Социально ответственный бизнес, социально защищенная рабочая сила, которая заинтересована в экономическом развитии, и правовое социальное государство, которое регулировало бы все эти процессы и контролировало их выполнение, – составляющие плодотворного диалога, партнерства и достижения социального контракта.

Меня очень удивило, что, говоря о разных проблемах, ни разу не акцентировали внимание на таком понятии, как социальная ответственность. А ведь социальная ответственность каждого из партнеров во многом определяет результаты любых операций, любых переговоров и т.д. Стабильности можно достичь лишь соединенными усилиями социальных партнеров, которые, во-первых, ответственны и, во-вторых, способны построить и, больше того, заставить работать те самые системы управления, которые необходимы в условиях глобализации.

Другими словами, речь идет о том, что общество целиком должно быть подключено к процессам, которые в нем разворачиваются. О том, что называется гражданским обществом, потому что не всякое общество способно действовать таким образом. Что такое гражданское общество и есть ли оно где-то в реальности, тем более в регионе, о котором идет речь? В Черноморском регионе, в России его нет, и даже в Европейском союзе оно находится в процессе формирования. Но не случайно необходимость его формирования сейчас осознают практически все.

Во все документы, в тексты основополагающих договоров и даже в Конституцию ЕС четко введены и обоснованы термины «социальная сплоченность», «социальная солидарность». Недавно в Совете Европы был создан Генеральный директорат по социальной сплоченности. И очень хорошо, что его директором был назначен представитель России. Существуют такие организации, как Совет неправительственных органи-

заций, который объединяет больше ста общественных организаций. Все, наверное, знают об инициативе создания в России Общественной палаты.

На Кавказе, в Черноморском регионе, думаю, именно социальный диалог может помочь постепенной стабилизации, постепенному решению проблем. Но здесь опять все замыкается на проблеме изменения менталитета, подготовки массового сознания к восприятию нового.

ОЧЭС может стать действенным механизмом международного сотрудничества. Ее структура очень разветвлена, далеко не все ее органы, комиссии и комитеты работают успешно. Мне кажется, что было бы целесообразно создать рабочую группу или комитет по социальным проблемам, который бы мог досконально анализировать ситуацию и, с учетом опыта ЕС и других стран, вырабатывать какие-то рекомендации или, например, региональную программу социального развития. И не только в этой области.

А. В. Верников, ведущий научный сотрудник ИМЭПИ РАН.

Прежде всего, немного фактической информации о Черноморском банке торговли и развития (ЧБТР). Банк был создан в январе 1997 года, однако реально начал осуществление операций в июне 1999 года.

Миссия ЧБТР сформулирована в его учредительных документах в весьма общей форме: способствовать ускорению развития и сотрудничества между странами-акционерами. В этих целях ЧБТР будет поддерживать региональную торговлю и инвестиции, финансировать коммерческие сделки и проекты, которые укрепляют экономические взаимосвязи стран-участниц. Учредителями ЧБТР выступили одиннадцать стран, входящих в ОЧЭС, – Азербайджан, Албания, Армения, Болгария, Греция, Грузия, Молдавия, Россия, Румыния, Турция и Украина. Однако неверно было бы утверждать, что ОЧЭС является акционером или владельцем банка, или банк подчиняется ОЧЭС. ЧБТР – не «дочка» ОЧЭС, а совершенно самостоятельная международная финансовая организация со своим уставом, капиталом и органами управления, действующая на сугубо профессиональной основе.

Структура капитала банка предусматривала три уровня в зависимости от количества акций: первый уровень – крупнейшие акционеры: Греция, Россия, Турция (16,5%), второй – Болгария, Румыния и Украина (13,5%) и третий – Азербайджан, Албания, Армения, Грузия и Молдавия (2%). Однако из-за сложного финансового положения некоторые из небольших акционеров (Армения, Грузия и Молдавия) не смогли оплатить подписку на свои акции и попросили об уменьшении их участия в капитале до 1%.

В принципе состав акционеров банка стабилен, однако учредительные документы не исключают в дальнейшем участие в работе банка заинтересованных международных финансовых организаций и третьих стран. На наш взгляд, расширение состава акционеров пошло бы на пользу ЧБТР, сделав его более универсальной и представительной организацией и укрепив в финансовом отношении.

Важное отличие ЧБТР от других международных институтов развития, действующих в регионе Юго-Восточной Европы, состоит в том, что

это практически единственная организация, которой управляют сами страны–получатели ресурсов.

Черноморский регион нуждается в притоке дополнительных финансовых ресурсов в реальный сектор экономики, и ЧБТР может стать полезным инструментом для их эффективного применения. Выход ЧБТР на финансовые рынки для привлечения свежих ресурсов был предусмотрен с самого начала, иначе он превратился бы, по существу, в кассу взаимопомощи, когда внесенные одним участником средства используются для поддержки другого. Вплоть до середины 2004 года банку хватало капитала для фондирования активных операций, однако когда первоначальный объем средств был освоен, понадобилось привлечение заемных средств.

С этой целью ЧБТР обратился в одно из ведущих мировых рейтинговых агентств Moody's Investors Services за получением кредитного рейтинга, и в марте 2004 года ему был присвоен долгосрочный рейтинг эмитента Ваа2, что на одну ступень выше минимального рейтинга инвестиционного уровня. Такой результат представляет собой большое достижение для ЧБТР. Полученный банком рейтинг оказался выше, чем у всех стран-участниц, кроме Греции (напомним, рейтинг России на одну ступеньку ниже).

ЧБТР осуществляет проектное, торговое и корпоративное финансирование. К середине 2004 года валюта баланса (размер активов или пассивов) превысила 400 млн. долларов, из них портфель кредитных вложений составил порядка 300 млн. Основными заемщиками ЧБТР являются Турция, Россия, Румыния, Болгария, Украина и Греция. Получателями кредитов стали финансовые учреждения, компании обрабатывающей промышленности, предприятия инфраструктуры, транспорта и связи.

Банк с особой охотой участвует в проектах, имеющих действительно региональное значение, однако в реальности качественных проектов такого рода существует немного.

Ввиду существования гораздо более мощных и крупных международных финансовых организаций, действующих в том же регионе, банку пришлось искать свою нишу, где он не конкурировал бы с другими аналогичными организациями, а максимально эффективно выполнял свой мандат и эффективно использовал свои ограниченные ресурсы.

А. А. Язькова.

Россия вносит солидный вклад в уставной капитал банка, но как она пользуется своими преимуществами?

А. В. Верников.

Финансирование Россией деятельности этого банка ограничивается взносом в уставный капитал. У России 16,5% акций, соответственно она должна внести примерно 50 млн. долларов².

Существуют разные варианты оценки вложений этих средств. Если бы они оставались бюджетными средствами, их можно было бы поло-

² СДР (SDR) – специальные права заимствования, международные платежно-кредитные средства. (Прим. ред.).

жить на депозит и получать какой-то процент. Вместо этого страна внесла эти средства в уставный капитал банка. Что она от этого получает?

Иногда соразмеряют размер взноса страны в капитал и объем средств, выделенных банком для финансирования проектов на территории той или иной страны. Думаю, что объем российских проектов находится приблизительно в этом диапазоне, т. е. на территории России освоено уже несколько десятков миллионов долларов. Проблема в том, что средства бюджетные, а проекты делаются в частном секторе. В принципе банк может работать как с государственным, так и с частным сектором. На практике же подавляющее большинство проектов банка – именно в частном секторе. И возникает естественный вопрос: почему Российское государство финансирует деятельность банка, выгодноприобретателями от которой являются частные компании, к примеру, «Северсталь», «Акрхим», «Тольяттиазот», Промбизнесбанк?

Конечно, здесь можно приводить аргументы, можно говорить, что проекты позволили развить какую-то деятельность, которая дает дополнительный доход и т. д. Такой подсчет возможен, этим можно будет заняться, просто прошло немного времени и рано подводить такие итоги.

С. Н. Гончаренко, *заместитель директора департамента экономического сотрудничества МИД России.*

Прежде всего, говоря об Организации ЧЭС, мы говорим, что она состоялась. Действительно, есть целый ряд документов, которые позволяют организации нормально работать в международном правовом поле. Есть документы служебного характера, как мы их называем, которые помогают организации решать практические проблемы: правила процедуры, правила и условия работы персонала и другие документы. Есть основные участники организации, несущие бремя ответственности, в том числе и финансовой, за ее деятельность. В алфавитном порядке это Греция, Россия, Турция и Украина. Эти четыре страны обеспечивают 60% бюджета, в банке дают почти половину всего капитала, в Парламентской ассамблее примерно такое же положение: страны, которые более других заинтересованы в развитии отдельных направлений сотрудничества, пока самостоятельно финансируют эти направления. Именно так происходит с Центром Черноморских исследований, который финансирует Греция. Примерно так получается с Деловым советом ОЧЭС, который финансируется Грецией и Турцией.

Но, говоря о политическом облике организации, хотелось бы отметить, что за те пять лет, что действует Устав (с 1 мая 1999 г.), организации удалось сделать немало для укрепления и своего имиджа, и развития международных связей. Говорить на эту тему можно много, но главный пример – устойчивые отношения с Генеральной Ассамблеей ООН.

Если посмотреть, что же делается практически, то нередко говорится много слов, но не всегда эти слова становятся делами. С другой стороны, надо понимать, что, в общем-то, так можно оценить любую международную организацию.

Для ОЧЭС как сравнительно молодой организации важно, что выработан и существует достаточно четкий механизм работы. Этот механизм,

прежде всего, включает в себя проводимые на постоянной основе встречи министров иностранных дел. Такие встречи проводятся два раза в год, в апреле и в октябре, на сегодняшний день с 1992 года проведено 26 таких встреч. Кроме того, активно, на наш взгляд, развивается отраслевое сотрудничество, т. е. на более-менее постоянной основе встречаются отраслевые министры, которые отвечают за наиболее активно развивающиеся направления сотрудничества.

Работают органы, связанные с ОЧЭС: Парламентская ассамблея, Черноморский банк торговли и развития, Деловой совет Центра Черноморских исследований. У каждой из этих организаций есть свой правовой статус, у каждой есть свой бюджет, каждая развивается так, как считают нужным ее участники, но в целом они делают одно общее дело и работают в одном направлении.

Но основные органы ОЧЭС – это рабочие группы. В 2004 году проводились встречи рабочих групп по связи, по транспорту, по торговле. Эта сторона сотрудничества достаточно интенсивна. Мы в МИДе России стараемся делать так, чтобы в таких мероприятиях всегда участвовали представители российских профильных ведомств.

В то же время все, кто работает в ОЧЭС, задумываются о том, что надо повышать эффективность работы организации, особенно в последние два-три года. И, видимо, главная возможность здесь – развивать в регионе совместные проекты. Для того чтобы работать в таком направлении, два года назад мы создали Фонд развития проектов. Средства в нем небольшие, мы запланировали где-то порядка 350 тыс. долларов на все страны, по 30 тыс. с каждой страны. Одобрено финансирование трех проектов. Один из них достаточно интересен – «Развитие сети сотрудничества научных центров ОЧЭС и Евросоюза в области энергетических исследований». В проекте будут участвовать шесть стран: Греция, Азербайджан, Болгария, Молдова, Румыния, Украина.

Есть инициативное предложение Украины, которое тоже одобрено, по технологии получения бора из природных и сточных вод. Здесь примут участие Россия и Турция. Надо сказать, что такого рода сотрудничество дает возможность подключиться и к внесению проектов, и к их реализации небольшим компаниям, научным институтам, и, конечно, мы будем всячески это приветствовать.

В последнее время ОЧЭС привлекает внимание ученых, которые занимаются политическими и экономическими науками, в Брюсселе появилась даже книжка о черноморской проблематике. При этом авторы придерживаются двух точек зрения: либо пишут о том, что все очень хорошо, либо – что очень много проблем и все настолько плохо, что надо закрывать организацию и расходиться. В частности, такой точки зрения придерживаются некоторые наши турецкие коллеги. На мой взгляд, Институт Европы вносит очень свежую струю в обсуждение этих проблем, сдерживая тем самым развитие таких полярных тенденций.

С. Челак, исполнительный директор Международного центра Черноморских исследований.

По поручению Совета министров иностранных дел в течение почти двух лет исследовательская группа *ad hoc* разрабатывала рабочий доку-

мент по вопросам стабильности и безопасности. Эта работа была успешно закончена. Документ не был официально принят Комитетом должностных лиц или министрами, но был принят в качестве рабочего документа. Я хотел бы спросить С.Н. Гончаренко, как он видит будущее этого документа?

Вторая тема – встреча в верхах на 15-летию ОЧЭС в 2007 году. Было бы полезно, на мой взгляд, подумать о подготовке документов, которые будут приняты на этой встрече.

Говорят, что страны не уделяют достаточное внимание в своих двусторонних и многосторонних отношениях и на других форумах вопросам ЧЭС. А если предложить, чтобы встреча в верхах приняла такое решение: рекомендовать своим национальным правительствам обсуждать вопросы черноморского сотрудничества на заседаниях правительств хотя бы раз в год?

С. Н. Гончаренко.

Я полностью разделяю подход моего коллеги С. Челака. Документ о вопросах безопасности и стабильности в регионе вырабатывался экспертами стран ОЧЭС полтора года. Центр Черноморских исследований, Греция взяли на себя инициативу проведения консультаций по тексту документа. Состоялось несколько встреч, итогом которых и стал этот достаточно масштабный документ. Важно, что большинство стран рассматривает его как рабочий документ. Слово «рабочий» не подразумевает, что документ не доработан и требует дальнейших усилий, а то, что он находится в работе, в повседневной жизни и важен именно в таком качестве.

Вместе с тем параллельно развивался и другой процесс по этому же направлению. Готовилось заявление Совета министров иностранных дел «О вкладе ОЧЭС в обеспечение безопасности и стабильности в регионе». Заявление было принято в июне 2004 года на специальном заседании Совета министров иностранных дел. Но если сравнить оба документа, то мы увидим некоторую разницу. Направление одно и то же, но министры говорят о реализации каких-то политических сюжетов. Это важно, потому что документ политический. А в рабочем документе, который подготовлен экспертами, говорится в принципе на ту же тему, но шире. Мы считаем, что оба документа имеют право на самостоятельное существование и полезны для работы.

Теперь по второму вопросу. Конечно, хотелось бы предложить к 15-летней годовщине что-то конструктивное. И идея заслушать на заседаниях правительств проблематику ЧЭС имеет основания. В рабочем плане я прорабатывал со своими коллегами вопрос, лежащий в этом русле. Дело в том, что у нас в России имеется постановление правительства о нашем подходе к ЧЭС, есть и постановление о направлениях работы Черноморского банка. Периодически мы докладываем правительству о нашей работе.

Как вопрос решен в других странах, честно говоря, мне до сих пор не ясно. Я так и не услышал ответа от своих коллег, есть ли у них документы по проблематике ЧЭС, принятые правительствами. Я имею в виду не какие-то закрытые документы. Наши документы открыты, они опубликова-

ны. Более того, мы призывали к тому, чтобы у всех стран ОЧЭС были такие документы. На последнем заседании Центра Черноморских исследований я предложил подготовить издание по проблематике ЧЭС, в котором бы каждая страна ОЧЭС написала о своем подходе к проблемам. Такая работа была бы интересной.

О. А. Воркунова.

Сейчас достаточно активно проводится инициатива по объединению усилий всех основных центров, занимающихся проблемами Южного Кавказа и Центральной Азии, научных центров и центров, которые существуют в университетах Москвы и по регионам, в том числе непосредственно в государствах Южного Кавказа и Центральной Азии. Инициатором этой идеи является Кавказский центр МГИМО, наш Центр исследований проблем мира и развития и Центр Кавказа и Центральной Азии Института стран Азии и Африки при МГУ.

Почему бы не объединить усилия и тех центров, которые занимаются черноморскими исследованиями во всех странах, т.е. не создать такую сетевую организацию? Наш Центр с 1998 года проводит регулярные международные конференции по Черноморскому региону. Но, в отличие от регулярных конференций по Балтийскому региону, где мы представляли рекомендации в МИДы, в Секретариат стран Балтийского моря, у нас так не получалось с проблематикой Черноморского бассейна. Эти рекомендации научного сообщества и образовательных систем могли бы содействовать выработке рабочих документов и разбудить научную мысль в нужном направлении.

С. Челак.

Что касается целесообразности создания какой-то сети научных институтов, которые занимаются прямо или косвенно вопросами черноморского сотрудничества. Существуют две такие организации, но это еще не значит, что их достаточно. Имеется Комитет президентов национальных Академий наук, которые встречаются раз в год-полтора. Была инициатива создать сеть Черноморских университетов. Сеть не удалось полностью оформить, и работа ее пока недостаточно конкретна. Устав, регистрация, финансы этой организации были не ясны с самого начала, поэтому организация утратила свой статус в качестве институционального органа ЧЭС.

В настоящее время есть попытки воссоздать на новой основе, более эффективно и с каким-то юридическим статусом, сеть университетов Черноморья. Конечно, имеет смысл создать сеть научно-исследовательских институтов, а не только университетов, но для этого нашему центру просто не хватает ресурсов, а других органов, занимающихся научно-техническим сотрудничеством, еще нет. Уже несколько лет существует (правда, пока только на бумаге) рабочая группа ОЧЭС по вопросам науки и технологии. В 2004 году в результате инициативы Украины взять на себя координацию в этой сфере была проведена первая за несколько лет встреча рабочей группы.

Я бы добавил также, что уже создана и официально почти оформлена Ассоциация сейсмологов Черноморского региона на базе Кубанского

университета, заканчивается процедура юридического оформления этой Ассоциации на основе университета в Салониках. Существует также Ассоциация исследований по вопросам качества воды на базе научно-исследовательского института в Киеве. Этот проект довольно существенный, под него ЕС выделил 2,5 млн. евро только для научной разработки.

Я бы хотел воспользоваться присутствием академика Шмелева и напомнить, что участниками конференции была высказана мысль о какой-то более постоянной форме нашей работы – качество докладов и дебатов, по их мнению, позволяет подумать об этом. Проводить встречу с приблизительно стабильным кругом участников, но при более узкой, глубокой тематике, в качестве годовой или раз в два года акции в Москве в Институте Европы.

Н. П. Шмелев.

Напрашиваются выводы из нашей оживленной и временами очень острой дискуссии. Может быть, появятся шансы примирить Кавказ. При всей внешней респектабельности, спокойствии нашей организации и сегодняшней встречи, очевидно, что мы пытаемся решать острейшие, иногда, как сегодня кажется, тупиковые проблемы.

Представляет интерес мысль г-на Челака придать нашим встречам более постоянный характер. Было бы полезно несколько конкретизировать тематику наших встреч и посвятить по одной встрече военно-политическим аспектам, новым угрозам, включая терроризм, региональным конфликтам, экономическому, научному сотрудничеству.

Рой Медведев

СМЕНА ЭЛИТ В РОССИИ

Глава из новой книги «Владимир Путин. Второй срок»

К началу 2004 года Владимир Путин освободился не только от тех обязательств, которые он должен был давать Борису Ельцину и «семье», но и от влияния многих других политических групп и отдельных политиков, которые олицетворяли режим «позднего» Ельцина. Но речь идет не только о кадровых переменах в Кремле или в Белом доме. Путин смог начать свой второй срок и при новой расстановке политических сил во всей России, изменились не только политические предпочтения населения или народа России. В последние 5 лет, а по большому счету и в последние 15, произошли значительные изменения в прочном политическом сознании народа, который приобрел в эти годы ни с чем несравнимый собственный политический опыт.

С политической арены уже сошли и продолжают сходить как многие очень еще недавно влиятельные политические деятели, так и немалое число политических групп и партий. Многие из них уходят из политики навсегда, хотя не все из них это признают.

В России происходит процесс, который многие историки и социологи называют обычно сменой элит.

Понятие «элита» происходит от французского слова «elite», что означает «лучший». В этом смысле можно говорить о научной элите, о военной, спортивной или театральной элитах, а также о бизнес-элите. Применительно к политике или к сфере власти, американский социолог Чарлз Райт Миллс (1916–1962) ввел понятие «властвующей элиты», которое, по его мнению, более точно определяло характер и состав власти в США, чем марксистское понятие «правящего класса».

В нынешней российской социологии говорят обычно о «политической элите», или о «политическом классе», считая эти понятия синонимами. К политической элите у нас обычно относят главных лиц в законодательной и исполнительной власти, в аппарате правительства,

а также в Администрации президента, органах судебной власти, в СМИ.

В стабильных социально-политических системах происходит смена политических поколений, но не самих элит — мы видим это на примерах Великобритании или США. Рекрутирование новых людей в состав элиты происходит здесь на основе сложных процедур, традиций, обычаев и специальной подготовки — без крутой ломки и революций. Но в России мы уже в третий раз за столетие видим, как меняется наш экономический, социальный и политический строй и соответственно как меняется наша политическая элита, а с ней и большая часть других элит — в экономике, в культуре, в военных структурах.

В самом начале XX века в России завершилась деградация дворянско-аристократической, или монархической, элиты, которая была сметена революциями 1917 года. Буржуазно-капиталистическая элита в России сложиться не успела, и к власти в стране пришла новая партийно-советская коммунистическая элита, ядром которой стали профессиональные революционеры из большевистской партии. Пережив несколько этапов тяжелой внутренней борьбы, эта элита также деградировала и не смогла удержать власть и влияние в 1989–1991 годах.

После распада СССР и крушения КПСС в России начался новый, хотя и менее болезненный, чем в 1917 году, процесс смены политической элиты. Этот процесс не столько ускорился, сколько сменил направление после прихода к власти Владимира Путина, и получил новый стимул в самом конце 2003 и в начале 2004 года.

Одним из узловых событий этого процесса стали выборы в Государственную думу, которые состоялись 7 декабря 2003 г.

Выборы в Государственную думу

Хотя российская демократия еще не слишком устойчива и совершенна, выборы в Государственную думу происходили с максимально возможным в новой российской действительности соблюдением демократических процедур. Многие из наблюдателей не без оснований считали, что это была не только достаточно цивилизованная политическая борьба, но и самый масштабный опрос общественного мнения за те четыре года, которые прошли после предыдущих выборов в Думу в декабре 1999 года. Почти все прогнозы, которые делались перед выборами, в общих чертах оправдались. Однако сдвиги в настроениях и политических предпочтениях российских избирателей оказались более значительными, чем ожидалось.

Победу одержала партия «Единая Россия», которая заявляла о себе как о партии политического центра и главным лозунгом которой были слова «Мы за Путина». По партийным спискам эта партия полу-

чила 37,6% голосов. Большинство политологов и политтехнологов предсказывали «Единой России» победу, но с 27–30% голосов, и только несколько экспертов называли цифры 32 и 35% голосов. «Единая Россия» получила также 104 мандата из тех 225 депутатских мандатов, за которые шла борьба в одномандатных округах. Более того, почти все из 63 «независимых» депутатов, которые выиграли выборы в одномандатных округах, присоединились в Думе к «Единой России», как и 19 депутатов, объявлявших себя сторонниками «Народной партии».

Избирательное законодательство отдало в распоряжение победивших партий и все те голоса, которые были отданы на выборах партиям, не набравшим 5%. В результате «Единая Россия» смогла сформировать в новой Государственной думе фракцию из более чем 300 депутатов. Она получила, таким образом, в Думе не просто большинство, а конституционное большинство, и поэтому приняла на себя руководство всеми комитетами думы.

Такой полной и безоговорочной победы не ждали даже сами лидеры «Единой России». Избирательный список «Единой России» возглавляли, как известно, четыре политика, которые должны были представить избирателям «лицо партии». Это Борис Грызлов, Сергей Шойгу, Юрий Лужков и Ментимер Шаймиев. Но только один Б. Грызлов решил сосредоточиться на работе в Думе. Он ушел с поста министра внутренних дел и был избран, как и ожидалось, председателем Государственной Думы.

Коммунистическая партия Российской Федерации получила на выборах в Думу 12,7% голосов. Все политические наблюдатели расценили этот результат как политическое поражение КПРФ — на предыдущих выборах она получила более четверти голосов и смогла сформировать в Думе фракцию, которая контролировала около 30% всех мандатов. Теперь же у КПРФ — немногим более 50 мандатов.

От радикальных коммунистических и национально-коммунистических партий и групп в Думу не прошел ни один из кандидатов. Лишились думской трибуны такие, по-своему яркие представители левой оппозиции, как Егор Лигачев и Василий Шандыбин. Из узнаваемых российской публикой деятелей КПРФ в Думе остались, пожалуй, только два человека — Геннадий Зюганов и Виктор Шохин. Поражение КПРФ предсказывали почти все политологи. Однако они говорили о 15, 17, 20, даже 22% голосов. Столь сильной неудачи КПРФ и всей левой оппозиции не предсказывал никто.

Никто не предсказывал и сокрушительного поражения двух правых партий — «Союза правых сил» и «Яблока». Предполагалось, что эти две партии получат меньше голосов и мандатов в Думе, чем на выборах в 1999 году. Прогнозы по поводу СПС колебались в диапазоне 7–9%. «Яблоку» все политтехнологи давали от 5 до 6%, не более, но и

не менее. Партия «Яблоко» получила на выборах 4,4% голосов, а СПС — даже немногим менее 4%.

Обе эти партии не смогли преодолеть 5%-й барьер и не провели по своим спискам в Думу ни одного кандидата. Среди депутатов Думы оказалось всего 4 представителя правых либералов. Известностью из них обладает только Владимир Рыжков, который был избран в Барнаулском одномандатном округе как независимый кандидат. Скандальной известностью обладает еще один правый либерал Виктор Черепков, избранный от Владивостокского одномандатного округа. Думской трибуны лишились такие известные политики, как Григорий Явлинский, Борис Немцов и Ирина Хакамада. Столь очевидная неудача внесла в лагерь правых либералов явную деморализацию.

Выборы в Думу вывели на политическую сцену России новую политическую группу, которая приняла наименование «Родина». Это не партия, а избирательное объединение нескольких мелких политических течений и партий, объединенных лозунгами патриотизма, умеренного национализма и демократического социализма. Большинство наблюдателей было склонно относить блок «Родина» к левому центру, и нет сомнения, что этот блок отнял у КПРФ часть левого электората. Во главе этого блока выступали: три политика — Сергей Глазьев, Дмитрий Rogozin и Сергей Бабурин, два отставных генерала — Валентин Варенников и Георгий Шпак и известный банкир Виктор Геращенко. «Родина» получила 9% голосов российских избирателей и смогла сформировать в Думе фракцию почти из 40 депутатов. Однако сразу же после выборов это избирательное объединение начало распадаться. С поста лидера фракции был удален Сергей Глазьев — «за карьеризм». Виктор Геращенко ушел из политики и возглавил совет директоров нефтяной компании ЮКОС.

Неожиданным для наблюдателей был относительный успех на выборах Либерально-демократической партии Владимира Жириновского, которую также считают националистической. Это партия одного человека — В.Жириновского, которого наиболее решительные из его противников называют «политическим клоуном», «слугой режима», «выдвиженцем Горбачева» или даже «агентом КГБ». ЛДПР также сформировала в Думе свою фракцию из 40 депутатов, но эта фракция не придерживалась каких-то ясных принципов в своих выступлениях в Думе. У самого Жириновского, который активно выступал в российской политике уже 13 лет, силы на исходе, а других известных и популярных политиков в партии нет.

Пришли на выборы, но проголосовали «против всех» почти 5% российских избирателей. Полное поражение на выборах в Думу потерпел блок из двух партий — «Партии жизни», которую создал и возглавил спикер Совета федерации Сергей Миронов, и «Партии воз-

рождения», которую создал и возглавил спикер Государственной думы Геннадий Селезнев. Наблюдатели и не предсказывали этому малопонятному объединению успеха. Но мало кто предполагал, что возглавляемый двумя известными, казалось бы, политиками блок получит менее 2% голосов. Сам Г. Селезнев был все же избран в Государственную думу по одному из избирательных округов — в Санкт-Петербурге, но как независимый кандидат. Он одержал здесь верх над Ириной Хакамада. Что касается Социал-демократической партии России, возглавляемой Михаилом Горбачевым и губернатором Самарской области Константином Титовым, то эта партия решила просто отказаться от участия в выборах.

Выборы президента Российской Федерации

Уже выборы в Государственную думу все политические наблюдатели оценивали как большой успех Владимира Путина, который получил в новой Думе отчетливое пропрезидентское большинство. Президентские выборы, которые прошли в России 14 марта 2004 г., лишь закрепили новую расстановку политических сил в нашей стране. Владимир Путин легко выиграл эти выборы, получив 71,3% голосов.

Активность избирателей была не очень высока — на избирательные участки пришло около 65% всех граждан страны, имеющих право голоса. Отчасти это объяснялось отсутствием острой политической борьбы и полной предсказуемостью результатов: в победе В. Путина не сомневался никто из политических наблюдателей.

За симпатии правого электората боролась только Ирина Хакамада. Все другие из известных лидеров правых партий предпочли демонстративно отстраниться от участия в избирательной кампании, демагогически заявляя, что эта кампания является фарсом, так как участники выборов изначально не равны.

Разумеется, действующий президент имеет на вторых выборах значительные преимущества над другими кандидатами, но только в том случае, если избиратели позитивно оценивают результаты его четырехлетнего правления. В ином случае у него никаких преимуществ нет, и это лишний раз показали выборы американского президента в 1992 и в 2004 годах. Отказываясь от участия в выборах, политическая партия показывает свою несостоятельность. Неудивительно, что Ирина Хакамада сумела получить 14 марта всего лишь 3,9% голосов — значительно меньше, чем правые партии получили на выборах в Государственную думу.

В отличие от выборов 1996 и 2000 годов, КПРФ решила не выдвигать кандидатуру своего лидера Геннадия Зюганова. Партия опасалась лишний раз демонстрировать свою растущую непопулярность. Кан-

дидатом от КПРФ стал Николай Харитонов, который во фракции КПРФ возглавляет группу аграриев. Н. Харитонов был очень активен и смог получить 13,7% голосов. Этот результат можно оценивать как личный успех Н. Харитонova, но не как успех КПРФ. На президентских выборах в марте 2000 года Геннадий Зюганов получил, как известно, 29,2% голосов. Сергей Глазьев выступал на выборах 14 марта как независимый политик и получил всего 4,1% голосов. Олег Малышкин, который представлял на выборах Владимира Жириновского и ЛДПР, получил 2% голосов, а Сергей Миронов, снова решивший предстать перед избирателями, получил всего лишь 0,8% голосов.

Отклики западной прессы на победу Владимира Путина на выборах президента были предельно тенденциозны. Журнал «Штерн» (ФРГ) писал, что «с помощью инсценированного культа личности Кремлю удалось отделить облик Путина от состояния его страны. Хотя провинция все еще бедствует, коррупция выходит из берегов, а терроризм из Чечни достиг Москвы, президент пользуется такой высокой популярностью, как никакой другой политик в Европе». Газета «Таймс» (Великобритания) констатировала, что «популярность Путина, одержавшего сокрушительную победу в схватке за место в Кремле, настолько высока, что ее можно было бы сравнить с рейтингами северокорейского диктатора Ким Чен Ира с той только разницей, что в случае Путина не надо было даже подтасовывать результаты».

Американская газета «Вашингтон пост» писала, что «Путин провел деспотическую избирательную кампанию, что он, вероятно, боится собственной тени, и это отчуждает от него часть избирателей, а многих других погружает в спячку». Как меланхолически замечала швейцарская газета «Тагес Анцайгер», «Россия выбрала Владимира Владимировича Путина. Были ли выборы свободными и честными или нет, но российский народ поддержал президента и доверил ему свою судьбу еще на 4 года. Президентские выборы показали, что по западным меркам Россия не является демократией. Хотя Путин не диктатор и Россия не тоталитарное государство, граждане этой страны снова позволяют собой править — не слишком плохо, но и не хорошо. Президент США Джордж Буш поздравил своего друга В. Путина с успехом на выборах, однако такие видные деятели из администрации американского президента, как Колин Пауэлл и Кондолиза Райз, сочли нужным отметить, что они были разочарованы недостаточной демократичностью президентских выборов в России и давлением на независимые СМИ. Наблюдатели из ОБСЕ нашли, что хотя сам процесс выборов Президента в России был хорошо организован, этим выборам “не хватало состязательности и политического плюрализма, необходимых для истинной демократии”».

Президентские выборы 2004 года были во многих отношениях триумфом Владимира Путина: он получил почти на 20% голосов больше, чем на выборах 2000 года, и больше, чем получил Ельцин в 1991 году.

В чем состояла причина столь очевидного успеха В. Путина?

Этот вопрос задавали все российские аналитики. Ссылаться просто на хорошую работу путинских политтехнологов, как это делали оппоненты В. Путина в 2000 году, было невозможно. Оппоненты В. Путина из демократического лагеря объясняли его успех тем, что Путин и его окружение сумели якобы разгромить оппозицию и успешно убрать с политической арены своих политических противников. Свою собственную неэффективность и неубедительность эти люди пытались представить как поражение демократических ценностей в России.

Борис Кагарлицкий из «Новой газеты», который выступает обычно против всех политических направлений и групп в России, легко конструируя при этом любые поводы для любых обвинений, утверждал, что Путин выиграл выборы просто потому, что он ничего не делал, позволяя событиям идти своим чередом. «В течение своего первого срока, — утверждал Б. Кагарлицкий, — Путин был не политиком, а рейтингом. Символом, должностью, чем угодно, только не государственным лидером, прокладывающим свой курс, именно это делало его положение столь сильным: ведь каждый придумывал собственного Путина, вкладывая в эту пустую форму собственное, приятное содержание. У Путина нет недостатков! — так ответило большинство российских граждан на вопрос социологов, и в самом деле, как могли проявиться у президента какие-либо недостатки при полном отсутствии шагов, затрагивающих жизнь большинства населения».

Считается, что Б. Кагарлицкий — это левый публицист, который в совершенстве владеет разоблачительной риторикой. Но это именно пустая и демагогическая риторика, за которой ничего нет.

Примеры столь же безответственного кликушества можно было видеть и в откликах газеты «Завтра». По мнению обозревателя газеты «Аргументы и факты» Вячеслава Костикова, «успех Владимира Путина объясняется его простотой. К нему совершенно не подходят эпитеты, которыми в России наделяли многих ее прежних лидеров: “гениальный”, “прозорливый”, “мудрый”, “великий” и т.д. В. Путин работает профессионально, активно, и у него нет вредных привычек. Вероятно, у него, как и у всякого нормального человека, есть свои недостатки. Но поразительным образом народ просто не хочет их видеть. Путин ни на кого не похож, и это самое важное качество в новом лидере России».

С этими оценками можно согласиться, но они все же недостаточны, чтобы объяснить масштабы национальной поддержки Владимира Путина. «При Путине в России стали жить лучше, — писал политический обозреватель Виталий Третьяков. — Вот рецепт его успеха. В общем-то, главный рецепт успеха любого политика во все времена и во всех странах». Это верно, но надо было бы подчеркнуть, что не только «при Путине», но в очень большой степени и «благодаря Путину».

Ведущий программы «Постскриптум» на ТВЦ Алексей Пушков перечислил семь главных достижений В. Путина. Он расстался с большей долей «наследия» и системы Ельцина и сумел консолидировать власть, нейтрализовав и левых, и правых. Ослабил влияние крупного бизнеса на государственный аппарат и на выработку политического курса. Начал проводить внешнюю политику, ориентированную на национальные интересы, а не на интересы Запада. При нем была остановлена медленная дезинтеграция России и восстановлена управляемость страны. Наконец, он вернул власти необходимый ей авторитет.

«Он развернул корабль, — говорил А. Пушков, — но еще не вышел на уверенный четкий курс».

Для объяснения успеха того или иного крупного лидера у историков есть концепция резонанса. Лидера ждет успех, прежде всего, в том случае, когда его дела и призывы оказываются в полном соответствии с ожиданиями и запросами общества, нации, государства, самой истории. Но дело не только в том, чтобы «поймать мелодию», услышать «шорох травы», как писали некоторые обозреватели, а в том, чтобы развить эту мелодию, дать выход скрытым в обществе силам и требованиям, а также удержать верно найденное и понятое направление.

Да, В. Путин очень внимательно следил за своим рейтингом, но он работал для того, чтобы сохранить эту поддержку нации и работал, опираясь на эту поддержку. Главные усилия В. Путина были сосредоточены, как он сам это сформулировал, не на осуществлении каких-либо «завиральных идей», а на построении эффективного государства, преодолении бедности и на борьбе с коррупцией. Россия должна стать конкурентоспособной страной во всех отношениях.

Эти же задачи В. Путин сохранил и на свой новый срок. Путину было в чем отчитаться за свои первые четыре года, и он мог уверенно обещать многое своим избирателям на следующие четыре года.

Социологи России провели весной 2004 года множество опросов граждан России по поводу их оценок недавнего прошлого и их ожиданий на ближайшие годы, а также по поводу тех идей и ценностей, которые могли бы объединить общество.

Ожидания и пожелания людей просты. Они надеются на повышение уровня и качества жизни, преодоление бедности, наведение в стране порядка и законности, преодоление коррупции и бюрократизма, на успехи в борьбе с распространением наркотиков, на повышение уровня медицинских услуг, а также качества и доступности образования, на улучшение жилищных условий, на экономический подъем. Только 6% граждан поставили на первое место ценности религии. Также 6% поддерживали лозунг «Россия для русских». Лишь 8% поставили на первое место такие ценности, как свобода и демократия. Это может огорчить многих, но здесь мы видим, в первую очередь, разочарование граждан страны деятельностью так называемых либералов и демократов.

В число главных ценностей большинство российских граждан поставили такие понятия, как «социальная справедливость» и равенство всех перед законом, что также можно оценить понятием «справедливость». Социологи, однако, специально отметили при этом, что «общее позитивное отношение россиян к главе государства не распространяется на большинство других властных институтов. Понятия власть в значении “правительство” и президент в значении “Владимир Путин” в общественном мнении четко разделены».

По данным ВЦИОМ, более 70% граждан продолжали надеяться, что именно Владимиру Путину удастся и «навести порядок», и повысить уровень жизни в стране. Владимир Путин и сегодня для большинства населения России — «президент надежды», но с гораздо большим на то основанием, чем в 2000 году. Он и сегодня остается в значительной мере одиноким политиком, и это беспокоит общество, вызывая сомнения в способности и возможностях власти добиваться долговременного и прочного изменения положения дел в стране в лучшую сторону.

Из этого возникает одна из самых важных задач и для самого В. Путина — расширить поиск и выдвижение эффективных, честных и сильных лидеров и управленцев, способных создать новый режим, новую систему управления, новую Россию, которая могла бы идти вперед и под руководством В. Путина, но, если это будет необходимо, и без В. Путина. Нужно поднять уровень руководства всех органов и всех ветвей власти. Россия нуждается не только в сильном и эффективном президенте, но и в новой и сильной элите.

Смена элит в России

Смена политической элиты в России происходит и сегодня все еще слишком хаотично и во многих отношениях стихийно — без каких-либо ясных правил и традиций. Никаких новых имен не появи-

лось в 2004 году на правом фланге. «Союз правых сил» так и не смог найти ни новых идей, ни новых лидеров. Некоторые из видных деятелей СПС ушли в бизнес, другие сосредоточились на работе в качестве ответственных чиновников разных аппаратных структур.

Сразу же после неудачи СПС на выборах в Думу Ирина Хакамада заявила: «Надеюсь, что поражение мобилизует СПС и «Яблоко», и мы, наконец-то, объединимся, иногда лучше проиграть, чтобы понять свои ошибки». Однако именно Ирина Хакамада первой объявила о создании нового движения и новой правой партии — «Наш выбор», съезд которой прошел совершенно незаметно в начале ноября 2004 года.

Объявилось и еще одно движение — «Новые правые», которое хотело бы дистанцироваться от таких фигур, как А. Чубайс, Е. Гайдар и Б. Немцов. Кроме нескольких демагогических резолюций о победе бюрократии над демократией и государства над обществом, никаких новых позиций и идей не возникло и на съезде партии «Яблоко». «Это не наше время, и ветер общественных настроений дует не в нашу сторону», — меланхолически заметил по поводу поражений «Яблока» один из лидеров этой партии Владимир Лукин.

Несколько новых расколов произошло летом и осенью 2004 года в КПРФ. Перед X съездом КПРФ в июле 2004 года несколько десятков делегатов объявили о проведении «альтернативного съезда» КПРФ. Во главе этой группы оказались губернатор Владимирской области Владимир Тихонов, миллионер Геннадий Семигин, журналистка Татьяна Астраханкина и несколько других, отнюдь не второстепенных деятелей КПРФ. В сентябре 2004 года эта группа провела учредительный съезд новой партии — Всероссийской коммунистической партии будущего — ВКПБ.

О своей «независимости» от КПРФ объявила и возглавляемая Г. Семигиным коалиция НПСР — Народно-патриотический союз России. Раскололась и московская организация КПРФ, бывший лидер которой Александр Куваев вывез в неизвестном направлении редакционное оборудование газеты «Правда столицы». Прервал отношения с КПРФ и губернатор Краснодарского края Александр Ткачев.

Публикации с критикой КПРФ и Г.А. Зюганова были обычными для многих российских газет и журналов правого направления. Однако летом и осенью 2004 года в эту кампанию включились и такие газеты и журналы, которые считались левыми — «Родная газета», «Российская правда», «Правда-ру», «Коммунист» и др. Эта критика велась с позиций «марксизма-ленинизма», «атеизма», «нового большевизма» и «революционного коммунизма».

Попытки противников Г. Зюганова вновь создать в России «партию авангардного ленинского типа» — через сто лет после того, как та-

кую партию создал у нас в стране сам В.И. Ленин, не могут иметь успеха. Но ущерб КПрФ был нанесен немалый. Выборы в областные и государственные законодательные собрания, которые прошли в октябре и ноябре в некоторых российских областях и республиках, показали рост левых настроений среди избирателей. Однако, по данным социологических опросов, общее число российских избирателей, готовых поддержать именно Геннадия Зюганова и КПрФ, уменьшилось до 8–10%.

Несколько расколов произошло в 2004 году и в блоке «Родина». Разошлись Дмитрий Рагозин и Сергей Глазьев. Отдельную «Объединенную народную партию» попытался создать Сергей Бабурин. Социологические опросы, проведенные фондом «Общественное мнение», показали устойчивое падение популярности всех лидеров избирательного блока «Родина».

Что касается Социал-демократической партии России, то после острого конфликта между Михаилом Горбачевым и Константином Титовым эта партия фактически прекратила свое существование.

Приведенные выше примеры и факты свидетельствуют о многих трудностях, связанных с формированием новой политической элиты в новой и относительно демократической России.

Еще в 1992 году различные группы экспертов начали составлять списки наиболее влиятельных российских политиков, общественных деятелей и бизнесменов, т.е. людей, которых эти эксперты называли новой российской элитой. Это были списки на 100, 200, на 1000 и 2000 человек. Списки 100 или 200 «наиболее влиятельных» приходилось обновлять в 1992–1993 годах почти каждый месяц. Но существенно менялись каждые полгода и списки на 1000 и 2000 человек. Положение в обществе и в экономике было крайне нестабильным, отсутствие устойчивой элиты являлось и следствием, и причиной этой нестабильности.

В 1993 и в 1997-м в России были изданы обычные для западных стран справочные книги — «Кто есть кто в России». По этим изданиям можно было видеть не только, кто и почему пользовался в стране наибольшим влиянием, но и то, насколько быстро в России люди приходили и уходили из политики и из крупного бизнеса.

Очередная попытка составить максимально полные списки «самых известных и влиятельных» была предпринята уже после дефолта 1998 года — в 2000 году. В самом начале этого года журнал «Лица» издал 100-тысячным тиражом альбом с фотографиями 2 тыс. самых известных и влиятельных людей России, ее «кумиров от Бориса Ельцина до Аллы Пугачевой». В предисловии к разделам «Политика» и «Власть» известный политолог Вячеслав Никонов писал: «У политического класса, если в стране нет никаких революционных перемен, существует преем-

ственность. Поэтому тех, кого мы видим сейчас на политической арене, с большой вероятностью мы увидим и через десять лет. Если, конечно, снова не произойдет революции, подобно той, которая в начале 90-х годов вынесла в политическую элиту совершенно новые фигуры и в то же время многих сняла с политической доски».

Этот прогноз не сбывся, и уже через год списки ведущих политиков пришлось обновлять более чем на 50%. Из группы «самых влиятельных политиков» в 50 имен пришлось исключать и Ивана Рыбкина, и Виктора Аксютюца, и Дмитрия Якушкина, и Аркадия Мурашова, Олега Сысуева и Андрея Козырева, Василия Липицкого и Игоря Шабдурасулова и др. Пришлось существенно править и списки бизнес-элиты. Из 50 главных деятелей бизнеса ушли в другую группу такие бизнесмены, как Владимир Довгань и Сергей Дубинин, Александр Смоленский и Владимир Гусинский, Герман Стерлигов и Юлий Дубов, Виктор Кудрявый и даже Рэм Вяхирев.

Списки для альбома «Лица России» составлялись в 1999 году. Всего через год, осенью 2000 года, журнал «Эксперт», консалтинговая компания «Треугольник» и Центр региональных прикладных исследований предприняли новое совместное исследование с целью определить 2 тыс. самых влиятельных людей России. Речь шла о людях, влиятельных в политике или в бизнесе, а также работающих одновременно и в политике, и в бизнесе.

Пытаясь определить природу и источники влияния людей из представленного списка, авторы исследования отмечали: «Аппарат власти является важнейшим ресурсом влияния как для политиков, так и для предпринимателей. Весьма высоко ценятся личные качества, использование государственного капитала, стратегичность занимаемой позиции. Частный капитал как таковой — это не слишком весомый ресурс даже для бизнеса. СМИ, сами по себе, тоже не самый серьезный ресурс влияния. Очень важно сочетание и комбинации ресурсов, образующих механизмы влияния. В России существует группа людей, весьма влиятельных как в бизнесе, так и в политике. Для такого рода людей главным ресурсом влияния являются свойства личности. Именно этим объясняется их удивительная общественная живучесть».

Просматривая списки журнала «Эксперт» через 4 года, мы не обнаруживаем у очень многих представленных здесь лиц именно «общественной живучести». Во всяком случае, из 100 самых влиятельных политиков, представленных в журнале по алфавиту, не сохранили прежнего влияния Руслан Аушев, Александр Волошин, Егор Гайдар, Татьяна Дьяченко, Михаил Задорнов, Николай Кондратенко, Евгений Ноздратенко, Александр Починков, Геннадий Райков, Игорь Сергеев, Геннадий Селезнев, Валентин Юмашев и многие другие.

В число самых влиятельных бизнесменов мало кто стал бы сегодня включать Николая Аксененко, Вячеслава Шеремета, Льва и Михаила Черных, Анатолия Быкова. В первые 100 «самых влиятельных» вряд бы вошли в конце 2004 г. Юрий Шафраник и Виктор Черномырдин, Каха Бенукидзе и Борис Березовский. Осенью 2000 года журнал «Эксперт» утверждал: «Березовский, казалось бы, напрочь утратил прежние позиции. Но можно с полной уверенностью сказать, что позвони сейчас Березовский в Кремль, Владимир Путин, несмотря ни на что, поднимет трубку».

Сегодня такое утверждение не повторили бы и авторы «Эксперта».

Владимир Путин не проводил и не проводит таких массовых перемещений в персональном составе властных органов, какие проводил постоянно Борис Ельцин. В своей кадровой политике он действует более осторожно, но настойчиво стремится сформировать руководящий состав в высших эшелонах власти из сильных или, как выразился президент, из «эффективных» людей. Мы видим, что среди выдвиженцев В. Путина немало военных, в том числе и из спецслужб.

Под руководством Ольги Крыштановской, которая возглавляет Центр изучения элиты Института социологии РАН, было проведено специальное исследование «Путинская элита». Согласно результатам этого исследования, доля военных в элитных группах составила осенью 2004 года: в высшем руководстве страны — 43,5%, в правительстве — 34,2%, в региональной элите (главы субъектов Федерации) — 9,2%, в верхней и нижней палатах парламента — 18,3%. По всему списку руководителей доля военных поднялась с 17,4% в 1999 году до 24,7% в 2004 году. Еще больше бывших военных во втором эшелоне власти, например, среди заместителей министров, начальников главков и т.п.

Эти данные можно комментировать по-разному. Даже такой оппонент В. Путина, как Станислав Белковский, писал, что «именно в военной среде, несмотря на все разложение, сохранились какие-то представления о национальных интересах и чести мундира».

(Продолжение следует)

ПРОЩАНИЕ С СОЦИАЛИЗМОМ*

Сегодня меня часто спрашивают: когда в ЦК КПСС созрело намерение отпустить страны Восточной Европы восвояси? Когда в ЦК КПСС пришли к мысли о неизбежности распада мировой социалистической системы? Почему ЦК КПСС ничего не предпринял, чтобы спасти социализм в Восточной Европе?

Но я, и к своему собственному удивлению, не могу дать точный и однозначный ответ на эти вопросы. Да, я работал в отделе, а потом с сентября 1988 года в подотделе социалистических стран в то самое время, когда это чудо XX века произошло. Три года и три месяца с декабря 1986 по март 1990 года без какого-либо перерыва, как один затянувшийся день, я провел в третьем подъезде серого здания на Старой площади. Все, что произошло в это время и в ЦК, и в «своих» странах — в Польше, Венгрии, ГДР, я наблюдал с близкого расстояния. Неверна, не выдерживает критики бытующая и сейчас в России и на Западе версия о недостаточной информированности ЦК, о том, что там не имели ни малейших представлений о процессах, происходящих в Восточной Европе. И наши посольства в странах Восточной Европы, и сидящие под их крышей работники КГБ, ГРУ оперативно информировали о малейших изменениях в намерениях руководства этих стран, о поведении и тактике оппозиции.

Но именно потому, что я, как и все мои коллеги, наблюдал процесс с близкого расстояния и видел все детали, мне трудно выделить во всем этом процессе критическую переломную точку. Это все равно, что смотришь интересный фильм, захватывающий тебя с первого кадра. Ты все время ждешь самого главного — развязки. Но когда она наступила, тебе кажется, что ты о ней уже знал заранее, что развязка должна была произойти только таким и никаким другим способом.

Точно так я и воспринял «бархатные революции» в странах Восточной Европы, как нечто такое, о чем я знал заранее, что было неотвратимо. Принял эти события с радостью и облегчением. Но тем не менее я при всех усилиях и при всем напряжении памяти не могу выделить тот момент, когда такая мысль пришла мне в голову, когда я понял, что это неотвратимо.

Легко сказать, когда ЦК КПСС отказалось от брежневской доктрины ограниченного суверенитета. Это произошло в мае 1986 года,

* *Продолжение.* Начало см. «Вестник аналитики» №4(18) за 2004 год и №1(19) за 2005 год.

когда Политбюро ЦК КПСС приняло и одобрило меморандум Горбачева о пересмотре отношений с «братскими компартиями» стран Восточной Европы.

Это был первый секретный документ, который я держал в жизни в руках и с чтения которого начался мой первый рабочий день в ЦК КПСС. В нем говорилось, что прежняя практика «окрика», «одергивания», «попукания», «командования» нанесла громадный вред отношениям КПСС с коммунистическими партиями стран Восточной Европы, породила неискренность, формализм. Практика «патернализма» и «одергивания», говорилось в этом меморандуме, сдерживает активность братских партий, мешает им искать и находить самостоятельные решения.

Не хочу ничего задним числом приносить в прошлое. Но если этот документ будет когда-нибудь напечатан, по сути, он весь пронизан критикой и осуждением не только брежневской доктрины ограниченного суверенитета, но и всей прежней практики диктата СССР над Восточной Европой. Примечательно, что этот революционный меморандум Горбачева был единогласно поддержан старым Политбюро, консерваторами Громыко, Соломенцевым, Чебриковым. Все те три новых принципа, на основе которых Горбачев строил свои отношения со странами Восточной Европы, начиная с 1986 года, принципы равенства, самостоятельности и экономической взаимовыгоды были сформулированы в решениях Политбюро старого состава.

Во имя исторической правды надо признать, что именно старое Политбюро открыло в 1986 году зеленый свет тем реформам в Восточной Европе, которые необратимо вели к самораспаду социализма, к освобождению Восточной Европы от коммунизма. Они, старики, вместе с Горбачевым сдвинули колесо истории с мертвой точки.

Так что задним числом, сегодня, можно только очертить логику развития событий, которая, как выяснилось, неотвратимо вела к поражению коммунистов в Восточной Европе. Но очень трудно сказать, когда, в какой момент для меня, для моих коллег, стала очевидной эта неумолимая логика развития событий. Но я знаю, все они были убеждены, что они спасают социализм, что социализм можно было спасти.

Но сначала, как я пытался показать, был комплекс вины за грех: 1968 год., затаенная надежда, что если бы не вмешались, не помешали, Дубчеку удалось бы реформировать социализм, придать ему божеский облик.

Желание искупить вину воплотилось в политику развязывания рук «братским компартиям», в прямом подталкивании правящих коммунистических и рабочих партий к демократическим реформам.

Конечно, такие требования шли от самих партий, прежде всего от ВСРП. Секретари этой наиболее либеральной и реформистской партии уже с начала восьмидесятых годов, сразу же после введения в де-

кабре 1981 года военного положения в Польше, начали активно критиковать брежневскую доктрину ограниченного суверенитета. Взамен они выдвигали принцип верховенства национальных интересов над интернациональными, согласно которому национальная коммунистическая партия, прежде всего, несет ответственность перед своей нацией, народом, а потом уже она должна заботиться о благе мирового коммунистического движения.

Но общим и для реформаторов в Восточной Европе, и для руководства ЦК КПСС в 1986 году было убеждение, что правящие коммунистические партии в состоянии сами, опираясь на собственные силы, решать эту задачу, в состоянии консолидировать нацию, преодолеть экономические трудности, сохранить свою руководящую роль в условиях демократии¹.

Повторяю. Вот эта вера, вернее, этот социалистический самообман и привел, в конце концов, к гибели коммунизма в Восточной Европе. Поэтому трудно найти какое-то конкретное лицо, какое-то отдельное решение, которое сыграло решающую, главную роль в освобождении Восточной Европы.

Дематургом истории, как в конце коммунистической эры, так и в ее самом начале, был соблазн, все тот же большевистский соблазн совершить то, чего раньше никто не совершал, соединить то, что по природе своей несоединимо, соединить сталинский социализм с демократией, общественную собственность на основные средства производства с рынком и, самое главное, добиться любви народа к коммунистам, рассказывая всю правду об их преступлениях. Везде, и в Москве, и в Будапеште, и в Варшаве, с начала перестройки все двигались, обгоняя друг друга, к обрыву, к пропасти. Но ведь надо быть справедливым. Пытался соединить несоединимое еще Хрущев. Он тоже верил, что после всех разоблачений преступлений Сталина советские люди проникнутся новой, более чистой верой в идеалы социализма.

Как только эта утопия соприкасалась с жизнью, как только демократия дотрагивалась до устоев этой власти, все начинало рушиться.

Я не думаю, что Горбачев спровоцировал бы конфликт между Хонеккером и партией, если бы предвидел, чем все это кончится. Точно знаю, что не предвидели это и его помощники, которые, как я потом расскажу, по подсказке Б. Энгхольма, заложили эту бомбу в речь

¹ Характерно, что руководители ВСРП, и Ньерш, и Пожгаи, еще осенью 1989 года, накануне Чрезвычайного съезда ВСРП, сохраняли эту веру в возможность сохранить власть в условиях многопартийной системы, парламентарной республики. «Эта новая ситуация, — говорил, к примеру, Ньерш в интервью корреспонденту «Правды», — открывает для нас новое политическое поприще, на котором ВСРП окажется в конкурентной ситуации, наравне с другими партиями, и она должна завоевать доверие народа методами убеждения, практической возможностью того, чтобы она осуществляла свое влияние в историческом развитии общества» — Правда. 1989. 4 окт.

Горбачева². Прозрачный намек Генерального секретаря ЦК КПСС на то, что в СЕПГ есть интеллектуальный потенциал, могущий сделать то, что не в состоянии сделать Хонеккер, как оказалось, не только подтолкнул к переменам в руководстве СЕПГ, но в конечном счете и к объединению Германии, перемене всей геополитической ситуации в мире³.

Но когда в международном отделе ЦК КПСС в середине октября 1989 года решалось, как и каким образом Горбачеву отмежеваться от нынешнего руководства СЕПГ, подтолкнуть эту партию к демократии, к союзу с оппозицией, никто не имел ни малейшего представления, чем это кончится, не видел, не понимал, что, добиваясь отставки своего оппонента Хонеккера, Горбачев тем самым добивается отставки «первого социалистического государства на немецкой земле». Если честно, то не понимал и не предвидел в ясной форме этого намека на новые силы в СЕПГ и я. Хотя вся эта августовская история с беженцами из ГДР более чем красноречиво свидетельствовала о крахе ГДР. Хотя я, наверное, одним из первых в отделе, вопреки общепринятому мнению, пришел к выводу, что ГДР является «самым слабым звеном восточноевропейского социализма», что это государство держится на волоске. За что и был принят на работу в отдел ЦК КПСС.

Но одно дело обладать теоретическим сознанием изначальной не состоятельности, противоестественности восточноевропейского социализма, к примеру ГДР, и совсем другое — обладать конкретным предметным образом распада, разрушения этих режимов.

Этот образ у меня появился в сознании только тогда, когда все произошло.

Зримый образ конца кардинальных перемен в жизни Европы помню точно. У меня он ассоциируется с выступлением Мечислава Раковского перед аппаратом ЦК КПСС в конце октября 1989 года. Он еще первый секретарь ПОРП, его еще по инерции, как соратника, принимает Горбачев со всеми почестями. Но он уже не власть, он никто. Он тот, кто сам похоронил социализм в Польше.

И надо отдать должное Раковскому. Он понимает, что не может вызвать добрых чувств у аппарата ЦК КПСС, для него он живой образ угрозы, беды, которая нависла и над этими людьми. И он весь как пружина, взъерошенный, как сгусток нервов, с первой фразы дает

² Речь идет о премьер-министре западногерманской земли Шлезвиг-Гольштейн, который, будучи в Москве 25–27 сентября 1989 года, посетил ЦК КПСС и изложил свою, вернее версию СДПГ, речи Горбачева в Берлине на торжествах, посвященных 40-летию образования ГДР.

³ «Мы не сомневаемся, — сказал тогда в Берлине Горбачев, — что СЕПГ с ее интеллектуальным потенциалом, богатым опытом и политическим авторитетом сумеет в сотрудничестве со всеми общественными силами найти ответы на вопросы, поставленные в повестку дня ходом развития республики и заботами ее граждан» — Правда. 1989 7 окт.

бой. «Я пришел встретиться с Вами, — говорит Раковский, — не для того, чтобы выслушивать обвинения и упреки. Скажу сразу. Я не продавал социализм. По той простой причине, что его продать нельзя. Он никому не нужен. Все, что мы с вами построили, на что потратили сорок лет, а вы — семьдесят, не стоит ломаного гроша, с ним ничего нельзя делать. Даже гордость польского судостроения — Гданьскую судостроительную верфь — никто не хочет покупать. Так что не надо обвинять меня в том, что я продал или распродал социализм. Нельзя продать то, что не имеет цены».

Так, с образом ироничного, желчного Раковского, почти живым воплощением дьявола, дающего превентивный отпор аппарату ЦК КПСС, запечатлелся у меня конец социализма в Восточной Европе. Как все просто. Было все. А теперь ничто. Тень прошлого, прошлой власти, надежд⁴.

Правда, где-то за два месяца до Раковского был в ЦК КПСС другой гость из Польши. По нашей вместе с Мариной Павловой-Сильванской инициативе впервые в третий подъезд ЦК КПСС вошел представитель «Солидарности», почти легендарный по тем временам Адам Михник. Он в своих традиционных протертых джинсах и не по сезону стоптанных сандалиях пришел с моей помощью представить в ЦК новую власть.

Правда, никто из руководства отдела не захотел воочию увидеть результаты своих реформаторских усилий, увидеть, как выглядит обновленный социализм в Польше. Уровень приема был «понижен». Но все же вечером был официальный банкет в зале приемов гостиницы ЦК КПСС «Октябрьской», пришел заместитель заведующего Рафаил Фе-

⁴ Как я убедился, наблюдая за ходом истории, которая пришлась на мою сознательную жизнь, лучшим и наиболее точным образом произошедших или грядущих перемен как раз и являются лица руководителей, вождей, их маски. Горбачев после распада СССР, после отставки приобрел другое лицо. Всю жизнь буду помнить испуганное лицо Герека, когда он предстал перед телевизионными камерами вечером 18 августа 1980 г. До этого дня я не мог найти какого-либо знака, символа начавшейся революции. Так уж нас научили, что без разрушения, крови, демонстрации, большого скопления людей ничего подлинно исторического не происходит и происходить не может. Поэтому начавшиеся в июле и продолжающиеся в начале августа 1980 года забастовки в самой Польше мало кто воспринимал как серьезное политическое событие. Их особенность состояла в том, что они никак не выплескивались на улицу. Польские рабочие на этот раз не вышли, а милиция, органы безопасности не рисковали войти на территорию заводов. Поэтому нам, наблюдателям, было очень трудно ошутить, представить подлинный смысл происходящего. Но, повторяю, только до того момента, пока не увидел лицо Герека. Он был не просто испуган, он был озлоблен. Он потерял свою маску руководителя страны, нации. Вместо привычного Герека я увидел не очень умного, беспомощного человека со злобным выражением лица. Только в этот момент я понял, что дела действительно плохи, что сейчас произойдет что-то важное, исключительное. В ночь с 18 на 19 августа у меня появилось отчетливое ощущение, что и Польша, где я сейчас живу, и я сам соприкоснулись с чем-то другим, с новой эпохой.

доров, было много хорошей еды, водки и хороших закусок, и, как всегда, ироничный Адам Михник полушутя, полусерьезно подымал тосты в честь переломного момента в истории, начала дружбы и сотрудничества между «Солидарностью» и ЦК КПСС. И он, Адам Михник, как я помню, искренне радовался успешному окончанию своей миссии, наведению мостов между противостоящими совсем недавно друг другу политическими силами⁵.

Перемены в этом, 1989 году, происходили так быстро, что все, кто был вовлечен в этот процесс, менялись так же быстро, как страна,

⁵ Парадокс состоит в том, что «Солидарность», еще не придя к власти, в июле 1989 года старалась заручиться поддержкой Горбачева, рассчитывала на его помощь и поддержку. А так как «агентом» «Солидарности» в ЦК был я, то по традиции все ходки и просители сначала шли ко мне. Для того чтобы читатель имел представление о такого рода инициативах «Солидарности», я приведу целиком короткую запись разговора с членом гражданского комитета «Солидарности», моим давним знакомым Войцехом Ламентовичем, которую я по его просьбе передал руководству ЦК.

В. Ламентович приехал в Москву в составе группы польских ученых, принимающих участие в работе международной конференции, проводимой МГИМО (11–14 июля 1989 г.). По его словам, он сейчас в Москве представляет не «Солидарность», а, прежде всего, самого себя, как ученого, как человека искренне заинтересованного в восстановлении связей, человеческих контактов с советскими коллегами, которые были прерваны в декабре 1981 года. Тем не менее вся беседа была посвящена проблеме путей укрепления официальных и неформальных связей между гражданским комитетом «Солидарности» и КПСС. В. Ламентович просил довести до сведения советского руководства просьбу Л. Валенсы и Б. Геремека выделить в Посольстве СССР в ПНР специального сотрудника для постоянных контактов с «Солидарностью». Он потратил, рассказывая В. Ламентович, уйму сил и времени для того, чтобы организовать встречу советского посла с Б. Геремekom, искал третьих лиц и т.д. Но в нынешней неустойчивой ситуации в Польше, по его мнению, такая школярская самостоятельность выглядит страшным анахронизмом.

Они готовы, говорил Ламентович, информировать советскую сторону о наших политических намерениях, сделать все от нас зависящее, чтобы не допустить каких-либо политических эксцессов, могущих помешать демократическим преобразованиям в ПНР и перестройке в СССР. По его словам, в сложившейся ситуации, после визита Буша в ПНР, было бы очень важно как можно быстрее организовать поездку Горбачева в Варшаву.

Руководство «Солидарности», ученые, члены ее гражданского комитета, подчеркивал Войтек Ламентович, куда лучше относятся к Горбачеву, к перестройке, чем «твердолобые» в ЦК ПОРП. Польская интеллигенция буквально живет перестройкой. Все взоры, вопреки традициям прошлого, устремлены сейчас на Москву. В руководстве «Солидарности» преобладают русофильские настроения, например у Буйака, Веловейского.

В. Ламентович отметил, что в руководстве «Солидарности» сейчас каждый ведет свою игру, пытается быстрее заручиться добрым отношением и взаимопониманием Москвы. В частности, А. Михник приехал сейчас в Москву представлять не столько Геремека, сколько свои собственные интересы.

Сам В. Ламентович связывает свои политические надежды не столько с «Солидарностью», сколько с восстановлением в новом организационном качестве параллельных структур в ПОРП, создававшихся в 1980–1981 годах. ПОРП может стать жизнеспособной партией только тогда, если она возьмет на вооружение идеи параллельных структур 1980–1981 годов. Свои мысли на этот счет В. Ламентович изложил недавно в записке секретарю ЦК ПОРП по идеологии Марышу Ожеховскому. В. Ламентович неоднократно подчеркивал, что в отличие от ВСРП, где есть Ньерш и Пожгаи, умеющие примирять все демократические силы, в ПОРП политиков такого уровня нет.

каждый новый день вставали утром новыми людьми, поэтому столь же быстро утратили способность чему-то удивляться.

На мой взгляд, никто ни в ЦК, ни в руководстве страны не заметил ухода Восточной Европы, распада мировой социалистической системы, потому что все помыслы, интересы были устремлены во внутрь, на то, что происходит в стране. К примеру, прямая трансляция заседаний Первого съезда народных депутатов СССР для нашей интеллигенции была куда более важной революцией, чем «круглый стол» в июне 1989 года в Польше.

Не знаю. Не люблю мистики. Но нельзя не видеть, что на этот раз история делала все возможное и невозможное, чтобы помочь Восточной Европе, чтобы даже твердолобые консерваторы «проморгали» происходящие перемены.

Но до этого, до переломного 1989 года, до пресыщения образами и символами буквально хлынувших перемен, лично у меня была только идея, явное или неявное убеждение в обреченности этого восточноевропейского социализма.

По этой причине слова, свидетельствующие о том, что у окружающих меня людей присутствуют такие же убеждения, не вызывали особой реакции. За пятнадцать лет работы в институте Богомолова я привык к разговорам об обреченности восточноевропейского социализма, к ожиданиям того момента, когда все это рухнет⁶. Надо быть честными. Подавляющая часть моих коллег из ИЭМСС АН СССР не только предчувствовала, но и ждала этого краха.

Поэтому меня не удивляло, что секретари ЦК, члены Политбюро вдруг начинали так же здраво мыслить, как мыслили всегда мои коллеги в ИЭМСС.

Помню, как-то в начале 1989-го, скорее всего в феврале, попросил меня придти в первый подъезд ЦК, в приемную Яковлева, его главный помощник, «правая» и «левая» рука, Николай Алексеевич Косолапов.

Он только что вышел от шефа, был озабочен. «Александр Николаевич просит помочь, чем можете, — обратился он ко мне. — Нужны материалы, записки, старые, новые, где бы раскрывалась реальная

⁶ К такой мысли обычно приходили участники традиционных мартовских совещаний представителей ИЭМСС в посольствах СССР в Восточной Европе. Достаточно было послушать идущих друг за другом представителей посольств в НРБ, ВНР, ГДР, ПНР, ЧССР и становилась отчетливой, образной логика угасания социализма в этих странах: молодежь, особенно студенты вузов, перестают вступать в партию, растет влияние оппозиции, отчуждение интеллигенции от правящей партии, количество стихийных забастовок, выступления рабочих против власти, одновременно растет число хозяйственных преступлений, случаев коррупции в аппарате. И так каждый март, начиная с 1981 года. Чем ближе к 1986, тем картина становилась все мрачнее и мрачнее. Только по тому, как росло число демонстрантов в ставшей традиционной февральской дрезденской демонстрации молодежи, можно было составить себе представление о том, к чему все это идет.

картина положения в странах Восточной Европы, реальные перспективы правящих партий удержаться у власти. Шеф намерен добиваться на Политбюро пересмотра всей нашей стратегии в отношении Восточной Европы. Пора, пока не поздно, принимать серьезные решения. Иначе конец».

Казалось бы, я двадцать лет, после августа 1968 года, ждал только момента, когда наши руководители перестанут мучить Восточную Европу и дадут этим несчастным странам право жить, как они хотят, как они привыкли.

Но когда это свершилось, когда я из услышанного смог понять, что свершилось, созрел момент для чуда, у меня внутри ничто не проснулось, ни чувство радости, ни чувство облегчения. Ни даже желания помочь Яковлеву найти убедительные аргументы, подталкивающие Политбюро к здравым решениям. Мне в этот момент уже была неинтересна судьба этих стран. Как будто это уже решенный вопрос, как будто эти страны уже освободились от коммунизма.

Даже слова Коли Косолапова, что Яковлев настроен решительно, что хватит навязывать с помощью войск «любовь и дружбу», как помню, не вызвали особых реакций, не были откровением и чем-то неожиданным.

И это было вызвано не только тем, что в подсознании я уже давно был готов к такому исходу. До того, как я услышал от Николая Косолапова о решимости Яковлева деидеологизировать наши отношения с Восточной Европой, я уже десятки раз за время работы в Отделе ЦК слышал подобные высказывания.

Уже в 1987 году Вадим Медведев давал нашим сотрудникам задание выяснить экономическую целесообразность постоянной материальной помощи правящим коммунистическим партиям Восточной Европы. И уже тогда выкристаллизовались две противостоящие друг другу точки зрения на этот счет.

Некоторые сотрудники отдела, опираясь на экспертные оценки ИЭМСС АН СССР, считали, что для СССР невыгодно продлевать жизнь коммунистических режимов в Восточной Европе, вкладывать средства туда, откуда никогда не будет отдачи.

У меня нет под рукой всех этих документов. Я к их подготовке не имел никакого отношения. Но хорошо помню лежащие в основе этой пессимистической концепции аргументы. На экспорте нефти в эти страны по «идеологическим» ценам мы теряем \$20 млрд. в год. При этом и Хонекер, и Живков занимаются реэкспортом нефти на Запад. Никакой благодарности за эту помощь от населения стран Восточной Европы мы не получаем. Более того. В странах Восточной Европы и, прежде всего, в Польше население убеждено, что СССР всех обкрадывает, у всех все забирает. Росту этих настроений, как мы знали, во многом способствует са-

мо руководство этих стран. Поддерживая непопулярные режимы в Румынии, Чехословакии и ГДР, мы вызываем огонь на себя, подрываем и авторитет своей страны, и авторитет начавшейся перестройки.

Здесь же обычно писалось, что во имя идеологических соображений, чтобы держать на плаву эти режимы, мы консервируем невыгодное для себя соотношение между экспортом изделий машиностроения и экспортом сырья, во имя идеологии вынуждены покупать в странах Восточной Европы их плохие машины и станки, тем самым усугубляя их собственное отставание. Доказывалось, что и с военно-стратегической точки зрения мы ничего не выигрываем, навязывая народам Восточной Европы непопулярные режимы. Перманентный политический кризис в Польше, Чехословакии, Венгрии, постоянная угроза массовых волнений делают вообще непредсказуемой ситуацию в этом регионе.

И здесь же, в это время, группа заместителя заведующего отделом Рыбакова искала другие аргументы в пользу сохранения старых правил игры, прежде всего, экономического характера. Обращалось, кстати, внимание на то, что на ширпотреб из Восточной Европы, который мы покупаем взамен на нефть, мы не плохо зарабатываем, к тому же смягчаем хронический товарный дефицит в стране, тем самым предотвращаем рост недовольства.

Все это было предметом дискуссии, анализа задолго до «бархатных революций». Александр Проханов, который сегодня критикует Горбачева, перестройщиков за то, что они разрушили так называемое «геополитическое предбрюшье» СССР, может себе позволить роскошь так говорить о том, чего не знает и в чем не разбирается. Но мои коллеги, как правило, в прошлом дипломаты, ученые, журналисты прекрасно знали свой предмет исследования и наблюдений, прекрасно знали Восточную Европу, изучению которой они посвятили всю свою жизнь. Надо отдать должное и Вадиму Медведеву как секретарю ЦК. За два года и он стал прекрасно разбираться в ситуации, складывающейся в Восточной Европе.

Было бы даже странно, если бы аналитики, прежде всего, консультанты Отдела социалистических стран ЦК не допускали, не прогнозировали такие события, как «бархатные революции» 1989 года. Ведь ему было понятно: цикличность и повторяемость кризисов в наиболее развитых странах Восточной Европы (речь идет о кризисе 1953 года в ГДР, 1956 года — в Венгрии, 1968 года — в Чехословакии и целой цепи кризисов в Польше — 1956, 1968, 1970, 1974 и 1980—1981 годов) красноречиво свидетельствовали о неудаче всей этой сталинской затее.

Советская модель социализма в Восточной Европе не прижилась и держится, по сути, только на наших танках.

Так что, как понимаете, меня никак не могло удивить сообщение, что Яковлев решился обнародовать эту правду, сказать, что король со-

циализма в странах Восточной Европы был и остается голым, что сталинский эксперимент не состоялся. Если бы нашей страной правили вменяемые люди, то они уже после смерти Сталина должны были искать компромиссы и заняться финляндизацией Восточной Европы. Тогда бы не было этого бесконечного позора. Танки, танки... А потом декабрь 1981 года в Польше. И опять во имя того, чтобы избежать встречи с советскими танками.

Меня, повторяю, в данном случае не интересует сам по себе факт подготовки в начале 1989 года заседания Политбюро, посвященного судьбам Восточной Европы. Его решения и их последствия — предмет особого документального исследования. Я в своих свидетельствах хочу только зафиксировать факт готовности в начале 1989 года руководства и работников международного отдела, по крайней мере, Яковлева, его помощника Косолапова и мою к коренному изменению наших отношений с Восточной Европой, зафиксировать факт моральной готовности к поражению в этих странах коммунистов. Это уже был перелом в настроениях и, следовательно, в политике.

Ни я, ни мои коллеги не представляли себе толком, как эта смена власти повлияет на СССР, как уживутся несоциалистические страны с СССР, который, как нам тогда казалось, еще долго будет верен «социалистическому выбору». Об этом всерьез никто тогда не подумал. И сейчас, спустя три года, сам по себе этот факт подталкивает к серьезным размышлениям.

Но после 1988 года почему-то стало ясно, что и СССР, и Восточная Европа уже вошли в новую историю.

Голос оппозиции становился все сильнее. Правящие компартии за этот год стали другими⁷.

Впрочем, для истории, для тех, кто будет изучать причины и истоки «бархатных революций» 1989 года, на мой взгляд, будет интересен не сам факт прозрения кремлевских реформаторов, факт произошедшей в 1989 году переоценке ценностей.

⁷ Мемуары — это не лучший жанр для научного исследования причин распада социализма в странах Восточной Европы. Хотел бы только обратить внимание заинтересованного читателя, что 1989 году предшествовал 1988 год, который ознаменовался тотальной критикой советской модели социализма, по сути, пересмотром «братскими партиями» основ своей идеологии, отказом от марксизма-ленинизма как официальной доктрины. «Бархатным революциям» предшествовал отказ от идеологической легитимности существующих режимов. Кстати, описанный выше эпизод с подготовкой речи Ярузельского на встрече руководителей партий и движений 4–5 ноября 1987 г. свидетельствует о том же. Ярузельскому понятие «социалистический персонализм» необходимо было не только для переклички с дубчековским «социализмом с человеческим лицом», но и для того, чтобы подчеркнуть свой разрыв с марксистско-ленинской идеологией. Ярузельский, как он сам мне говорил, должен был удовлетворить не только «хозяев», Горбачева, но и польскую интеллигенцию, которая ревностно следит за тем, о чем он говорит в Москве.

Более важно и интересно понять, почему эти, несомненно, образованные и умные люди с таким опозданием пришли к тому, что лежало на поверхности.

Допустим, в отношении перспектив социализма в СССР у консультантов Отдела ЦК КПСС были основания на что-то надеяться. Все-таки России социализм никто не навязал, она к нему пришла в результате гражданской войны, в которой победило наиболее сильное и организованное большинство. Черпать свою веру в долголетие социализма в СССР можно было и в инертности советского человека. Он в подавляющем большинстве был вылеплен по социалистической мерке, был продуктом семидесятилетней советской истории. Так что, как мне кажется, все те из руководства ЦК, кого я знал, могли в первые годы перестройки вполне искренне верить, что Горбачеву в России удастся то, что помешали сделать Дубчеку.

Но откуда могла у здорового, знающего историю Восточной Европы специалиста появиться вера в возможность спасения социализма в этих странах, особенно в Польше, где коммунисты все время сидели как на вулкане и где всегда делили власть в Костелом.

Я помню, как умный и здравый Яковлев на встрече с Чиреком в ноябре 1987 года искренне зажегся всеми, по сути, утопическими идеями, которыми тогда, накануне VI Пленума ЦК ПОРП, жило руководство партии. Он действительно верил, что руководство ПОРП, признав обоснованность протеста рабочих против власти в 1981 году, признав свои ошибки, начав свою польскую гласность, сможет расположить к себе общество, достигнет национального согласия. Он ве-

Я обращал в своей записке внимание на усилившуюся в 1988 году критику в официальных документах «братских партий» первоначального этапа строительства социализма, критику левого радикализма, стимулируемого в конце 40-х годов Москвой. В это время, в 1988 году, усилилась критика прежнего нигилистического отношения к товарно-денежным отношениям, к коллективной и индивидуальной предприимчивости, критика искусственного обострения классовой борьбы в конце 40-х — начале 50-х годов и свойственного левакам нигилистического отношения к национальным традициям, к аграрным преобразованиям. Я обращал внимание, что идея обновления социализма, которую исповедуют в ПНР, ВНР, НРБ, обязана прежде всего пересмотру отношения к капиталистической цивилизации, к ее исходным основаниям. «Одновременно, — писал я, — происходит и переоценка политического наследия капитализма. Крепнет убеждение, что многие институты буржуазной демократии и свойственные ей механизмы контроля за властью можно перенести на социалистическую почву. В первую очередь интерес проявляется к практике правовой защиты свободы личности, разделения властей, конституционного контроля за деятельностью правящей политической партии, национальных референдумов. В Венгрии, Польше, к примеру, в последнее время начали активно обсуждать вопрос о переосмыслении места, роли, функции Парламента на основе принципа суверенитета народа, о необходимости новых, более демократических форм легитимации верховной политической власти». Этот мой анализ идеологических итогов 1988 года доказывает, что, по сути, «бархатные революции» были революциями сверху.

рил, что ПОРП удастся нейтрализовать главный источник конфликтов, раскол между руководством партии и польской интеллигенцией⁸.

За три с лишним года работы в Отделе ЦК я не встретил ни одного сотрудника, тем более консультанта ЦК, который бы вслух одобрял интервенцию государств Варшавского договора в Чехословакию в августе 1968 года.

Я не настаиваю на том, что в отдел социалистических стран ЦК КПСС с начала перестройки подбирали только тех, кто был приверженцем пражской весны и осуждал оккупацию Праги в августе 1968 года. В отделе, где я работал, были представители самых различных поколений аппарата, люди самых различных взглядов. Я только обращаю внимание на то, что интеллектуальную и политическую атмосферу в отделе в это время определяли либерально настроенные консультанты. Для них, для Федорова, Коликова, Антясова, Мушкатерова, Остроумова, было ясно, что авантюры типа интервенции

⁸ Из протокольной записи основного содержания беседы А.Н. Яковлева и В.А. Медведьева с Ю. Чиреком 13 ноября 1987 г. «Ю. Чирек поблагодарил за возможность проконсультироваться в ЦК КПСС проект доклада на VI пленуме ЦК ПОРП. После обсуждения на заседании Политбюро в комиссии по подготовке пленума с членами ЦК ПОРП в текст доклада внесены серьезные поправки, 16 или 17 ноября думаем опубликовать его в печати, а 24 или 25 провести первую часть пленума. А.Н. Яковлев поделился общими впечатлениями о проекте доклада: «Привлекают, прежде всего, трезвость оценок, реалистичность подходов. Вы правильно поступаете, признавая допущенные ошибки, в частности, обоснованность протеста рабочих в 1980 году. Это ни в коей мере не означает оправдания “Солидарности”».

В докладе четко обозначены пути преодоления последствий кризиса 1980–1981 годов, линия на укрепление национального согласия. В этом контексте важно, что вы заявили о своей готовности к сотрудничеству с теми, кто когда-то был не согласен с вашей политикой, кто вышел из рядов партии. С ними надо, безусловно, работать. Заслуживает одобрения и то, как вы ставите вопрос об интеллигенции. Партия без ее поддержки не может успешно действовать. Мы тоже придаем этому большое значение, думаем, как повысить роль интеллигенции в социалистическом обществе. Проект вашего доклада выгодно отличается тем, что сориентирован на думающую часть общества. Представляет интерес в контексте политики национального согласия и ваша трактовка вопроса о национальном единстве общества. Мы тоже думаем сейчас над этой проблемой. В чем это единство, на какой основе? И вообще, нужно ли в ряде случаев такое единство?

Важно, что критический потенциал в докладе органически увязан с конструктивной программой деятельности, а с этим, как вы знаете, всегда сложно. У вас идеологические предпосылки выведены на ряд практических дел в сфере политики, экономики, идеологии. Вы правы, увязывая вопросы политического воспитания с польской спецификой, с программой польского пути к социализму, заявляя о своей готовности сотрудничать с людьми различных мировоззрений. Костел доставляет вам немало хлопот, но это — ваша реальность, поэтому ваши подходы в этом вопросе представляют определенный интерес и для других социалистических стран. Если вам удастся решить эти вопросы — это будет большой шаг в развитии социализма. Представляются весьма конструктивными намечаемые вами меры по развитию самоуправления. У вас в этом отношении уже накоплен кое-какой опыт, мы же только приступаем к этому. Содержащийся в проекте доклада комплекс мер — это программа дальнейшего развития социализма через национальное согласие, переход к новому этапу отношений между людьми».

1968 года уже невозможны, что с помощью силы, давления уже невозможно ни в Польше, ни в Венгрии удержать коммунистов у власти.

Именно радикализм в оценке 1968 года и объединял консультантов Отдела ЦК с наиболее колоритными и яркими фигурами академических шестидесятников. По крайней мере, Марина Павлова-Сильванская, Владислав Дашичев в эти годы намного больше времени проводили в Отделе ЦК, чем в своем ИЭМСС.

Начинали наши руководители, давая очередное задание, за упорной, а кончали всегда здравицей в честь обновленного социализма, и, самое главное, в честь дружбы и сотрудничества народов, познавших радости и свободы грядущего демократического преобразования СССР и ПНР.

Когда мы начинали (речь идет о 1987 годе) работать над очередным документом о польских сюжетах, как правило, проговаривались вслух довольно жесткие и смелые суждения о польском социализме. На этом этапе исходный грех восточноевропейского социализма обнажался вполне определенно. Правда, здесь же объяснялись и мотивы нашей смелой записки на Политбюро. Говорилось и о том, что мы обязаны просвещать консерваторов, и о том, что, раскрывая правду о стартовых условиях социализма в Польше, мы имеем больше шансов добиться поддержки для радикальных реформ Ярузельского, развязать ему руки⁹.

Наши руководители давали волю всем своим затаенным мыслям, а я сидел и записывал. И в результате получался довольно убедительный текст. К примеру, «ПНР принадлежит к числу тех социалистических государств, в которых установление нового строя явилось в большей степени следствием итогов Второй мировой войны, нежели результатом революционной борьбы широких трудящихся масс. Левые силы в Польше и традиции составляли “революционное меньшинство” и не имели массовой поддержки у населения. Отсюда и задача бороться за социализм в условиях социализма, перестраивать его структуры, многое начинать заново, доделывать недоделанное».

Но когда я приносил им то, что я, по сути, записал с их слов, они начинали кочевряжиться, недовольно бурчали, требовали чего-то другого, о чем даже речь не шла. «Так нельзя, — говорили они мне. — Своими откровениями мы только подведем Горбачева, который в Политбюро отвечает за наш отдел. Много ума не надо, чтобы сказать то, что все знают, что поляки не любят свой социализм. Надо делать акцент на другом, на улучшенных возможностях, на том социализме, который мог бы отвечать национальным традициям. Так мы больше поможем Ярузельскому, дадим зеленый свет его реформам».

⁹ Такой тактикой, путем сетования на польскую специфику, руководство отдела добилось в начале 1988 года одобрения Политбюро ЦК КПСС перемен в руководстве ПОРП и, в частности, выдвижения на ключевые роли Мечислава Раковского.

Я уходил и писал другой текст. К примеру, о том, что в нынешних условиях «сращивание Польши с социализмом, как справедливо считает руководство ПОРП, возможно только путем сращивания социализма с “польскостью”». Гуманизация социализма в Польше должна идти, прежде всего, путем достижения более органичного, чем прежде, сочетания универсального с польской самобытностью. Вот исходные идеи теоретической части проекта доклада на VI Пленуме ЦК ПОРП. Социалистическое возрождение в Польше, таким образом, связано с реабилитацией так называемой польской постепенной, демократической, безболезненной дороги к социализму, разработанной польскими коммунистами в условиях войны и отстраненной в период кампании 1948 года по борьбе с так называемым “правонационалистическим уклоном” в партии. Тогда и сейчас речь идет о том, что польские коммунисты не должны механически копировать чуждый опыт, а черпать образцы устройства национальной жизни социалистической Польши из демократического духа польского народа, проявлять способность к компромиссам, терпимость, исходить из признания целесообразности и общественной полезности (в дополнение к обобществленному хозяйству) так называемой частной инициативы, контролируемой и направляемой государством, семейного производства на земле, многопартийности как прочной основы польской политической системы, мировоззренческого плюрализма»...

И видит Бог, если бы кто-то из разоблачителей «партийного аппарата» и «партийных привилегий» представлял себе, какие это были муки, как трудно было быть консультантом ЦК КПСС.

Я приносил своим шефам новый текст, где в соответствии с их указаниями не было никаких упоминаний о первородном грехе восточноевропейского социализма, а весь акцент был на упущенных возможностях, на ошибках вероломного Сталина, который погубил в зародыше национальные модели социализма.

И опять мои труды шли насмарку. История теперь никого не волнует, говорили они мне. «Если идти от печки, то надо упоминать и о кризисах. Это долго. Мы же с вами не пишем научный трактат о судьбах польского социализма. ЦК КПСС не Академия наук. Мы должны только объяснить, почему необходимо дать зеленый свет перестройке в Польше, поддержать реформаторские начинания Ярузельского. И ни в коем случае теперь, — настаивали они, — не надо пугать наше Политбюро Польшей и особенно польскими кризисами, польскими конфликтами. Они и так перепуганы перестройкой. Нужны совсем другие акценты, к примеру, мысль о том, что по остроте проявления польских кризисов трудно составить точное представление об их опасности и в целом о политической особенности в польском обществе»¹⁰.

¹⁰ Все эти беседы, уроки Георгия Шахназарова, происходили в ноябре—декабре 1987 года.

Так мы со своими шефами выходили на чистую и прямую дорогу апологетики политики национального согласия. Тут все шло гладко, без сучка и задоринки. «Кто доказал, что нельзя обновить государственный аппарат и привлечь к управлению социалистической страной умных людей, наиболее квалифицированную часть интеллигенции?» — спрашивали они себя. И сами себе отвечали: «Никто. Поэтому необходима новая политика, добывающаяся союза партии с наиболее квалифицированной частью общества и, прежде всего, с наиболее авторитетными представителями интеллигенции. Нам надо доказать, что именно этой дорогой укрепления авторитета ПОРП, ее связей с массами идет Ярузельский. Надо доказать, что союз ПОРП с наиболее конструктивной, здравомыслящей частью интеллигенции не только нужен, но и возможен».

И все это говорилось искренне, шло от убеждений, от внутренней уверенности, что все это возможно, осуществимо, что стоит помочь Ярузельскому, поддержать его политику диалога с оппозицией и все получится.

Еще раз задаю себе вопрос. Откуда, где истоки этой слепоты, веры в невозможное? Ведь умными людьми были все наши реформаторы.

Я еще понимаю истоки реформаторской слепоты партийной интеллигенции Восточной Европы, к примеру Мечислава Раковского. Он был до кончика ногтей левый, социалист. Что его, кстати, очень роднило с такими нашими шестидесятниками, как Рой Медведев, Отто Лацис, Михаил Шатров.

Поэтому он, как и они, был приговорен верить в возможность спасения социализма, ПОРП, сохранения в ней руководящей роли коммунистов.

Сама мысль о реставрации белой Польши, возвращении к власти Костела, националистов была для Раковского нестерпимой.

Отсюда и все утопии Раковского, которыми он соблазнял Ярузельского и Политбюро ЦК ПОРП в 1987 году¹¹. Отсюда и необъяснимая, ничем не оправданная не просто для поляка, а для умного поляка, вера в то, что ПОРП в состоянии усилить свое идеологическое влияние в обществе, что все беды этой партии от недооценки идеологической работы, что ничего не мешало ей и не мешает в условиях гласности, открытой полемики с Костелом и оппозицией, отстоять свою марк-

¹¹ В своих «Замечаниях, касающихся некоторых аспектов политической и экономической ситуации в ПНР во второй половине восьмидесятых», которые тогда, в октябре 1987 года стали политической сенсацией, Раковский обвинял руководство ПОРП, что она «отодвинула идеологический фактор на второй план» (с. 5). «С моей точки зрения, — писал Раковский, — местная партийная власть обязана как сегодня, так и завтра концентрировать свое внимание прежде всего на идее, логическом воспитании как партийных и беспартийных» (с. 25).

систскую правоту и, самое главное, привлечь на свою сторону и «колеблющихся» и молодежь¹².

Но что, повторяю, заставляло таких прагматиков, как мои руководители, всегда отдававших себе отчет и о подлинной цене ПОРП, и о подлинной цене польского социализма, верить во все эти чудеса, что, к примеру, на «польской грядке» вырастет социализм?

Я не психоаналитик и не владею категориями этой науки. Но мне кажется, что и здесь мы имеем дело с теми же процессами замещения и вытеснения исходной правды, природного здравого смысла различного рода мифами, а может быть, различного рода страхами.

Догматикам и консерваторам старой коммунистической генерации было проще и жить, и править страной. Они были циниками и прагматиками. Да, они прекрасно отдавали себе отчет, что все это построено на крови и насилии, что другим способом построить социализм невозможно. Но как здоровые и прагматичные люди они делали отсюда правильные выводы. Раз мы хотим остаться у власти, то надо «держаться и не пушать».

Для этой цели, прежде всего, и была размещена в Восточной Европе громадная армия. Не случайно, к примеру, в Венгрии все советские воинские подразделения были расположены не на западе крупных городов, Будапешта, Дебрецена, а на востоке. Они были призваны не столько отражать агрессию с запада, сколько облегчить продвижение советской армии в стране в случае нового восстания.

Что же касается наших реформаторов, страдающих синдромом Пражской весны, то им было труднее совладать с правдой и со своим умом, труднее было выработать и цельную политику, и цельную идеологию. Их беда, а счастье народов Восточной Европы, состояли в том, как я попытался доказать в этой главе, что они все-таки вопреки всему, надеялись сделать то, что до сих пор ни у кого не получалось.

Конечно, если бы в Польше в 1986 или в 1987 году начались волнения, то я убежден, что и Горбачев, и все герои моей книги сделали бы все возможное, чтобы не допустить трагедии, не допустить вооруженного вмешательства¹³.

¹² «Мы, как марксисты, писал Раковский, обязаны осознавать опасность усиления влияния Костела, а потому, несмотря на политику “исторического компромисса”, “обязаны публично выражать свое критическое отношение к тем начинаниям Костела”, которые, с нашей точки зрения, направлены против интересов польского государства» (с. 37). «Чрезвычайно важной проблемой, которая должна стать предметом дискуссии среди руководства партии, является вопрос о будущем молодежного движения, которое все еще остается под влиянием нашей партии, руководствуется ее указаниями» (с. 56).

¹³ Сегодня все забыли, что в конце 1985 — в начале 1986 года, накануне X съезда ПОРП, ситуация в Польше была взрывоопасной. Убийство офицерами МВД ксендза Попелюшко и его похороны в Варшаве, в которых участвовало 300 тыс. человек, вызвали взрыв антикоммунистических настроений. Достаточно было походить по Костелам Варшавы и послушать, как клянут коммунистов гида-монахи. Костел, где был похоронен Попелюшко, напоминал осажденную крепость. И все это — на фоне экономичес-

Но в то же время мы должны понимать и отдавать отчет, что, благодаря социалистическому романтизму, раздвоенности сознания кремлевских реформаторов, благодаря их стремлению интернационализировать перестройку, и Польша, и Венгрия, и Чехословакия успели проскочить опасную зону истории, когда назревающие конфликты, назревающие революции могли натолкнуться на сопротивление «старой гвардии». Благодаря начавшейся и одобренной Горбачевым политике обновления и демократизации социализма, к моменту начала «бархатных революций» в руководстве правящих партий уже не оказалось «твердолобов», которые бы решились с оружием в руках защищать «завоевания социализма». Политика демократизации зашла уже так далеко, что у коммунистической «консервы» уже не было никаких сил вернуть общество в дореформенное состояние.

В сущности, в странах, где все начиналось, — в Польше и Венгрии, даже трудно найти грань, отделяющую радикальные реформы сверху, проводимые правящей коммунистической партией, от «бархатной революции» снизу, руководимой оппозицией. По сути, если смотреть на вещи серьезно, то и в Польше, и в Венгрии коммунисты в 1989 году добровольно сдали власть, просто примирились с тем, что было неизбежно и неотвратимо. И в этом я вижу главную историческую заслугу и ВСРП, руководимой Ньершем и Пожгаи, и ПОРП, руководимой Ярузельским и Раковским.

Но сдать власть, желая избежать кровопролития, не означает «продать власть» или «продать социализм».

Правда о мотивах и логике событий, приведших к распаду социализма в Восточной Европе, необходима еще и для того, чтобы противостоять клевете и лжи, фабрикуемой до сих пор «твердолобыми».

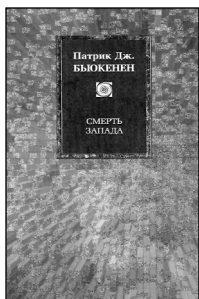
Не могли и не хотели кремлевские реформаторы «продавать» или «сдавать» социализм по той простой причине, что они, как все советские шестидесятники, жили мечтой о «подлинном» и «гуманном» социализме. Даже тогда, когда все стало ясно и действительно надо было начинать «торговаться» и что-то делать, они растерялись, не знали, что делать.

(Продолжение следует)

кой стагнации, катастрофического падения авторитета ПОРП. Как рассказывал мне в мае 1986 года во время моей командировки в Варшаву патриарх польской социологии академик Ян Шеланьский, наиболее взрывоопасным элементом опять, как в 1980 году, становилась молодежь. У сотен тысяч представителей нового поколения нет шансов получить хорошую работу и абсолютно никаких шансов обзавестись своей квартирой, семьей. «Она просто не выдержит, — говорил Ян Шеланьский, — и взорвет эту страну». Он также сетовал на то, что Ярузельский тогда, в ночь с 11 на 12 декабря 1980 г. не послушался его, как члена Государственного совета ПНР, и не запретил ПОРП в момент введения военного положения.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

Сначала закат, а потом смерть...

Патрик Дж. Бьюкенен. Смерть Запада. М., 2004

Почти столетие назад Освальд Шпенглер провозгласил закат Европы. Сегодня рассуждают уже не о сумерках западной цивилизации, а о смерти ее.

Патрик Дж. Бьюкенен, советник президентов Никсона и Рейгана, кандидат в президенты от Республиканской партии на выборах 1992 и 1996 годов, выступает в качестве провозвестника неоконсервативного мышления. Его концепция отличается от оптимистических прогнозов Ф. Фукуямы и от горьких констатаций С. Хантингтона относительно «кон-

фликта цивилизаций». По мнению Бьюкенена, западная цивилизация погибнет не в результате применения оружия или экспансии насилия. Он убежден в том, что Запад погибнет, если не откажется от либеральных ценностей. Это произойдет плавно, без очевидных глобальных конфликтов, путем крушения жизненных и практических установок людей западной культуры.

Вновь обретает популярность концепция М. Вебера, который утверждал, что именно ценностные ориентиры оказывают решающее воздействие на исторический процесс. Каждая культура сильна тем, что обретает собственную версию смысла существования. В одном случае, смысл человеческого бытия усматривается в моральных установлениях земной человеческой жизни. В другом – в неких запредельных трансцендентных критериях, определяющих окончательную ценность человеческого присутствия на Земле. В то же время поискам смысла жизни противостоит идея бессмысленности всех человеческих упований и действий. В древнекитайской этике значимость человеческой жизни во многом определялась идеалом внутренней свободы, который получил развитие в учениях ранних конфуцианских и даосских мыслителей.

Европейская культура наших дней одушевлена идеей приобретательства и наслаждения. Несколько десятилетий назад американский социолог Даниэль Белл предупреждал европейцев о том, что революция растущих ожиданий приведет Запад к краху.

Образ громадной толпы, жадной к соблазнам, о котором писал Н.А. Некрасов, мог бы служить прекрасным эпиграфом к этому преду-

преждению. Если же наслаждение оказывается главным смыслом жизни, то рядовая женщина может отказаться вынашивать и рожать ребенка. Зачем, если можно и так вполне шоколадно прожить собственную жизнь. И вспоминается фраза из Грибоедова: «Твой дядюшка пропрыгал ли свой век?».

Бьюкенен отмечает, что прирост населения всегда считался признаком здоровья нации в целом, депопуляция – признак болезни народа и общества. И вот обнаруживается, что западная цивилизация, несмотря на все свое могущество и богатство, находится в глубочайшем упадке. Ее состояние можно назвать синдромом Чеширского кота – как этот кот, народы западной цивилизации тают на глазах.

За 40 лет население земного шара увеличилось вдвое – с 3 до 6 миллиардов человек, но европейские (в широком смысле) народы прекратили воспроизводство. Во многих странах смертность ныне соответствует рождаемости, а то и превосходит последнюю. Из 47 европейских стран только одна, мусульманская Албания, демонстрировала в 2000 году уровень рождаемости, достаточный для сохранения народа. Остальная Европа вымирает. Имеется в виду не эпидемия чумы, не сокрушающая мощь войны, а влияние парка развлечений. Европейцев душит процветание. Комфорт – единственная вера нынешних поколений. Понятие жертвы ради семьи – основа человеческого общества – превратилось в исторический казус. Это не может не изумлять.

Неужели смерть Запада неотвратима? Может быть, подобно всем предыдущим клатбищенским прогнозам, это пророчество окажется несбыточным? Но на что можно уповать?

Прежде всего, на преобразование ценностных ориентиров. Миллионы людей ощущают себя чужаками в собственной стране. Они отворачиваются от масс-культуры с ее культом животного секса и гедонистических ценностей. Они наблюдают исчезновение старинных праздников и увядание прежних героев. Они видят, как артефакты славного прошлого исчезают из музеев и заменяются чем-то уродливым, абстрактным. Низвергаются привычные, унаследованные от поколений предков моральные ценности.

На протяжении жизни одного поколения многим американцам довелось увидеть, как развенчивают их Бога, ниспровергают их героев, оскверняют их культуру, извращают моральные ценности, фактически вытесняют из страны.

Массовая культура в своей иерархии ценностей ставит радости секса выше счастья материнства. Женские журналы, «мыльные оперы», дамские романы, телевизионные передачи в прайм-тайм – везде прославляется карьера, секс и независимость (и одиночество) женщин. Заботиться о ребенке – это удел бабушек. Брак и моногамия так же восхитительны, как сэндвич с пюре.

Древний триумвират «мир, плоть, дьявол» не только извлечен из бытия, но и усиленно пропагандируется лучшими рекламными агентствами. Недавно по российскому телевидению прозвучала реплика одной теледивы: «Надо помнить, что все мы имеем срок годности». Человек стал приравниваться к товару. Либеральная идеология утверждает ра-

венство всех культур. Теперь нет критерия для того, чтобы одни культуры называть великими, а другим отказывать в этом. Первая заповедь нового евангелия (современной либеральной идеологии) звучит так: «Все образы жизни равноправны».

Бьюкенен фактически повторяет те идеи, которые когда-то развивал Н.А. Бердяев в работе «Философия неравенства». Равенство – химера, в мире его нет. Но либеральные идеологии утверждают всеобщее равенство. Они видят задачу революции в том, чтобы устранить неравенство цивилизаций и культур. Согласно либеральному катехизису, ни одна религия не имеет приоритета перед другими, точно так же, как ни одна культура и ни одна цивилизация. Необходимо стремиться к «разнообразию», чтобы в обществе существовали все племена, все языки, все культуры, чтобы «цвели все цветы», чтобы, в конце концов, на нашей планете сложилось мультиэтническое и мультикультурное сообщество.

Действительно, еще А. Токвиль указывал, что достичь такой степени равенства, которая казалась бы всем справедливой, невозможно. Равенство – союзник политического Левиафана, тоталитарного государства. Н.А. Бердяев отмечал, что космическая жизнь иерархична. Иерархична и жизнь общественная, поскольку в ней есть космический лад и не разорвана органическая связь с космосом. Всякое разрушение космической иерархии атомизирует бытие.

Критика неравенства для Бьюкенена означает возможность возрождения консервативных ценностей. Он полагает, что нет и никогда не было абсолютно разных народов, культур и цивилизаций. Одни достигали величия регулярно, другие к нему вообще не приближались. Разнятся образы жизни, религии, идеи; равенства не найти нигде. Пожалуй, важнейший, самый красноречивый и убедительный довод – тот, что не может быть равенства среди идей. Критикуя воинственный дух современной ортодоксии, Бьюкенен стремится развенчать всякого рода революции. Достается и многим ее пророкам. И здесь вновь мы могли бы сослаться на духовную традицию. Ж.-М. де Местр стоял на почве религиозной и боролся с духом революции.

В политике новая вера находит свое выражение в глобализации и в скептическом отношении к патриотизму, поскольку из истории известно, что чрезмерная любовь к своей стране нередко приводила к подозрительности к соседям и, как следствие, к войнам. История цивилизаций есть история войн, поэтому новая вера намеревается уничтожить нации и национальные государства.

Но неужели все наши рассуждения о равенстве народов – не более чем самообман? Неужели происходящее сегодня – только прелюдия к возобновлению схватки за власть над людьми и народами, схватки, которую богатый, но оскудевающий людьми и вымирающий Запад с его отвращением к войне, взращенном на бойнях и ужасах прошлого столетия, обречен проиграть? Как сказал Софокл, нужно подождать до вечера, чтобы понять, каким чудесным был день. Неужели уже наступил «вечер Запада»?

Разумеется, Бьюкенен отвечает на эти вопросы, прибегая к тщательной диагностике современной культуры. Он протестует против многооб-

разия вер, против множества субкультур. Он решительно возражает против «дехристианизации» западной культуры. Он за национальную идентичность. Однако нет ли тут привкуса расизма? Не ведет ли неоконсервативная логика к идеологическому признанию американского величия?

Запад – самая развитая цивилизация в истории человечества, а Америка – самое развитое государство этой цивилизации, превосходящее прочих в экономическом, научном, техническом и военном отношениях. Другой сверхдержавы не существует. Америка, Европа и Япония контролируют две трети мирового производства и две трети мировых доходов.

Неоконсервативный манифест полон противоречий. Поставленный диагноз – «смерть Запада» – оказывается всего лишь идеологической страшилкой. Если Запад обладает такой мощью и таким потенциалом, то о каком закате данной цивилизации может идти речь?

Рецепт, который может спасти Америку, оказывается довольно простым. Речь идет о возрождении протестантизма (в России государственники вели бы разговор о восстановлении истинного православия), о новом крестовом походе за возвращение белых американцев к патриархальным ценностям общества и семьи.

Книга Бьюкенена по своей философско-идеологической направленности совпадает с умонастроениями определенной части российского общества. Разумеется, в нашей стране говорится не о возрождении Америки. Однако очевиден контур – вера в величие России, в консервативное возрождение ценности государства, патриотизма, исконности и державности. Интересно, как далеко качнется маятник?

Эльвира Спирова, кандидат философских наук

Editor's Page

Vagif Guseynov. TO PAUSE, TO LOOK BACK...

1. This spring, almost at the same time, some high-ranking officials have made public their revelations on a state of affairs in their scope of activities. Their statements were met with wide public response and were followed by numerous expert comments. The general tone of the statements came to just one note — 'that's wrong, wrong thing, wrong way'... The majority of experts and analysts tend to see this as somewhat overdue reaction by the governmental officials to notorious events both at home and abroad.

4. Perhaps, we have failed to draw the needed lessons from our own history. The Victory festivities made to feel that sharp more than usual. There was an understanding of something very big and very important going away irretrievably, the thing that could have been, but was not. There were chances, but they were missed. There were possibilities, but they were not used. Are we, really, have been idly seating too long in wait for the radiant future, living as if compelled and for a time-being in the clumsy, uncomfortable and, consequently, bleak present?

5. The political perspective of the celebrations-to-be with participation of presidents and prime-ministers from all over the world had held a promise to be much diverse both in their content, and in their manifestations. Still, it was clear even then, that the great celebration would not prevent hidden political intrigues, on the contrary, some people did prepared to use it for their own ends.

6. For many decades, almost thievishly and cowardly, we have been pushing home-made problems, which are homely for the public' view, into the darkest corner, postponing their solutions for better days to come, when some wiser, more sagacious and more responsible politicians ought to appear. However, to completely be cleared off the filth and the consequences of the mistakes made in the past is possible only if the society as a whole would strive for such a clarification, if it would take to its heart the responsibility for the country's today and tomorrow.

Politics

«500 WORDS». FOREIGN CORRESPONDENTS ABOUT TODAY'S SITUATION IN RUSSIA

Introducing the new section, we have, at least, two tasks in mind — *first*, considering the long-time gap between the *VA*'s subsequent issues, to update the political content with some 'express-assessments' of the situation in the country; *second*, to attract contributors who, being skilful in serious analytics, have also disposed towards shorter (and sharper) dialogue with the readership, who can offer their own choice of problems from the many existing, their own position and viewpoint on various, primarily much-talked-of events in the country and in the world.

Indeed, of interest are comments made by media-persons who, by virtue of their trade and public applicability, have specially aimed at such events, social facts and phenomena of significance. We have asked some of them to assess today's situation in this country: we treasure their strictly personal opinions, but still believe that those are not oceans apart from the positions held by the media they represent. This is but natural, as that complex and very contradictory processes cannot help stimulating various and ambiguous reactions. Including, quite negative ones.

In fact, foreign correspondents live the same life as we do, their feelings are as sharp as ours perceive both good or not-so-good things. By far not all of them are being indifferent to how we are going to proceed further. The difference is just that they bear no responsibilities for what is happening here, while we - do. A good reason to try, at least, to understand what exactly and why they are concerned with in today's Russia.

1. To reveal the specifics of ethical foundations of politics, one has to bring apart the notions of 'morals (as standards)' and 'morality'. Following the morals corresponds to inner principles of a person, whereas the morality deals with the outer regulations - irrespective of the mode of regulating factors.

2. Distinctive feature of the political and historical process is that human being is both the goal and the tool in political history at the same time. This is the reason to make a point of bringing substantially apart two kinds of ethical regulators that might be defined as political and private morals.

3. The initial criterion of political morals is conformity to the nation and state interests. At that, a politician's personal moral consistency becomes of secondary importance. Confusing political and «private» morals is fraught with grave consequences.

4. The truth of political morals is just a portion of the truth, for beside the political morals there always are private morals, and human being is in focus of these modi cross-ing. The way 'the two sets of morals' cross is determined by the way the state and society interact. While they are in state of comparatively peaceful co-existence, political and private dimensions of morals might avoid the trend of mutual destruction. The conflict between the society and state is inevitably fraught with conflict between the morals.

5. The depth of the problem is that substantial contradictions might arise even within the framework of political morals, because of likely differences in interpreting the nation and state interests. It means, the phenomenon of political morals is immanently inconsistent. The political morals, unlikely the private morals, are situational, they make no *a priori* decisions on subjects considered by them.

6. The aggregate most important conditions of development of the Russian social environment predetermined continuity of the state – society conflict, hence the compulsion is to use *in masse* – both in regards to mass groups of population, and within the political class itself.

7. The massive use of violence in the Russian political practice has led to domination of political morals over the private morals and to wide gap in perceiving moral standards in politics by the political class and out-of-elite groupings. While the authorities, as a rule, held positions of political realism, the mass consciousness in many aspects was regulated by norms of political idealism.

8. As historical experience shows, any attempts by Russia's rulers to switch positions to those of political idealism, as a rule, turned into the country's political defeat.

9. Changing the balance between the political and private morals in modern Russian society is not unequivocal process; there are some positive things alongside with the negative ones. The sphere of the society's vital activity subjected to moral regulation is narrowed due to restrictions in use of 'private' morals, and such narrowing might become expedient.

Yury Krupnov. WHY THE LIBERAL EMPIRE IN RUSSIA WOULD FAIL?

1. In today's Russia, the 'Liberal Empire' is one of few projects that have really been sponsored and personified (the Union of Right Forces, A. Chubays, L. Gozman, D. Oreshkin) and well documented.

2. The liberal imperialism project is downright borrowed and second-handed, for the notion of liberal empire, the very terms of 'liberal empire' and 'liberal imperialism' appeared in the Great Britain in the second half of 19th century, and for a century and a half since they have been the treasure and basis of Anglo-Saxon political and historical thinking. The English themselves called their nineteen-century colonial practice liberal imperialism.

3. After the USSR collapsed, the liberal imperialism was again in full demand in the West, and it became a public doctrine for a leading part of establishments in the Great Britain and USA after events in Bosnia and Kosovo. In 2000, the British historian Nail

Ferguson has openly urged the United States of America to follow the steps of the defunct British Empire, to become a sort of the second edition of the British Empire of 19th – early 20th centuries.

4. The project of liberal empire, put into public consciousness by A. Chubays in September 2003, repeated word by word major theses suggested by British and American politologists in late 1990s – early 2000s.

5. The liberal empire ideology is disastrous for Russia, for it would lead to Russia's loss the role of the subject and termination of its world historic being.

6. There is just one realistic and adequate to the Russian traditions project which is, in particular, alternative to the liberal imperialism project, - the project of Russia being world power. The world power is a statehood that does not colonize, subordinates nor rules; it poses to itself and the mankind global problems and provides their model solutions within its own territory, thus organizing the global development.

National Security

Alla Yazkova. SOUTHERN CAUCASUS: THE EQUATION WITH MANY AN UNKNOWN

1. The beginning of the 21st century has brought to the Mediterranean – Black Sea region at the crossroads of Europe and Asia a lot of new, untraditional threats and the challenges that are mostly common in the world to economically depressive areas with high level of strategic and political instability, organized crime activity and transnational criminality. All these negative features are typical for the Southern Caucasus states (upon the former USSR collapse, they became independent states of Armenia, Azerbaijan and Georgia) that are at transitional stages of social development.

2. For the past decade, the separatism has become especially serious problem for the Southern Caucasus. It gave basis to appearance of self-proclaimed, actually recognized by nobody and controlled by nobody territories. Attempts by the international community to take the situation in the 'self-proclaimed republics' under its control as yet proved to be unsuccessful, primarily, because the local authorities refused to cooperate with the leadership of their 'small center countries', as well as with the international organizations.

3. Within the years passed since the collapse of the USSR, Russia lost a significant share of its influence gained for last three centuries in the Transcaucasia, having conceded some positions to the United States, the EU members, and such regional powers as Turkey and Iran.

4. The existence of uncontrolled territories and not-overcome-yet consequences of local armed conflicts did became a major reason of internal stagnation of the Southern Caucasus states, while the ever-present instability put obstacles for economic and political reforming. Though none can doubt the commonness of the said features, it is clear that there are some specifics in process of domestic development in contemporary Georgia, Azerbaijan and Armenia.

5. The main causes of political instability and, to an extent, unbalance of the newly independent states in the Southern Caucasus, as well as risks and threats imposed to the region by that, are concentration of the transnational organized crime and criminal groupings, which headquartered mainly in 'grey zones', i.e. the territories with no access to the state and international control.

6. To restore the territorial integrity of the Southern Caucasus states and to settle lengthy political conflicts it is needed not only political will and ability to compromise on the part of new leaders, but also multilateral efforts on the part of all interested international 'players', first of all, Russia. These are likely to be the only foundations to gradually unblock and liquidate the dangerous centers of transnational crime and

international criminality, that had formed the 'gray zones' of Abkhazia, South Ossetia, Nagorniy Karabakh and areas adjoining to it.

Yelena Komleva. NUCLEAR POWER: BY MEASURE OF HUMANITY

1. The time has come to think anew humane and cultural aspects of the nuclear phenomenon's role in the context of civilizations, as well as other social aspects of the nuclear energy. This is timely for Russia, too. It is important to more fully identify the social habitat of the nuclear energy, the social problems caused by it, and the tasks the mankind facing.

2. The nuclear technologies, primarily, their military component, have got a new shade of argument importance in matters of the future interrelations of the peoples and religions.

3. Building-up 'nuclear' public consciousness is a timely task that is principally new and has substantial methodological features. It might be so, the principal value of the nuclear phenomenon in the context of civilizations is that it prompts our changing for the better. It gives no right to make a mistake. Containment of nuclear sphere development is to be accompanied by the conscious peoples consent to live in somewhat less comfortable living conditions for the sake of achieving the political and economical objectives which determine the being of the society as a whole.

4. It is a complex task to analyze the nuclear energy's impact upon the society, to sort out moral and legal aspects of nuclear technologies application, to form public understanding of these technologies' role in history and in future, and to improve 'Nuclear Sphere – Society' communication systems. The analysis might be of no effect, if one would not compare social components of this Sphere with ideas of competent and respected philosophical schools; if humanitarian community would have little say in political decision-making; if value orientations would not become a part of scientific and technical knowledge.

5. We ought to humanize the nuclear phenomenon. To do so, one should have information and cultural base comprehensive from the point of view of national and international traditions in spiritual sphere – philosophy, religion, arts, literature, etc.

6. The nuclear technologies that have already played the important role, are not to loose their mission in future, that is to provide for peaceful and energy-safe development of the country. As the case was after the Great Patriotic War, they have become the priority and demand qualitative decisions. The benevolent intellectual help on the part of the society would be superfluous for them. There is need to correct one-sidedness of military and political, scientific and technocratic 'rules of the game'.

Foreign Affairs

Karin Kneissl. UNCLEAR FUTURE IN THE BALKANS
Some More Independent States to Come

1. 2005 will be a decisive year to see whether the region turns more stable or remains volatile. The pending issue of the final status of Kosovo has to be tackled and Montenegro might yet declare its independence from Serbia. Two more new states might emerge in South Eastern Europe.

2. The return of the nationalist parties to power after the October 2002 general elections in Bosnia & Herzegovina (B&H) was widely viewed as a disaster. There is a strong risk that B&H might break up; ethnic Serbs would want to join Serbia, and ethnic Croats to return to their Croatian motherland. Irredentism in its literal sense could easily happen once the international organisations and trouble-shooters are gone.

3. South eastern Europe is not likely to return to the level of mayhem seen in the last decade anytime soon, but the region remains fractured and capable of producing turmoil. Of the countries and provinces that experienced serious conflict after

Yugoslavia collapsed in 1991 – Bosnia and Herzegovina, Croatia, Kosovo, Macedonia, and Serbia and Montenegro – only Croatia looks stable.

4. At present, there are no longer any differences between Europe and America, at least on Kosovo. Moreover, if prodded, Serbia and Kosovo's Albanians could probably agree on large parts of a future constitution for Kosovo. The proclamation of independence by Montenegro could eventually have a decisive impact on Kosovo in its desire to have its final status immediately tackled by the international community.

6. The EU took a risky decision to punish Croatia which failed in the war-crimes litmus test, but it somehow showed the way to the others, for the demons of the past are still around.

7. The cumbersome process of political reconstruction via a policy of solving "Standards by Status" has yielded certain results. But the entire region is in dire need of more political clarity.

Sergey Demidenko. THE IRAQI CRISIS AND THE KURDISH PROBLEM

1. The American invasion to Iraq has led to development of some destructive political trends in the Middle East, such as expansion of the Islamic radicalism's influence; growth of terrorism danger; escalation of ethnic and religious contradictions. To add, the Kurdish problems regained their prominence afresh, with the Kurds in Iraq (DPK and PSK) becoming a major political force in the new state after the regime changed, and the Kurds in Turkey (RPK) renewing their armed struggle against the home state to get granted loose autonomy status to the areas of their compact residing.

2. At present, the Kurds are deeply split. Each part of this people is being led by powerful, though perfectly different in their political orientations, parties and organizations, which leaders serve different objectives thus making the dissociation even deeper. That is why there is no prospects to build up an independent Kurdistan, even in a very long run.

3. New military conflict between the leading political parties of the Iraqi Kurdistan and Ankara, on the one side, and RPK, on the other, is inevitable, because the Odjalan organization compete with the clans of Barzany and Talabany. The US are unlikely to help Turkey and their Iraqi allies in this struggle, for there are all perspectives to expand the US influence in the region, if the Americans play on contradictions between their allies and RPK.

4. Making use of the ethnic and religious contradictions is a 'visiting card' of the American policy of the 'Great Middle East modernization' that is primarily aimed at the overall control over energy resources at the subcontinent. Washington used that tactics to shatter the Saddam Hussein regime, the USA use it now against Syria, and most likely to resort to it to against Iran.

5. Further «democratization» of the Great Middle East by the American patterns would lead to escalation of global tension, with Europe and Russia being its first victims.

Sociology

Inna Shumilina. «CELSIUS» VS. «FAHRENHEIT» OR THE 2004 PRESIDENTIAL MOVIE-RACE (Political-Psychological Essay)

1. The film *Fahrenheit 9/11* by Michael Moore widely famed by the Cannes International Film Festival proved to become a unique test and even the tool to uncover some 'latent' parts of the American public consciousness through perception (aversion, to be more exact) of the movie. There is an obvious contrast in psychological mood of Americans and Europeans after September 11th, 2001, the notorious 9/11.

2. The stake the White house made on mass-media (especially, the cinema and TV) to use them as the instruments in political struggle during the last US election cam-

paign had been a thorough occurrence with the minimal administrative resource involved and, in general, with respect to freedom of speech. The 'self-propelled' politicization of the visual media is going hand in hand with their discovery (comprehension) of some social regulating functions in new, post-9/11, environments.

3. On the eve of the elections in the USA, public consciousness sociology, the public consensus on the Iraqi issue failed. The Bush administration rushed to check out their contacts in Hollywood, the Democratic Party's stronghold, to join the efforts for strengthening high patriotic spirit in Americans to fight the threat of terror and to create a favorable image of America abroad, especially, in the Muslim countries.

4. The film, which the Americans took with a great interest, in fact, seemed to become nothing more than entertaining movie on politics for them. 'The outstanding cinema event of the year', as it was called in Europe, made no effect whatsoever on the US elections outcome. Part of the truth is, the Americans have rejected Moore's work because of its enthusiastic recognition in Europe.

The film by Moore is to be seen as phenomenon of an intellectual and political America vs. Europe confrontation.

Pavel Gurevich. THE GRANDEUR AND SCANTINESS OF POLITICAL TECHNOLOGIES (Sociologist's Comment)

1. The American film director, Michael Moore, produced a sort of propagandistic mushroom cloud. Alas, the cloud rose, but none was burnt to ashes. (George) Bush still occupies the Oval Room. Was it inexcusable miscalculation or scantiness of manipulation in general? Do we have to deal with illusory controllability of mass behavior?

2. The history of mankind is full of evidences, when the most sophisticated methods used by manipulators unexpectedly broke down over the naive-&-sober conceptions stuck in rank-and-file minds. Social adventurers, heroes of phrase were quite often crashed, having come in grips with 'rustic naivety' and worldly practiciness, moral simplicity and elementary logic.

3. Where the manipulators make a point of anti-sociality of personality, in fact, the deep-laid sobriety might be found that originates in disappointment with reality. It is increasingly more often that conformal behavior proves to be just a stage, man's passing illusion, who for a time being took 'an idol' for 'the god'.

Economics

Valery Sidorov. RUSSIA: A KNIGHT AT THE CROSSROADS

1. We have left the administrative-command system for market relations milieu, have loudly declared the choice of democratic way of life, have recognized the leading role of universal human values. But all these basic principles of the Russian statehood, that started to firmly establish since the Gorbachev's perestroika, had not still turned into commanding norms of life and population's activities.

2. The policy, laid down by President Putin five years ago, is still being seriously opposed not only in oligarchic circles, but even within his own team. The accepting program documents prepared by the Ministry of Economical Development just follow the track of the so-called 'Washington consensus' concept – the program worked out by experts of the international institutions to put standards in stabilization and transformations for developing countries and the countries with transitional economies.

3. Till now, neither the President, nor the Government, nor the 'authorities' party' gave any convincing answer on strategic priorities of the country's development, suggested a model of our future.

4. The citizens' well-being has always been an 'Achilles' heel' both in the Soviet Union and modern Russia. We kept and still keep a highest level of exploitation of the employed population in the world. Non-monetary aspects of poverty go up at leading

pace, such as an inequality in education, medical care, safety, access to cultural benefits. The higher education is becoming overtly elitist. For the past 15 years, the Science had not been maintained financially, moreover, many scientific schools, the scholar environment had been ruined. The population's opportunities to get qualitative vocational training reduced dramatically.

Reforms put deep psychological impact on consciousness of the Russians, they had extremely negative effect on motivation to work.

5. The Government itself has to admit that their reformatations resulted in 'chaos of administrative reforms', which were especially ruinous because of simultaneous centralization of administrative functions.

6. It is becoming increasingly evident, that without a dash out of poverty, with no substantial growth of the citizens' well-being, the country would find itself at the backyard of global economy. It is the 'leap from misery' that has to become the national idea of the contemporary Russia, the essence and goal of all the reforming.

Konstantin Frumkin. ON THE EVE OF THE EPOCH OF GLOBAL MOBILITY

1. The major challenge facing the mankind is the ever-increasing general instability. This is indeed a system problem: it shows both in politics and culture, in sciences and family relations, and, of course, primarily, in economy. The world economy structures has to undergo continuous changing. Accelerating scientific and technical progress is the major factor of accelerating the economy's mutability.

2. In economy, the change of configuration of resource distribution is always a reaction to changes in three groups of factors – configuration of demand; configuration of competition, or configuration of accessible resources.

3. The major efficiency parameter in the world economy becomes flexibility, i.e. the ability of all kinds of resources to be extremely quickly and freely redistributed throughout geographical regions, industries, segments and any other alternative structural options of the economy.

4. Reorganizing the economy in order to accelerate redistribution of resources should occur at all levels, including that of an enterprise, or even lower – down to individual psychology.

5. The ever-increasing requirements of flexibility and efficiency in changes make quite a new overall character of the world economy just before our own eyes. The economy of the future, in stead of the companies with fixed production structure needs flexible and ephemeral networks of smaller producing units which are created to bring about a specific solution, but also might disintegrate or be restructured in an instant, when new problems, projects or programs are to appear.

6. Decentralization and dynamic washing out of organizational structures should eventually be applied not to business only, but to the state bureaucracy as well.

7. As the spirit of liberal economic policy requires, the state, in order to achieve the social, ecological or military objectives, is to act as an external force in relation to the economy, that can extort resources from the economy, put restrictions in economic activities, but would not combine stimulating production with collateral decision-making in other social or political problems.

8. The meaning of economic liberalism is, if not a belief in the ideal free market, than a trend to approach the existence of 'ideal' market as the perspective of the foreseeable future.

International Conference

THE SOUTH-EAST EUROPE AND RUSSIA: PROBLEMS OF THE MEDITERRANEAN-BLACK SEA REGION

In November 2004, the Russian Academy of Sciences (RAS) Institute of Europe together with the Institute of Strategic Studies & Analysis and the International

Center for the Black Sea Studies (Athens) carried out the international conference on problems of the Mediterranean - Black Sea region and perspectives to enhance cooperation of the Organization of Black Sea Economic Cooperation (BSEC) member-countries.

Prominent Russian and foreign scholars, diplomats of foreign embassies in Moscow, the RF Ministry for Foreign Affairs officials took part in the conference.

Opening address by the RAS Academician Nickolay Shmelev, Director of the Institute of Europe:

Today, one can hardly think of more burning, more urgent subject to discuss, than that of our conference. All most outstanding problems the mankind is facing, both negative and positive, get crossed at the Mediterranean – Black Sea region.

If Hangtinton's prophecy on the future collision of civilizations had to come true it would take place in this region. If the world ought to overcome this hardship (there are various ways to do so, including the 'Great Middle East' project) – the process would also start here. If the European ambitions were to come true, the good old, wise Europe, with its propensity to compromises and attempts to pacify any conflicts by means of economic and cultural pressure, would try to use them in this region, too.

It is not known yet, whether the European Community can 'stomach' ten new members, plus, later, those in waiting – the explosive Balkans and such the solid organization of its own as Turkey. And considering the ambitions of some post-Soviet states, the centrifugal forces from within might pull the European community apart, starting, again, from this region.

If new collisions and undermining anti-terror coalition had to come true, they would be prompted by the collisions of interests Russia, the United States, and EU with its, to me, excessively arrogant aspirations, have precisely in the region of the Caucasus and Caspian Sea.

Publications

Roy Medvedev. CHANGING ELITES IN RUSSIA

From the new book 'Vladimir Putin. Second Term'

«By the year of 2004, Vladimir Putin got rid of not only the obligations he had to give to Boris Yeltsin and the 'family', but also of influence rendered by other political groups and some politicians who personified the «late» Yeltsin regime. But it is not just personnel changes in the Kremlin or in the White house that matter. Putin could start his second presidency with newly arranged political forces throughout Russia, political preferences of the population or people of Russia were not the only to change. For the past 5 years, or, to think big, for the past 15 years, significant changes took place in the people's solid political thinking: the people had earned its own, compared to nothing, political experience during these years.

Many politicians influential just recently, as well as no small number of political groupings and parties have already left and are still leaving the political scene. Many of them leave politics for good, though not all of them are conscious of that.

Russia is experiencing the process that many a historian and sociologist call changing elites usually.»

«...In Russia, we see, for the third time within a century, how our economic, social and political system changed and, accordingly, how changed became our political elite, and with it the bigger part of other elites - in economy, in culture, in the military.»

«Yes, V. Putin watched his rating very closely, but he worked to keep this support by the nation, he worked leaning on this support. V. Putin's main efforts have been focused not on, as he himself put it, implementing some 'foolish ideas', but on building up the efficacious state, on overcoming the poverty, and on fighting corruption. Russia ought to become the country competitive in every respect.

For his new term, V. Putin has kept the same objectives. Putin had what to report of after his first four years, and he could confidently promise much to his voters for other four years to come.»

Alexander Tsipko. FAREWELL TO SOCIALISM (Continuation)

«For the historical truth's sake, it must be acknowledged, that, in 1986, it was the old Politburo who put on the green light for reforming the East Europe which irreversible led to self-destruction of Socialism, to liberating the East Europe of Communism. They, the old men, together with Gorbachev have put a wheel of the History into motion».

«Both at the end of the Communist era, and in its very beginning, the temptation, the very same Bolshevik temptation to accomplish what nobody had ever accomplished, to link what is impossible to join by the nature of things, to link the Stalinist Socialism to Democracy, the public property of the basic means of production to the market, and, the most important, to achieve people's love to communists telling the whole truth of their crimes had become the Demiurge of History. With the start of *perestroika*, everywhere, in Moscow, and in Budapest, and in Warsaw, everybody rushed, overtaking one another, towards a precipice, towards an abyss. But one has to be fair, indeed. Even Khrushchev tried to link what cannot be linked. He believed, too, that upon all the exposures of Stalin's crimes the Soviet people would be inspired with new, purer belief in the Socialism ideals.

As soon as this Utopia came in touch with real life, as soon as the Democracy came in touch with the fundamentals of this power, all would started to crash».

Notes on a Book's Margins

Patrick J. Buchanan. Death of the West. M., 2004

Elvira Spirova. A DECLINE AT FIRST, AND THE DEATH THEREAFTER...

1. Patrick J. Buchanan, the adviser to the US presidents Nixon and Reagan, the Republican Party candidate for presidency in the 1992 and 1996 elections, takes a role of the herald of the neo-Conservative thinking.

The Western civilization, Buchanan claims, would perish not because of the weaponry use or spread of violence. The West would perish, he is sure, unless it refused liberal values. The process would go smoothly, without obvious global conflicts, by shattering vital and practical aims of peoples belong to the Western culture.

2. In its philosophical and ideological trend, the book by Buchanan is appealing to the frame of mind of a certain stratum in the Russian society. In our country, of course, they say not about revival of America. The outline, though, is obvious – the belief in Russia's greatness, in conservative revival of the value of the State, in patriotism, nativity and majestic sovereignty.

ОБ АВТОРАХ

Гаман-Голутвина Оксана Викторовна, род. в Киеве, с отличием закончила философский факультет Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко (1983) и аспирантуру философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (1987).

Кандидат философских наук (1987), доктор политических наук (1998), профессор Российской академии государственной службы при Президенте РФ. Заместитель председателя Научного совета Российской ассоциации политической науки, член Совета по национальной стратегии.

Автор ряда книг, посвященных исследованиям российских политических элит. Среди них: «Бюрократия Российской империи». М., 1997; «Политические элиты России: вехи исторической эволюции». М., 1998; «Цивилизация. Культура. Личность» (в соавторстве). М., 1999. Научный руководитель ряда крупных проектов по исследованию федеральных и региональных элит современной России, в том числе: «Самые влиятельные люди России» (2004); «Властные элиты современной России» (2004). Научный редактор изданных по итогам исследований монографий: «Самые влиятельные люди России». М., 2003, «Властные элиты современной России». М., 2004 и др.

Сфера научных интересов: политическое лидерство, политические элиты, политическая культура и политическое сознание, этические аспекты политики, генезис административно-политической бюрократии и др.

Гуревич Павел Семенович, доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор, заведующий сектором Института философии РАН, заведующий кафедрой психологии Московского государственного университета технологий и управления, заведующий Клиникой глубинной психологии.

Президент Московской межрегиональной психоаналитической ассоциации, один из учредителей и член бюро Российской психоаналитической ассоциации, вице-президент Академии гуманитарных исследований, действительный член Нью-Йоркской академии наук, Международной академии информатизации, академик Российской академии естественных наук.

Специалист по философской антропологии, глубинной психологии, философии культуры и современной западной философии. Постоянно печатается в центральных газетах и журналах, автор ряда школьных и вузовских учебников, многочисленных монографий, в том числе: «Философская антропология» (2001), «Основы философии» (2002), «Культурология» (2003), «Психология» (2004).

Гусейнов Вагиф Алиовсатович, директор Института стратегических оценок и анализа (ИСОА), главный редактор журнала «Вестник аналитики». Получил образование журналиста в Бакинском государственном университете. Работал комментатором общественно-политических передач Азербайджанского радио и телевидения, редактором газеты «Молодежь Азербайджана», первым секретарем ЦК ЛКСМ Азербайджана, секретарем ЦК ВЛКСМ по международным вопросам, первым заместителем начальника управления МИД СССР. С начала войны между Азербайджаном и Арменией из-за Нагорного Карабаха с 1989 по 1991 год – председатель КГБ Азербайджана. С 1998 года – член Совета по внешней и оборонной политике. Автор книг: трехтомника «От Ельцина к ...» (Хроника тайной борьбы), «Пьянящий дурман власти», «Война компроматов», «Каспийская нефть (Экономика и геополитика)».

Демиденко Сергей Владимирович, сотрудник Института стратегических оценок и анализа, кандидат исторических наук.

Кнайсль Карин (Австрия), австрийский независимый журналист, специализируется на Балканах и Ближнем Востоке, кроме этого преподает в Венском университете, Дипломатической академии и в Ливанском университете (по приглашению). С 1983 по 1987 год изучала юриспруденцию и арабистику. Окончила Еврейский университет в Иерусалиме, Джорджтаунский университет в Вашингтоне, Высшую школу управления (ENA) в Париже. Защитила диссертацию в области международного права на тему «Концепция разделения конфликтующих сторон на Ближнем Востоке». С 1990 по 1998 год находилась на дипломатической службе Австрии.

Комлева Елена Владимировна, научный сотрудник Кольского научного центра РАН.

Крупнов Юрий Васильевич, председатель общественного движения «Партия России» и Образовательного общества, советник Российской Федерации 1-го класса. Работал в Российской академии образования и Министерстве образования. Участвовал в 12 крупных разработках общероссийских и региональных программ в сфере образования, социальной политики, промышленного развития и информационной политики г. Москвы, Ханты-Мансийского автономного округа, Хабаровского края и других регионов России, а также Республики Беларусь. В 1992 году совместно с Независимым методологическим университетом организовал издание альманаха «Россия – 2010».

Лауреат премии Президента Российской Федерации в области образования. Автор пяти книг, вышедших в 2003 году: «Стать мировой державой», «Россия между Западом и Востоком. Курс Норд-Ост», «Дом в России» (совместно с А. Кривовым), «Гнев орка» и «Оседлай молнию» (последние две – совместно с М. Калашниковым).

Медведев Рой Александрович, известный российский историк и писатель, кандидат педагогических наук. Сын репрессированного в сталинские времена и посмертно реабилитированного бригадного комиссара Красной Армии. После окончания философского факультета Ленинградского университета работал учителем истории и директором сельской школы. В 1957–1971 годах – сотрудник издательства «Просвещение», а затем Академии педагогических наук. В 1969 году был исключен из КПСС за написание книги о Сталине «К суду истории». В 1989–1991 годах – народный депутат СССР, член ЦК КПСС. С 1991 года – председатель Социалистической партии трудящихся.

С 1971 года – свободный ученый, автор более 30 книг, многие из которых переведены на 14 языков мира и вышли отдельными изданиями в 20 странах. Последние книги «Постсоветская Россия: путешествие через эру Ельцина» (издана в 2000 году в США), «Владимир Путин: четыре года в Кремле», «Московская модель Юрия Лужкова».

Сидоров Валерий Анатольевич, советник Российского союза промышленников и предпринимателей. Окончил Ленинградский военно-механический институт, аспирантуру Ленинградского государственного университета им. Жданова, кандидат экономических наук. Работал в ЦК КПСС, Верховном Совете СССР, Аппарате Президента СССР. С 1991 по 1994 год – директор Российского союза

промышленников и предпринимателей, затем — вице-президент АФК «Система». Имеет более сотни публикаций по экономике труда, политологии и социологии.

Спирова Эльвира Маратовна, кандидат философских наук, заместитель заведующего кафедрой психологии в Московском государственном университете технологий и управления. Автор ряда научных трудов по политической психологии и философской антропологии. Является заместителем заведующего Клиникой глубинной психологии. Член Российского психоаналитического межрегионального общества.

Фрумкин Константин Григорьевич, закончил Финансовую академию при Правительстве РФ, работает в экономической журналистике, в настоящее время — обозреватель отдела экономической политики газеты «Известия». Занимается также философией и культурологией, автор 2 книг и нескольких десятков социально-философских и культурологических статей, опубликованных в журналах «Знамя», «Дружба народов», «Свободная мысль», «Философские науки» и др. Кандидат культурологии.

Шумилина Инна Викторовна, заместитель главного редактора Интернет-портала MidEast.RU, вице-президент НП «СМИ против терроризма и экстремизма»

Ципко Александр Сергеевич, главный научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований (ИМЭПИ) РАН, политический обозреватель «Литературной газеты», доктор философских наук. Окончил философский факультет (1968) и аспирантуру МГУ (1972). Работал в газете «Комсомольская правда», в отделе пропаганды ЦК ВЛКСМ, в журнале «Молодой коммунист». С 1972 года — старший научный сотрудник, руководитель группы, заместитель директора Института экономики мировой социалистической системы АН СССР (впоследствии — ИМЭПИ РАН). В 1978—1980 годах — доцент Института философии и социологии Польской академии наук, 1986—1990 — консультант отдела ЦК КПСС, 1992—1993 — профессор Университета г. Хоккайдо (Япония), 1993—1995 — директор научных программ Горбачев-фонда, 1995—1996 — профессор Вудро Вильсон-центра (США). Редактор приложения к «Независимой газете» «НГ-сценарии» (1996—1998), директор центра стратегических исследований Московского фонда президентских программ (1998—1999). Автор ряда монографий и более 100 научных статей.

Язькова Алла Алексеевна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, член Ученого совета Института международных экономических и политических исследований (ИМЭПИ) РАН, действительный член Академии педагогических и социальных наук, председатель Совета Средиземноморско-Черноморских исследований (Институт Европы РАН).

Автор свыше 200 научных трудов по проблематике международных отношений в Балканском и Черноморско-Каспийском регионах, отношений России с государствами этих регионов, регулирования политико-этнических конфликтов. Автор ряда монографий и публикаций, среди них: «Государства Закавказья и Россия (проблемы южных рубежей России)». М., 1998; «Национально-этнические проблемы (российский и зарубежный опыт их регулирования)». М., 2003; «Процессы трансформации НАТО и балканские кризисы». — В кн. «НАТО: Проблемы и перспективы трансформации». М., 2004.

Sergei V. DEMIDENKO, Cd. Sc. (History), the Institute of Strategic Studies and Analysis.

Konstantin G. FRUMKIN, M.A. (Culturology), graduated from the RF Government's Financial Academy, active in economical journalism; at present, columnist at the Izvestiya newspaper's economical policy section. Engaged in philosophical and culturological studies, authored two books and tens of social-philosophical and culturological essays in publications such as the *Znamy*, *Druzhba Narodov*, *Svobodnaya Mysl*, *Filosofskie Nauki* etc.

Oksana V. GHAMAN-GOLUTVINA, b. in Kiev, graduated with honors from the T.G. Shevchenko Kiev State University (Department of Philosophy), in 1983, and post-graduate courses at the M.V. Lomonosov Moscow State University (Department of Philosophy), in 1987.

Is PhD (1987) and Dr.Sc. in Politology (1998) holder, professor at the RF President's Academy of State Service. Deputy Chairperson of the Scientific Council, Russian Association of Political Science, member of the National Strategy Council.

Authored a number of monographs on studying Russian political elites, including the *Bureaucracy in the Russian Empire* (M:1997); the *Political Elites in Russia: Historical Evolution Milestones* (M:1998); the *Civilization. Culture. Personality* (in co-authorship) (M:1999). Was scientific advisor of some major research projects on federal and regional elites in contemporary Russia, including the *Russia's Most Influential People* (2004); the *Power Elites of Contemporary Russia* (2004). In total, published more than 150 scientific works. Scientific editor of the monographs based on research data – the *Russia's Most Influential People* (M:2003); the *Power Elites of Contemporary Russia* (M:2004), etc.

Fields of research include leadership in politics, political elites, political culture and political consciousness, ethical aspects in politics, genesis of administrative and political bureaucracy, etc.

Pavel S. GUREVICH, D. Sc. (Philosophy), D. Sc. (Philology), professor, Sector Head at the RAS Institute of Philosophy, Head of the Psychology Chair at the Moscow State Institute of Technologies and Management, Chief of the Deep Psychology Clinic.

Is President of the Moscow Inter-Regional Psychoanalytical Association, one of the founders and Bureau member of the Russian Psychoanalytical Association, Vice-President of the Academy of Humanitarian Studies, Full Member of the New York Academy of Sciences, of the International Informatization Academy, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences.

Fields of research include philosophical anthropology, deep psychology, philosophy of culture and modern Western philosophy. Is permanently present in the academic publications and national media, authored some high school and university textbooks, numerous monographs, including *The Philosophical Anthropology* (2001), *The Foundation of Philosophy* (2002), *The Culturology* (2003), *The Psychology* (2004).

Vagif A. GUSEYNOV, director of the Institute of Strategic Studies and Analysis and editor-in-chief of the periodical «Analytical Messenger». Graduate of the State University in Baku. Worked as a commentator for the Radio of Azerbaijan, as a newspaper «Molodezh Azerbajjana» editor, a Secretary in charge of international affairs in the Youth Organization of the USSR (Komsomol), a department deputy chief in the Ministry of Foreign Affairs of the USSR. Starting from the outbreak of the war between Azerbaijan and Armenia in 1989 caused by the problem of Nagorny Karabakh till 1991 he was the Chairman of the State Security Committee (KGB) in Azerbaijan. Since 1998 he is a member of the Russian Council on Foreign and Defense Policy (SFDP). Author of several

books: «From Yeltsin to...?» (volume I-III: «The chronicle of secret struggle», «Euphoria of power», «War of discreditable materials»), «The Caspian oil (economy and geopolitics)».

Karin KNEISSL (Austria), Austrian independent correspondent for the Balkans and the Middle East and university lecturer at the University of Vienna, the Diplomatic Academy and the University of Lebanon (as a visiting lecturer). 1983–1987 studied jurisprudence and Arabian Studies, graduated from The Hebrew University of Jerusalem, Georgetown, Washington and Ecole Nationale d'Administration Paris (National School of Public Administration). Dissertation in International Law on «The Concept of Borders of the Parties of Conflict in the Middle East». From 1990-1998 worked as Austrian diplomat.

Yelena V. KOMLEVA, researcher at the RAS Kola Scientific Center.

Yury V. KRUPNOV, Chairman of the *Russia's Party* public movement and the Educational Society, councilor to the Russian Federation, 1st class. Was employed by the Russian Academy of Education and the Ministry of Education. Took part in developing 12 major federal and regional programs on education, social policy, industrial development and information policy in Moscow, the Khanty-Mansijsk autonomous okrug, the Khabarovsk kray and other regions in Russia, as well as in Republic of Belarus. In 1992, launched the *Russia – 2010* almanac, together with the Independent Methodological University.

The RF President Award holder in education. Authored five books published in 2003 - To Become A World Power; the Russia Between the West and the East. Going Nord-Ost; the Home in Russia (together with A. Krivov); the Ork's Wrath and Straddle A Lighting (the latter two – together with M. Kalashnikov).

Roy A. MEDVEDEV, well known Russian historian and writer, candidate of pedagogical sciences. The son of a brigade commander in the Red army who was repressed in Stalin times and later rehabilitated post mortem. After graduation from the philosophical faculty of the Leningrad State University worked as a teacher of history and director of a village school. In 1957–1971 – employee of the publishing house “Education” and the Academy of Pedagogical Sciences of the USSR. In 1969 was ousted from the Communist party of the Soviet Union (CPSU) for writing of the book about Stalin “To the Court of History”. In 1989–1991 – deputy of the Supreme Soviet (parliament) of the USSR, member of the Central Committee of the CPSU. Since 1991 – co-chairman of the Socialist Party of Workers.

Since 1971 – free scientist, author of more than 30 books, many of which have been translated to 14 languages and published in 20 countries. His latest books: “Post-Soviet Russia: A Journey Through the Yeltsin Era” (published in 2000 in the USA), “Vladimir Putin: Four Years in Kremlin” and “Moscow Model of Yuri Luzhkov”.

Inna V. SHUMILINA, Deputy Editor-in-Chief of the MidEast.RU Internet-portal; Vice-President of the *Mass Media Against Terrorism and Extremism* organization.

Valery A. SIDOROV, Cand. Sc. (Economics), the adviser to the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs. Graduated from the Leningrad Military Mechanical Institute, completed postgraduate course at the A.A. Zhdanov Leningrad State University. Was staff-employee at the CPSU Central Committee, the USSR Supreme Soviet, the USSR President's Staff. In 1991–94 – Director of Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs, then – Vice-President of the Systema JS Financial Corporation. Authored over a hundred publications on economics of labor, and various problems of political science and sociology.

Elvira M. SPIROVA, Ph.D, deputy head of the Psychology Chair at the Moscow State University of Technologies and Managements. Authored some scientific works on political psychology and philosophical anthropology. Deputy Chief of the Deep Psychology Clinic. Holds membership in the Russian Psychoanalytical Inter-Regional Society.

Alexander S. TSIPKO, principal research fellow in the Institute of International Economic and Political Studies (IMEPI) of the Russian Academy of sciences, political observer in the “Literaturnaya gazeta”, doctor of philosophical sciences. Graduated from the philosophical faculty and the post graduate course of the Moscow University. He worked in the newspaper «Komsomolskaya pravda», the propaganda department of the Central Committee of the Youth Organisation of the USSR (Komsomol), the journal «Molodoy kommunist». Since 1972 he was a senior research fellow, head of a subdivision, deputy director of the Institute of Economy of the World Socialist System of the Academy of sciences of the USSR (later IMEPI). In 1978–1980 worked as a senior lecturer of the Institute of Philosophy and Sociology of the Polish Academy of sciences, in 1986–1990 adviser of a department in the Central Committee of the CPSU. In 1992–1993 he was professor in the University of Hokkaido (Japan), in 1993–1995 director of the scientific programs in the Gorbachev-fund, in 1995–1996 professor in the Woodrow Wilson Center (USA). Editor of the supplement to the «Nezavisimaya Gazeta» newspaper «NG-scenarios» in 1996–1998, director of the Center of strategic studies in the Moscow Fund of Presidential Programs in 1998–1999. Author of a number of books and more than 100 scientific articles.

Alla A. YAZKOVA, D. Sc. (History), professor, chief researcher, member of the Academic Council at the RAS Institute of International Economical and Political Studies, Academician of the Academy of Pedagogical and Social Sciences, Chairperson of the Mediterranean - Black Sea Studies (the RAS Institute of Europe).

Authored over 200 scientific works on international relations in the Balkan and Mediterranean - Black Sea regions, Russia's relations with these regions states, settling political and ethnic conflicts. Published some monographs and essays, including the *Transcaucasia States and Russia: Problems of Russia's Southern Frontiers* (M:1998); the *National and Ethnic Problems: Russian and Foreign Experience In Settling Them* (M:2003); the *NATO Transforming and the Balkan Crises//in the NATO: Problems and Perspectives of Transforming* (M:2004).

Верстка
Татьяна АСТАХОВА

Проверка и корректура
Инна ЛЬВОВА

Перевод с английского
Владимир МИСЮЧЕНКО

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-5981 от 22 декабря 2000 года

Адрес редакции:
109004, г. Москва, ул. Б. Коммунистическая, д. 40/14, стр. 1
Телефоны: (095) 911-97-78, (095) 912-39-88
Факс: (095) 911-92-77
www.isoa.ru
E-mail: issa@umail.ru
info@isoa.ru

Тираж 1500 экз.
Цена свободная

Подписано в печать 01.06.05. Формат 60х90¹/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Newton».
Печ.л. 16,0. Заказ №
Отпечатано в филиале «Типография им. Скворцова-Степанова»
ФГУП Изд-во «Известия» УД П РФ
127994, ГСП-4, г. Москва, К-6, Пушкинская пл., д.5

По всем вопросам,
связанным с подпиской
и приобретением отдельных номеров
журнала «Вестник аналитики»,
обращаться по телефону:
912 39 88
или электронной почте:
issa@umail.ru

Подписные индексы издания
в Объединенном каталоге
«Пресса России» – 44351, 44339.
Электронный адрес подписки в Интернете:
www.presscfe.ru

* * *

ПОДПИСКА НА «ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ» ЗА РУБЕЖОМ:

через ЗАО «МК-Периодика» или фирмы-партнеры:
тел. +7 095 681-91-37, 681-97-63;
факс +7 095 681-37-98.
E-mail: info@periodicals.ru
<http://www.periodicals.ru>

SUBSCRIPTION TO *VESTNIK ANALITIKI* ABROAD

Via MK-Periodika or its partners:
Tel.: +7 095 681-91-37, 681-97-63;
fax: +7 095 681-37-98
E-mail: info@periodicals.ru
<http://www.periodicals.ru>